

ЧЕТКИ

3
2009

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

Надер Эбрахими. Три взгляда на человека, пришедшего из неведомого • Ильдар Абузяров. Книга книг • Галина Хизриева. Мохсин Хамид предпринимает попытку • Мохсин Хамид. Фундаменталист поневоле • Из современной поэзии Казахстана Танакоз Толкынкызы (Ильясова), Куролой Омарова, Даурен Бериккажыулы • Ильшат Саетов. Стихотворения • Борис Сыромятников. Россия, Восток и Запад глазами «Сигмы». Часть III • Ренат Беккин. Полный чемодан книг и монета с дырочкой из Мероэ • Анжелика Победоносцева. Первый – не значит лучший • Гумер Исаев. Кто написал Коран? • Татарский шамайль (комментарии И.Л. Алексеева)

ЧѐТКИ

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор: *Беккин Ренат Ирикович*

Заведующий отделом литературы

стран Зарубежного Востока:

Башарин Павел Викторович

Редактор: *Мастюгина Татьяна Мстиславовна*

Корректор: *Конькова Александра Александровна*

Разработка серийного оформления:

Кагаров Эркен Медатович

Верстка: *Зялялетдинова Лейля Камилевна*

ИДЕЯ Льва Николаевича Толстого

Учредитель и издатель:

ООО «Издательский дом Марджани»

Адрес редакции:

117997, г. Москва, ул. Вавилова, д. 69.

Тел.: +7(495) 234-04-79

e-mail: chetky@mardjani.ru

www.mardjani.ru

Интернет-версия: www.chetky.ru

Журнал «Чётки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия.

Свидетельство ПИ № ФС77-28954

ISSN 2070-2205

Редакция не предоставляет справочной информации и не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Рекламуемые товары и услуги подлежат обязательной сертификации. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Чётки», а также на сайте www.chetky.ru, допускается только с письменного разрешения редакции.

Продажа по подписке.

Тираж: 1000 экз.

Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «Проспект» (Москва, ул. Улофа Пальме, д. 1)

© ООО «Издательский дом Марджани»

В номере использованы изделия художественного металла Ирана, Средней и Центральной Азии X–XVIII вв.

Обложка 1-я стр. Каллиграфия, «Аллах», Торлан Горчу.

© Suleiman Collection

Содержание

4 ОТ РЕДАКЦИИ

5 ПИЩА СЕРДЕЦ

6 *Надер Эбрахими.* Три взгляда на человека, пришедшего из неведомого (Роман) (Продолжение)
Перевод с персидского *А. Андриюшкина, В. Богданова, Ю. Митенковой, Е. Морозовой, Н. Федоренко*

33 ТОЛКОВАТЕЛЬ СТРАСТЕЙ

34 *Ильдар Абузяров.* Книга книг (Рассказ в рассказе)
70 *Галина Хизриева.* Мохсин Хамид предпринимает попытку
72 *Мохсин Хамид.* Фундаменталист поневоле
Перевод с английского *Галины Хизриевой*

89 БЕСЕДА ПТИЦ

90 Из современной поэзии Казахстана (*Танакоз Толкынкызы (Ильясова), Куролой Омарова, Даурен Бериккажьюлы*)
Перевод с казахского *Николая Переяслова*
105 *Ильшат Саатов.* Стихотворения

109 ЧУДЕСА СТРАН

110 *Борис Сыромятников.* Россия, Восток и Запад глазами «Сигмы». Часть III (Окончание)
129 *Ренат Беккин.* Полный чемодан книг и монета с дырочкой из Мероэ

141 НИША СВЕТА

142 *Анжелика Победоносцева.* Первый – не значит лучший (Образ мусульманина в романе Валентина Пикуля «Баязет»)
147 *Гумер Исаев.* Кто написал Коран? (Записки преподавателя)

150 ЯЗЫК НЕВИДИМОГО

151 Татарский шамайль (*Комментарии И.Л. Алексеева*)

ОТ РЕДАКЦИИ

Драгоценный читатель!

В октябре в Казани без лишнего шума прошел очередной фестиваль мусульманского кино «Золотой минбар». Выходя с церемонии закрытия фестиваля, простодушные казанские зрители, пожимая плечами, спрашивали: «Какое отношение непосредственно к мусульманскому кино имеет фильм Веры Глаголевой “Одна война”, получивший “Гран-при”?» Злорадные критики писали о фиаско проекта мусульманского кино. И были отчасти правы. Похоже, что благодаря недальновидности организаторов фестиваля такой интересный и оригинальный проект как «Золотой минбар» можно будет оплакать как не оправдавший даже тех слабых надежд, которые на него возлагала мусульманская общественность России.

С самого рождения фестивалю был придан ложный вектор развития. «Золотой минбар» стал фестивалем кино из мусульманских стран, а не фестивалем мусульманского кино. Теперь же, после «Гран-при» фильма Глаголевой, впору ставить вопрос об уместности прилагательного «мусульманский» применительно к кино, демонстрируемому на фестивале.

Остается благодарить Всевышнего, что с литературой дело обстоит лучше.

Концепция мусульманской художественной литературы была сформулирована автором этих строк при подготовке первого сезона литературной премии «Исламский прорыв». Мусульманская художественная литература – это те произведения, в которых затрагиваются актуальные для ислама и мусульман проблемы. Проблемы эти могут быть как общечеловеческими, так и иметь актуальность лишь для самих правоверных. Но и в первом, и во втором случае текст должен быть интересен читателю – какую бы религию он ни исповедовал.

На недостаток добротных текстов, соответствующих указанным выше критериям журнал «Чётки», слава Всевышнему, пожаловаться не может, а значит, кризис жанра мусульманской художественной литературе пока не грозит. О «главнейшем из искусств» такого пока, к сожалению, не скажешь.

Мы искренне желаем организаторам фестиваля «Золотой минбар» найти свое лицо, которое они потеряли, стремясь угодить массовому зрителю. Быть может, журнал «Чётки» послужит для них добрым примером.

Ренат Беккин

Пицца сердец

ТРИ ВЗГЛЯДА НА ЧЕЛОВЕКА, ПРИШЕДШЕГО ИЗ НЕВЕДОМОГО

Отрывки из романа

Надер Эбрахими*

Перевод с персидского А. Андриюшкина, В. Богданова,
Ю. Митенковой, Е. Морозовой, Н. Федоренко.

Продолжение**

9. ЕЩЕ ИЗ ВЗГЛЯДА ТРЕТЬЕГО: БЫТЬ ПОКОРНЫМ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ПОЛИТИКОЙ – ЕСТЬ ЛИ ЕЩЕ ВАРИАНТЫ? (ЖЕНИТЬБА ХОМЕЙНИ)

Хадж-ага Муртаза¹, достойнейший, опустив голову и смутившись, произносит:
– Брат мой! Разрешить несколько слов сказать тебе перед тем, как я распрощаюсь?
– Говори, пожалуйста, говори, сколько находишь нужным. Ты мой старший брат и учитель.

– Брат мой! Я помню, что ты с десяти–двенадцатилетнего возраста постепенно отдался от людей – даже самых тебе родных и близких, – разорвал с ними связь и выбрал одиночество. И я, хотя был как бы твоим воспитателем, никогда не протестовал; мое сердце верило в то, что ты, пусть и малолетний, юный, в своей душе и разуме уже тогда сеял и взращивал то, что ныне, по воле Аллаха, ждет своего одобрения. Сегодня, однако, всякий раз, когда я приезжаю в Кум, я слышу о тебе – о тебе, который в невиданно молодом возрасте, в годы свежести духа, выполнил требования иджитхада, а это есть предмет гордости нашей семьи, и как же радуется этому дух нашего отца и наших предков! – но слышу, что ты якобы ведешь жизнь полного одиночества, не принимая участия ни в каких кружках, не общаясь с учащимися, которым ты интересен, ни с кем не говоришь нигде помимо классной комнаты, и даже с хадж-агой Лавасани, с которым делишь келью, почти не разговариваешь. И я не верю, что до такой степени быть замкнутым – к чьей-либо выгоде, твоей, нашей семьи или всех остальных.

– Я тебя люблю, Муртаза-хан, и скажу тебе прямо: я о выгоде не думаю. Заботиться о том, до какой степени замыкаться в себе и какая от этого выгода или убыток, и нет ли тут болезненности, – все это не в моей природе. Моя душа полна «почему». Я во всяком предмете, большом или малом, пытаюсь найти его истоки: почему возникло

* Надер Эбрахими (1936–2008) – крупнейший прозаик современного Ирана, получивший известность еще до Исламской революции 1978–1979 гг. Автор сборников повестей и рассказов, романа «На все руки мастер», в последние годы Надер Эбрахими трудился над эпопеей о Хомейни «Три взгляда на человека, пришедшего из неведомого». В Иране напечатано пока два тома этого повествования, жанр которого определить весьма трудно. «Три взгляда» – это три дискурса или три прозаических пласта, один из которых повествует о Хомейни-человеке, другой – о Хомейни-политике, третий содержит умозрительно-символические рассуждения. Разграничения эти, впрочем, весьма условны...

** Продолжение. Начало см.: Чётки. 2009. № 2. С. 6–50.

¹ Муртаза Хомейни – старший брат аятоллы Рухоллы Хомейни.

то или иное явление и почему так устроен мир, что каждое явление должно быть смешано с болью и муками? Сомнение нельзя вырывать с корнем, Муртаза-джан! Хотя, конечно, как скепсис сомнение вредно, и я пытаюсь к сомнению прибавить нечто укрепляющее, более сильное.

Муртаза! Я не отбрасываю ничего из того, чего я не понимаю. В противном случае у меня возникает чувство потери. Считаю, что все, что есть в моей жизни, – в поле моего внимания, в самом бытии, в моих движениях, речи, – должно быть осмысленно. То, что может произойти перед этой булочной, можно проигнорировать, так же как и то, что делается вон в том облаке, хотя, конечно, возможность выпадения дождя на наш квартал я из виду не упускаю. Сказать по правде, я день и ночь пребываю в поиске и размышлении, а вот болтовня и пустая трата времени – не для меня.

Муртаза! Человеку поистине не пристало быть неосмысленным, а передача знаний без понимания цели их применения не есть весьма осмысленный образ действия. Стоим на краю пропасти и не видим. Эта угнетенная нация стоит на краю пропасти и не видит этого. Этот крестьянин, этот военный, этот интеллигент, не верящий ни во что...

Как можно в этой стране, подобно попугаю, все время изрекать мудрости, хотя ясно, что никакого результата это не дает?

Я должен быть в поиске – с утра до вечера. Я даже сон себе запретил в достаточном количестве, я досыта есть запретил себе. То же самое и с разговорами.

– Рухолла! Рухолла! Ты сам себя разрушаешь, убиваешь! Выбор одиночества, уста на замке – это не единственный способ найти выход. Быть может, вместе с другими ты скорее...

– Я пока сам не знаю, что я могу хотеть от других или что я хочу, чтобы они нашли для меня. Потерпи немного, Муртаза!

– Но сколько? Сколько терпеть? Ведь здесь – не сады Хомейна. Здесь не долина желтых цветов. Здесь Кум, здесь пустыня. Здесь все высохло, выжжено. И здесь можно выдержать только вместе с другими...

– Сегодня для меня важнее о людях думать, чем с людьми быть. Завтра, возможно, я вернусь к людям, и не с пустыми руками, а с полной ношей – и, может быть, место сомнений займет действие, да такое, что кое-кому страшно станет...

– ...

– ...Я слышал, ты имел честь вновь посетить господина Модарреса?

– Да... Это была наша последняя встреча.

– Не излечил он тебя от какой-нибудь из твоих забот?

– Я к нему не для лечения ходил и не за лекарством.

– Может, наоборот, он усугубил твои заботы? Или все-таки помог чем-то?

– Это нельзя усугубить или облегчить. Он сам сейчас в тупике. Это очень крупная личность. Подобных ему нет. Он знает, что политика неотделима от религии и что даже пытаться отделять их не нужно, но его загнали в безвыходное положение. Политика вообще не изучена у нас в стране достаточно внимательно и не описана всесторонне. Та политика, которой занимается Модаррес, есть ее наиболее распространенная разновидность, где подвизаются сотни других, причем порой более расторопных, чем он. Но опираются они совсем на другое, Муртаза, – на виселицу!

И Модарреса могут повесить в любую минуту, вот даже в то самое время, как мы с тобой говорим о нем.

– Это ты ему самому не сказал?

– Сказал. Почему не сказать?

– Но ему, должно быть, было больно?

– Если остановиться на полпути, будет еще больнее.

– И это ты ему сказал?

– Все я ему сказал. И потом мы попросились...

– ...

– ...

– ...Благородный брат мой Рухолла! Сердце мое изболелось за тебя. Я сам – не подарок, я далеко не тот избранник, потеряв которого, объявляют всеобщий траур... История даже не поморщится из-за меня... но ты, Рухолла... С десятилетнего возраста у тебя всё иначе. С того дня, когда ты в конце сада преподавал урок Абдаллаху, навсегда запретив ему бить Джавада... Этот день не забыть! И ведь ты тогда, фигурально выражаясь, поставил тетушку на колени... Она тебя хотела отблагодарить: «Сейчас будет твой самый вкусный обед». А ты ей с достоинством: «Спасибо, тетушка. Я не хочу есть». Боже мой! А ведь сам был голодный... Правда?

– Голодный. И пить очень хотел. Но я напился из ручья.

– А потом... как ты старался узнать о смерти отца...

– Да, и все допытывался, в сердце его убили или в голову.

– Значит, ты это помнишь.

– Не только помню, а до сих пор мучаюсь этим: в сердце или в голову? В сердце или в голову? Или и в сердце, и в голову?

– По крайней мере, нам — мне и сейиду Нураддину – ты много забот доставил.

– Если бы жива была тетя...

– Не говори...

– И если бы жива была матушка...

– Не говори...

– А как быстро я начал с тобой делиться своими горестями! С Нураддином – никогда. Мы с ним оба – правоверные мусульмане, оба – духовные лица, но далеки, как вершины двух гор.

– Брат мой! Нураддин – хороший человек.

– Я знаю, брат. Твердо знаю это. И даже завидую его набожности и всегда уважал его светскую опытность. Но он как бы не той же породы, что я.

– А я?.. Я – той же породы?

– Видимо, да. Ты ведь с самого моего рождения был рядом со мной и потом стал моим воспитателем, с шестилетнего возраста.

– Спасибо тебе за эти слова, брат. Разреши тебе еще один вопрос задать, прежде чем оставлю тебя?

– Конечно. Хоть два вопроса.

– Скажи, не пришло еще время тебе выбрать супругу?

– Скажешь тоже. Давно пришло это время! Но всё не показывает свое лицо та, к которой я привязался бы сердцем и пошел за ней.

...Хадж-ага Муртаза, достойнейший, впервые за разговор осмелел настолько, что позволил себе хохотнуть. Хохоток его никто посторонний не слышал и потому не смог осудить столь неуместную для духовного лица веселость.

– Брат мой! Когда ты позволяешь себе такие шутки, ты делаешь очень приятно сердцу моему.

– А я себе не позволял шуток. Это вы восприняли сказанное как шутку, сейид Муртаза-хан Хомейни!

– Раба вашего зовут «Достойнейший», не забывайте, Господин...

– Я не забываю, добрый ты человек, но... Говоря между нами... Очень неплохо было бы, если бы одна определенная девичья ручка отодвинула вуаль с лица ее владелицы, чтобы мне хоть мельком ее увидеть... Наверняка личико со щечками, похожими на розы... Я ведь не только мулла, но еще и поэт, не забывай!

– Слава Всевышнему, что ты такой поэтический мулла и что у тебя такой веселый нрав, однако в нашей верующей семье традиция – не смотреть на невесту, хотя бы одним глазком, но слушать ее голосок...

– Ах да, я забыл... Хадж-Ахмад Лак-Нахви таким образом был очарован райским голосом моей бабушки... Я прав?

– Да, только тогда его еще не называли «Лак-Нахви», он был в ту пору сейид Ахмад Мусави Камаре – его пленил голос молоденькой сестренки Юсеф-хана Камаре. Говорят, скандал был неопиcуемый. Жена Юсеф-хана кричала, что якобы его сестра не могла опуститься до того, чтобы заманивать в сети мужчину своим голосом...

– Теперь вспоминаю. Кербелаи Камбар говорил. Но довольно об этом.

– Как скажешь, брат мой. Можно и прекратить разговор об этом. Но ты мне только что дал понять, что – при том, что ты муджтахид и занят многими важными делами – все-таки неплохо было бы заодно и это запретное дельце обделать?

– Ты имеешь в виду, влюбиться по голосу?

– Ну, допустим, так.

– Корень любого дела – это намерение. Если наш дед проявил запретное или греховное желание слушать голос нашей бабушки, а наша бабушка знала об этом желании и вновь давала ему такую возможность, например негромко напевала, значит... Мы имеем запретное деяние с обеих сторон: как со стороны обладателя голоса, так и со стороны слушателя, причем оба согрешили в равной мере. Однако, если наша бабушка, по необходимости и без всяких греховных намерений, произнесла какие-то фразы, которые, опять же без греховных намерений со стороны деда, оказали определенное воздействие на его сердце и душу, и в итоге, как только он почувствовал тягу к ней, он к ней посватался, – тогда всё обстоит правильно и красиво. «Правильно», с точки зрения религиозной нравственности, и «красиво», с точки зрения влюбленных, – ведь они после женитьбы жили с чувством прочнейшей сердечной привязанности друг к другу. Но эта реальная притягательность голоса нашей бабушки могла бы подействовать и на многих других: и на садовников, и на стражников, и на парфюмера, и на бакалейщика, и на мясника, и на пекаря, – все слышали, но все остались без греховных мыслей и желаний. Они слушали этот голос так же, как слушали, например, пение пастушьего рожка.

– Хорошо, брат, но для тебя – каким образом мы можем достичь подобного итога?

– Если мы хотим учитывать благородные традиции нашей семьи, тогда мы должны

пойти на базар и там слушать голоса – хотя мне не кажется, что одно дело менее греховно, чем другое, я имею в виду – подсмотреть личико будущего милого друга.

– Именно. Ты прав. Значит, правильно о тебе говорят, что у тебя не очень высокие требования... Невесту из благородной семьи требуется увидеть, познакомиться с ней, а, чтобы ты сделал ее своей супругой, ведь это должна быть девушка, во всех отношениях достойная тебя...

– Влюбляться, получается, и не обязательно, Муртаза-хан? Я имею в виду: любой мулла ведь и так влюблен в красоту Аллаха?

– Ты так рассуждаешь об этом, брат, будто дебатировать богословский вопрос.

– Клянусь моей ученостью, в этом вопросе я всего лишь ученик. Ты здесь старший, брат мой!

И вновь раздался бесхитростный и сердечный хохоток сейида Муртазы-хана...

...Девушка закрыла лицо, но смотрела во все глаза. Ее черные глаза были как сети праведности. Кажется, она улыбалась под чадрой; возможно, потому что никогда до сего дня не видела сейида в чалме, который бы так радовался и сиял. Молодой сейид Рухолла, однако, на женщин не смотрел вовсе. И на мужчин-то почти не глядел. Его лицо все время было повернуто туда, где никого не было, а если люди были кругом, он опускал глаза к земле – за исключением тех случаев, когда хотел использовать режущую молнию своего взгляда. Так богатырь влагает всю силу в последний удар своего меча – не совершив до этого ни одного неверного движения. Когда он взглядывал на собеседника, у того начинали дрожать тело и дух, и желание сейида – влюбленного из влюбленных – исполнялось. На красивую и стыдливую дочь хадж-аги Сагафи он не смотрел и не пленялся ею; это она, Хадидже-ханум, красивая и стыдливая дочь хадж-аги Сагафи, заметила сияющее лицо сейида – тогда, когда он приходил, чтобы воспользоваться библиотекой его превосходительства хадж-аги Сагафи; она оценила его высокий рост, и его степенность, и его авторитетность духовного лица, и в конце концов даже его взгляд, брошенный на нее мельком; но и голосок Хадидже-ханум был очень сердечным, когда она неторопливо и смущенно говорила ему:

– Пожалуйста, хадж-ага! Мой отец ждет вас в библиотеке...

– Йалла! Йалла!¹

– Пожалуйста...

–...

–...

* * *

Однажды днем, прекрасным днем, сейид Рухолла попросил разрешения хадж-аги Сагафи перемолвиться несколькими словами с юной Хадидже-ханум.

– ...Отец мой стал шахидом, матушка скончалась, была у меня тетя, несравненная в набожности и смелости, но и она ушла в мир иной. Поэтому прошу вас оказать милость вашему покорному слуге и дать разрешение лично переговорить с Хадидже-ханум.

– Нет препятствий, господин! Вы мне – как сын и свет очей моих.

Хадж-ага Сагафи дал свое разрешение и удалился...

– ...Хадидже-ханум! Простите меня! Вот уже долгое время ваш покорный слуга поещает ваш дом и пользуется книгохранилищем вашего уважаемого отца. Вы часто меня видите и в принятых, благоразумных рамках вы узнали характер и нрав вашего покорного слуги. Я правильно говорю?

– Совершенно правильно, хадж-ага!

– Итак, имея в виду это ваше знание обо мне, с вашего позволения, я буду просить вашей руки у вашего отца. Моя надежда состоит в том, чтобы вы сочли меня подходящим для себя.

– ...Я покорна решениям моего отца и приказаниям моей матушки. Любое их решение я приму без возражений.

– Если бы это все-таки было не «любое» решение, а чуть более благожелательное с вашей и их стороны... Я всем сердцем хотел бы этого...

– Слишком быстро вы всем сердцем хотите, хадж-ага! Должно пройти время, и, иншалла, решение может быть самым благоприятным, если Господь захочет.

– Благодарю вас, Хадидже-ханум! Благодарю вас... Тогда, быть может, неплохо будет, если бы вы узнали обо мне чуть больше, чем уже знаете, чтобы впоследствии, если Господь захочет нам дать совместную жизнь, вы не почувствовали себя обманутой.

– Понимаю вас, хадж-ага!

– Я постоянно нахожусь в напряжении, в борьбе с угнетателями, с бедой, с подлостью и с неверием, в отчаянной борьбе...

– Мой отец кое-что говорил об этом.

– ...Более того, все эти духовные лица, которые связаны с шахским двором, и получают подачки от власти, и оправдывают действия правительства, и во все глаза и уши воспринимают все иностранное, – у меня с ними вражда смертельная. И я готов до последнего вздоха бороться с ними и либо поставлю их на колени, либо сам стану шахидом.

– И на эту тему отец кое-что говорил.

– Я, в отличие от тех в сегодняшнем духовенстве, кто считает несвязанность со страной высшей целью развития ислама, – я страну свою люблю (...вдруг – «долина желтых цветов»...). Я верю в то, что «Иран есть надежда ислама», а так как «ислам приносит пользу и севу, и жатве», то полезен он и всей нашей стране. Иран есть земля ислама, и иранская нация ответственна за ислам. Поэтому я не принадлежу к тем муллам, которые под лозунгом «вера не имеет границ» отказываются от всяких обязательств и ответственности. Вера – это растение неба и Аллаха. Ей нужна хорошая почва, чтобы стать плодоносящей, а лучшей почвы, чем Иран, Господь не счел полезным создавать. «Иран для меня – это божественное существо, которое несут на себе ангелы», и желание Всевышнего таково, чтобы эта страна стала знаменосцем чистого ислама Пророка. Думаю, что и на эту тему отец вам что-то говорил.

– ...Это так...

– ...По этой причине быть со мной – может означать вести жизнь мучений, или принять безвременную смерть супруга, или плечом к плечу с супругом вести бой на несколько сторон и пасть шахидами...

¹ Йалла! – Данный возглас имеет следующие значения: 1) возглас-предупреждение мужчин при входе в дом, где могут быть посторонние женщины; 2) слово приветствия после долгого отсутствия; 3) междометие: «давай!», «скорее!», «живей!».

– ...Надеюсь, что я достойна мужчины, борющегося за столь высокие цели... Но у меня есть один маленький вопрос... Разрешите задать вам его?

– Конечно. Пожалуйста!

– К какой из групп мужчин вы принадлежите? К тем, которые женщин считают за ничто или которые женщин, как и мужчин, считают полноправным творением Господа?

...Сейид Рухолла чуть помедлил перед ответом. Этим вопросом, наряду с другими, днем и ночью был занят его мозг. «Почему наши мужчины, ссылаясь на религию, держат женщин в презрении и вытесняют с общественной арены?»

– ...Я по женскому вопросу думаю точно так же, как вы, и считаю женщин таким же полноценным и высоким творением Божьим, каким считаете их вы. Такой мой подход к женскому вопросу вас удовлетворяет?

– Да, хадж-ага!

* * *

– ...Дорогой хадж-ага Муртаза, достойнейший! Поторопись в Кум! Твое желание исполнилось.

– Мое желание или все-таки желание вашей милости?

– Я уже говорил, что в вас пропадает юморист, хадж-ага! Поторопитесь же! У нас – тысяча дел, и это – лишь одно из них.

– Но только в нем одном возможно исцеление! А остальные так и будут болеть...

* * *

– ...Дорогой хадж-ага Лавасани! Засучи рукава – готовимся к свадьбе!

– Мои рукава засучены для любых наших дел, включая, конечно, и свадьбу. Об этом деле также известите его превосходительство аятоллу Хаири... Не помешает!

– ...Так точно. Сегодня же извещу...

* * *

...Год за годом они вспоминали об улыбке, что осветила лицо хадж-аги Рухоллы в тот самый миг, когда она смотрела на него, закрыв лицо. И вновь они возвращались в то время, и переживали это, и осмыслили: оказывается, своевременная улыбка равна в своей ценности своевременному взгляду...

* * *

...Молодой сейид преградил путь сейиду Рухолле и, словно бросился в море со скалы, воспламенился и задал вопрос:

– ...Простите меня, сейид! С того дня, как вы приехали в Кум, по соседству с нами заняли келью и начали ваше неслышное и непорочное спасение, с тех пор мы видим, как вы постоянно замкнуты сами на себя... Ворота высоких полетов вашего духа закрыты от наших взоров... Почему с нами вместе не вскипаете, уважаемый сейид, в разговорах не участвуете, о болях вашего большого сердца не говорите нам? Кто вы, что таким образом от всех – за исключением, конечно, хадж-аги Лавасани – отодвигаетесь и от совместной жизни с нами отклоняетесь?

– ...Вы знаете, что хадж-ага Хаири Язди из города Арак изволил сюда прибыть с целью основания кружка улемов Кума. Я вместе с другими являюсь одним из его учеников и последователей, и под сенью его внимания мы все стараемся в уединении от мира выполнять наши обязанности, состоящие в нелицемерной вере, и в анализе, и в обучении, и в медитации, – все это с целью пробуждения и победы над неверием. Достичь этого можно, если выполнять наши обязанности как можно лучше. Но, помимо всего этого, ваш покорный слуга – в принципе человек неразговорчивый, скорее Господь наделил меня даром понимания. У меня лучше получается изливать душу Господу, чем рабам Господним.

– Ну хотя бы тогда, сложив трудности у порога истины, разделите с нами то, что полегче. Если вы не нуждаетесь в нас, новообученных муллах, это еще не значит, что мы в вас не имеем нужды...

– То, что вы говорите, справедливо. Каждый раз, когда возникнет необходимость, чтобы я что-то принес вам, тут же, не теряя ни минуты, ставьте меня в известность, и я приду. Уклоняться и избегать общения с нашей стороны тоже не принято. Характер вашего покорного слуги таков, что от вас осторожность потребуется.

– ...Ну что ж, так тому и быть... Мы подождем... И в конце концов либо вы к нам придете, либо, как говорят поэты, «мы вас, словно перстень, вденем». Что же касается вашей цели – возвеличить Кум, – а этого же желаем все мы, – то вам следует знать, что дело это весьма важное и почтенное.

– Все мы это знаем.

– В конце же концов может получиться так, что Кум священный это большое духовное соревнование проиграет Неджефу...

– Будьте уверены: мы не отступим. А также и в том уверяю вас, что Кум останется столицей ислама и оазисом шиитской святости...

...Если бы это был другой день, и если бы сердце сейида Рухоллы не переполняла новая надежда, и если бы запах цветения не был разлит повсюду, и если бы кто-то не ждал, когда он постучит в дверь, вернувшись домой, может быть, ага Рухолла разговор бы вел быстрее, закончил его и отправился дальше. Но день был такой... День небесных запахов, звуков и особой сочности призыва к утреннему намазу... Сейид добавил:

– Не уступим. С помощью авторитета великих и благодаря нашей собственной вере мы это место превратим в величайший центр исламской мысли всего мира – без сомнения.

– Сильное желание у вас, господин!

– Не «желание», а «намерение». «Желанием» называют нечто «сырое», а мы уже «вареные», опытные.

– Подобные рассуждения приличествуют великим ученым, а не такому недавнему муджтахиду, как вы.

– ...Когда я молчал, вы меня обвиняли в избегании общения, а когда я по-братски разговорился с вами, обвините, пожалуй, в слепой гордости. Но что поделать?

– Я не обвиняю вас, дорогой сейид, я только выразил свой страх. Боюсь я, что в начале пути столь длинного и полного опасностей вы окажетесь в плену самоуверенности и слишком рано начнете бить в литавры.

– Бить в литавры корифеи начали задолго до нас, о величии они тоже говорили. У нас оснований бить в литавры нет. Сегодня в барабан нужно бить, потому что аудитория и слуха лишена, и дрожит от страха.

Сейид Рухолла остановился было для разговора, но терпение его оставило, и он двинулся дальше.

Молодой шейх сделал то же.

– ...Уважаемый сейид-отшельник! Мои вопросы еще не все исчерпаны. Не могли бы вы потерпеть меня еще немного, господин?

– Я слушаю вас, слушаю, господин. Говорите!

– Вы год назад, когда поднялись волнения по поводу очередных мероприятий Реза-хана¹, не выразили никакого мнения по этому вопросу, даже кратко, а ведь в это время духовенство Кума, Мешхеда, Исфахана и многих других городов сильно волновалось, и ему удалось добиться изменения и смягчения законодательства. А вы, хотя постоянно занимались изучением различных сторон государственной жизни, да к тому же тогда были окружены многими семинаристами, на которых имели влияние, почему вы ничего не сказали по этому вопросу? Ничего...

– ...Создается впечатление, что вы и ваши друзья наблюдали буквально за каждым моим шагом, и все еще наблюдаете. Это так?

– А что же здесь удивительного? В вас что-то есть, господин Хомейни, что притягивает и увлекает... Вы стали самым молодым муджтахидом нашего города. Хотите этого или нет, но вы стали и примером для многих семинаристов... И если вы скажете мне, я передам им, почему вы в вопросе военного положения уклонились от занятия позиции...

– У меня не было возражений против военного положения, но я не хотел этого говорить, потому что показалось бы: я согласен с делами и начинаниями Реза-хана. Это очень страшно, что мы почти мгновенно достигли единодушия с собственными врагами. Это дело имеет постыдный и не вызывающий доверия привкус. Меня это очень пугает – ведь такое согласие, на первый взгляд продиктованное поиском справедливости и благородства, внутренне не является ничем иным, как желанием подчиниться врагу при сохранении приличий. Знак бровями – это намек на примирение и соглашательство, и такой знак, когда борьба идет за пространство, не означает ничего кроме отступления... Вы понимаете меня, господин?

– Понять вас нетрудно: согласие, характеризующееся определенными чертами, например отсутствием серьезности, не означает настоящего согласия, но войну превращает в игру.

– Спасибо, господин! Вы очень точно выразились. Если кто-то стоит на позициях врага веры и страны, мы не имеем права – кроме определенных частных случаев и поводов, но их оставим в стороне – обниматься с ним, жать ему руку, дружить с

¹ Захватив власть в Иране и объявив себя шахом (Учредительное собрание объявило Реза-хана наследным шахом в 1925 г.), Реза-хан все годы вплоть до Второй мировой войны проводил в Иране жесткую политику, сопровождавшуюся рядом мер, направленных, с одной стороны, на индустриализацию и модернизацию Ирана, а с другой стороны – на урезывание прав духовенства, борьбу с религией. В конце 1930-х гг. им был заключен секретный договор с Гитлером, и страна все более сближалась с нацистской Германией, что продолжалось вплоть до низложения Реза-хана советскими и британскими войсками в августе 1941 г. Исламское духовенство Ирана последовательно боролось против внутренней политики Реза-хана.

ним и утверждать, что мы, дескать, отдаем дань справедливости. Дескать, надо принимать в расчет даже слова наших кровных врагов... Нет! Наши враги – это враги нашей заветной страсти, и мы не имеем права, по причинам каких бы то ни было составляющих нашей страсти, вести дела с врагами. Я считаю, что мы должны быть неуклонным «нет» в противостоянии врагам, пусть даже враги утверждают, что приносят нам величайшее «да» в мире.

– Понятно говорите, сейид, и сердечно.

– Посмотрите! Я бы хотел чтобы семинаристы – и даже духовные лица почтенного возраста – учились стрельбе и бою, были бы телесно крепкими, чтобы на поле битвы не уступать никому. Изучать практические приемы борьбы с врагом! Но если сегодня я об этом объявлю, то вы на пути у меня не встанете и страсти к взаимопониманию со мной не проявите. Я опозорюсь и потеряю доверие, и наяву разыграется историческая легенда о сильном, но неразумном витязе.

– Именно так, уважаемый сейид! Именно так! Я и некоторое число моих друзей следим за вами еще с того времени, когда вы не надели облачение иджтихада¹. Я ведь тогда присутствовал там – в тот морозный день.

Сейид Рухолла остановился и повернулся к шейху Ахмаду.

– Вы присутствовали где?

– В доме хадж-аги Модарреса. Вы по сравнению с ним были в более низком положении, но указали ему на его ошибки и потом больше не появлялись.

– Мне нечего сказать на это.

– А он тогда нам заявил: «Следуйте за этим молодым учителем».

– Он в то время проявлял большее, чем нужно, самоуничижение. А ведь не следует считать себя незначительнее сейида Зи² или других опор монархии и приспешников Реза-хана. Скромность погубит Модарреса – скромность бóльшая, чем та, что ему предложена ходом событий...

– ...Простите, что всё не отпускаю вас, господин Хомейни. Однако имею еще вопросы, а вы имеете сан муджтахида. Состояние нашей родины неопишимо ужасно. Не так ли? Вы ведь так думаете?

– ...Я, чем пристальнее вглядываюсь в нынешние события, тем дальше отхожу от готовых, линейных оценок и привыкаю воздерживаться от формулирования своей оценки ситуации в стране. Господин Мосаддык Ал-Салтане³ – это молодой патриот и интеллигент, хотя и не очень приверженный религии. Однако я не знаю, с кем он и на чьей стороне. Господин Модаррес. В конечном счете я тоже не знаю, с кем он и чего хочет. Хадж-ага Абуль-Касем Кашани⁴. При той вызывающей изумление борьбе, которую вел

¹ Иджтихад (букв. «усердие», «старание») – одно из ключевых понятий мусульманского права (фикха), обозначающее главным образом индивидуальное рассуждение, в более узком смысле – использование способа суждения по аналогии (кийас). Муджтахид – ученый, занимающийся иджтихадом.

² Зияад-Дин – журналист, политик, который позднее описываемых событий на короткое время стал премьер-министром в одном из правительств Ирана.

³ Мохаммед Мосаддык (1882–1967) – выдающийся иранский политический деятель XX в., премьер-министр в 1951–1953 гг. Родился в Иране в семье высокопоставленного чиновника, его мать была внучкой каджарского принца. Получил образование в Иране, Франции и Швейцарии, правовед. Начиная с 1920 х гг. занимал важные государственные посты, после Второй мировой войны, возглавив правительство Ирана, провел национализацию нефти. В 1953 г. свергнут в результате реакционного переворота генерала Захеда.

⁴ Аятолла Абуль-Касем Кашани – видный религиозно-политический деятель Ирана середины XX в. В 1918–1920 гг. принимал активное участие в антианглийских выступлениях в Ираке, в 1921 г. переселился в Иран, спасаясь от преследований англичан.

с англичанами его отец и затем вел он самостоятельно, заслужив от них смертный приговор, – при всем этом я не понимаю, с какой партией ему, Кашани, по пути? В своих публичных выступлениях они все заодно, но при этом борются друг с другом, иногда противодействуя премьеру, а иногда вставая на его сторону. А иногда – на сторону Реза-хана. Разве Реза-хан не связан с англичанами? Господин Модаррес явным образом противостоит Реза-хану, господин Кашани в таком случае Реза-хана одобряет и поддерживает, господин Мосаддык защищает уничтоженного Ахмад-шаха и отправленную в небытие династию Каджаров, но, конечно, господина Модарреса упрямо не поддерживает и не сделал ни одного шага для спасения этого праведного старика от смертного приговора, который уже готов для него. В это время почему вдруг господин Модаррес изо всех сил начал поддерживать премьерера? На том основании, что у премьерера была программа, нацеленная на уничтожение Верховного главнокомандующего и на занятие его места? Если не верующий ни во что премьер занял бы место Реза-хана, то открыло бы это какие-то возможности для господина Модарреса? Главное же, почему все эти игры – вовлекающие всех в этом потерпевшем крушение царстве – разыгрываются между этими четырьмя-пятью людьми? Что, все остальные люди в меджлисе, при дворе, в правительстве или по сторонам и вокруг рухнувших институтов нашего общества не имеют ни разума, ни величия, ни любви к служению Ирану? Или каждый, кто попытается поднять голову, получает по ней удар? Модаррес, Мосаддык, премьер, Кашани, наконец – сейид Зия, откуда они все появились? Как далеко они видят? Куда направляются? Господина Модарреса сейчас оставим в стороне, но прочие – откуда пришли? Неужели сейид Зия выскочил из окопа своей грошовой газеты, где под разными именами писал на все темы, – и вот со всем пылом и жаром втянулся в вопросы границ, кровью установленных, а теперь перекраиваемых вопреки интересам Ирана? И вот есть подробная карта, волосок к волоску, вот есть сабля, которой можно размахивать, вот буйная драка, вот ружье, вот жезл, вот попытки: что дальше? Может, все эти люди – поденщики или посредники, которые, как только их роль будет исполнена, исчезнут? Почему для них всех считается наградой – опять же оставим в стороне господина Модарреса – поездка в Европу? Почему, если хотят чем-то наградить кого-то, кроме денег, посылают в Англию, чтобы там человек получил не-национальное и не-религиозное образование, а вернувшись сюда, подобно членам общин бахаистов¹, начал бы причитать: «Ай, вай, эти иранские политики!»

Видите, шейх? У меня голова от этого всего идет кругом. Изучаю вопрос, но прихожу не туда, куда надеялся прийти. По книгам и трактатам я сформулировал следующее определение политики: «Политика – это такая форма совещательных и силовых действий, которая связывает власть и сковывает народ». По-моему, очень удачно! Предположим, что вы также принимаете это определение. Теперь скажите, что лучше потерять: духовность этой страны или свободу для определенных групп быть продажными? Важнее ли польза для англичан, русских или французов, чем польза для голодных Ирана – с юга и до севера? Юг нашей страны стонет от разбойников, в ко-

торые идет всякое отребье, но, может быть, их можно победить, опираясь даже не на народ – голый и голодный, – а на верования юга нашей страны?¹

Видите, господин? Я читаю лекции по наследию Муллы Садра², одно имя которого вызывает трепет моих слушателей, но о том, что такое политика, я не имею понятия. Ни малейшего. Если политика – это те же азартные игры, которые распространены среди состоятельных людей, то ваш покорный слуга не является политиком и ни к каким посольствам близко не подойдет, пусть меня хоть по горло засыплют золотом и брильянтами. Если же политика – это нечто другое, связанное с народом и с выбором народом нужного ему пути, строя, правительства, суда, места жизни и убежища, – тогда ваш покорный слуга должен подумать. И я постоянно уединяюсь и думаю об этом. Мы должны выбрать путь света, который в конце концов приведет нас к пламенеющей чаше солнца. Мы должны знать, чего мы хотим на сегодняшний день, чего мы хотим для завтра и для времени через пятьсот лет. Каковы наши нужды, желания, цели, лозунги. От малого к большому, к бесконечно большому. Сможем ли мы, босые и оборванные, в простых кафтанах и дешевых сандалиях, добежать до самой глубины смысла? Отвоевать нашу землю, повергнуть в страх тех, кто ослабляет веру, и вернуться с разбитыми головами в наши жалкие хижины? Во все это я не верю. Я надеюсь, хадж-ага, дорогой, что вы не сплетник (да простит меня Аллах), и говорю вам: мои соратники – боль за мою страну, печаль о ее страданиях, об упадке ислама; но печаль и боль – это не оружие победы.

Мы, если всерьез хотим быть на этом поле боя, должны иметь веру, которая побеждает; мы должны в наших действиях исходить из этой веры. Пусть, в самом деле, будет лишь угол нашей кельи, где мы овладеваем знаниями, и класс, где можно преподавать, – этого достаточно!

– ...Еще раз простите мою дерзость, господин Хомейни. Я пришел не для того, чтобы уйти совсем с пустыми руками... В этом городе есть семинаристы, питающие к вам странное влечение... Они много говорят о вас, и таким образом становятся известны проникновенность и сила вашего слова и колдовство вашего взгляда. Они, эти студенты, из вашего присутствия сделали монополию или в вашем присутствии нашли монополию... Таким образом они имеют чудо или, скорее, видят чудо... В таком положении вещей вы находите выгоду для нации и для своих соратников. С ними общаетесь. С ними разговариваете. Устанавливаете их распорядок дня. На поверхности все спокойно. Но в глубине вы оказываете на них сильнейшее влияние, будоражите их души. Поговорите же с нами так же, как с ними! Удовлетворите их, как удовлетворили меня! Они рвутся в дело. Поистине...

Сейид! Расскажите им о тех же самых четырех ступенях: настоящее, ближайшее будущее, отдаленное будущее и точка бесконечности. Нужды. Желания. Цели. Лозунги...

Нет таких слов, которые бы вы сказали и которые отвергли бы нелицемерные муллы.

– Согласен. В качестве следующего шага я приду для разговора с вами. Я действительно топчусь на месте – как это ни печально.

¹ На юге Ирана в портовых городах проживает многочисленное арабское население, среди которого распространен суннитский ислам.

² Мулла Садра (Садр ад-Дин аш-Ширази) (1571–1640) – известный иранский философ и богослов, ученик Мир Дамада, главы «Исфаханской школы». Автор ок. 50 трактатов по богословию и философии. Во главе угла его системы поставлена трансцендентная, или Божественная мудрость (хикма мутаалийя), позволяющая увидеть вещи в модусе истины, какие они есть на самом деле.

В 1942 г. был арестован английскими военными властями по обвинению в сотрудничестве с гитлеровцами, после войны, в критические годы правления Мосаддыка, играл важную роль в деле установления взаимоотношений между светскими и духовными властями Ирана, в формировании внутренней и внешней политики Иранского государства.

¹ Бахаизм (беаизм) – синкретическая религия, возникшая в XIX в. в Иране на почве шиитского ислама. Свое название обрела от своего основателя Бахауллы (арабск. «Божье величие»).

– Вам кажется, что вы стоите на месте, хадж-ага Рухолла! А тем не менее вы идете вперед, и это продвижение скрываете от своих. Но это и есть наилучший способ движения вперед.

– Спасибо за такую оценку. Значит, иногда я буду вас посещать, и мы будем говорить о положении в стране.

– Для первой встречи я очень прошу вашего позволения сообщить нескольким моим друзьям о вашем приходе. В надежном месте, чтобы не потревожили.

– Не запрещаю вам, господин!

– Еще одно, и конец: возьмите на себя труд – делать различие между людьми. Для кого-то, кто не является шпионом, нет брани хуже, чем обвинение в шпионаже... С Богом, господин Хомейни!

Хадж Ахмад-ага поклонился и ушел, но громкий голос сейида Рухоллы догнал его:

– Да, я понял... Понял...

* * *

...Господи! Не заставляй меня отвечать за работу, к которой не видишь меня способным!

Я очарован смертью. На заре юности я был подготовлен к ней и согласен. Но для того, чтобы быть передовым всадником и жертвой такой чистоты, я слишком мал, Господи, я слаб. Я пылинка, Господи, я нуль, я ничто!

Господи! У меня не было и нет никаких требований. Я – последний из твоих учеников и крохотнейший из влюбленных в Тебя. Я увенчиваю мой измученный дух, как короной, повелителем моим Али. А Ты сделай из политики ярмо и надень его мне на шею. И потом гони меня, Господь, куда Тебе угодно... Гони меня в прах и кровь. Гони в камнепадные улицы любви, в развалины, которые стали сегодня жилищем Меджнун-а! Тащи меня так, чтобы веревка твоей любви сдавила мне горло, чтобы она врезалась, вгрызлась в него... И тащи дальше! Но не дай непорочному народу подчиниться мне! Не дай ему пойти бродяжить следом за мной...

О, Господи!

Я еще на этой опасной территории – как малое дитя. Не пожалей для меня молока Матери-земли! И благой Твоей доброты не пожалей!

Я не уверен, что готов схватиться с демонами на этом поле боя.

Потому либо убей меня, либо снабди оружием, от которого погибнут враги веры и благочестия...

Будь творцом силы моей, будь мне Ахурой², открывающим путь, будь Богом богов!..

* * *

Теперь в келье уже оставаться было нельзя.

Хадж-ага Рухолла, 27-летний, преподавал нам этику, философию, основы ислама... Теперь он еще и наводил порядок в своем доме...

¹ Меджнун (арабск. «одержимый») – прозвище знаменитого доисламского поэта Кайса ибн аль-Мулаваха, известного в более поздней традиции как герой ряда любовных поэм «Лейли и Меджнун» (арабск. «Лайла и Меджнун») на арабском и персидском, в которых Меджнун стал образом влюбленного, одержимого своей страстью.

² Имеется в виду Ахура-Мазда, верховное божество зороастрийского пантеона.

Хадидже-ханум – положительная девушка религиозного круга – переехала в келью Хадж-аги Рухоллы.

Келью залило светом...

Хмурые цвета исчезли со стен и бежали прочь.

Пыль исчезла со всех предметов.

На всем появилось сияние любви.

Хадж-ага Рухолла негромко говорил: белый – очень красивый цвет, хотя мы до сих пор думали, что он бесцветен. Нужно сделать белыми наши улицы и кварталы. И целые города! Даже всю нашу страну, сегодня страдающую от гнета иностранцев...

Хадидже-бану медленно и нежно возразила: – Это дорого, господин!

– Дорого? Средства дает Господь. А наше дело – отыскивать великие желания.

– ...Если средства дает Господь, поистине – Он же дает и желания.

Господин повернулся и посмотрел в глаза госпоже. Необыкновенный взгляд его, хотя бы на мгновение, она еще могла выдерживать, но вот ответить на его фразу своей фразой так до конца жизни и не научилась...

...Постепенно, однако, Хадидже-бану привыкала к волшебству его взгляда и училась у него львиной храбрости, которую, впрочем, не проявляла до тех пор, пока не настало время открытой борьбы...

* * *

...Благом было, что все эти дни, месяцы и годы сейид провел без вестей откуда-либо, ничего не ведая о трудностях и о грехах, – оставался в уединении и плакал. Он плакал не «по горизонтали» – «по вертикали» рыдал. Не делал полной степь – наполнял колодец. И сердце его, молодое, но получившее сотню ранений, как бы восклицало: почему так устроено, что Айуб¹, с его необычной душой, берет червей со своего тела и кладет их обратно на тело свое же; почему боль, которую Господь дает, всегда есть боль сладкая; но почему пророки, которые имеют весть о беде, не имеют разрешения что-либо об этой беде донести до ушей своих незнающих учеников?..

...После нескольких вечеров и дней растерянности сейид Рухолла засучил рукава, взял кропильницу для розовой воды², отлил розовой воды из лепестков первого цветения, правильно приготовленных, и кропил на печать, чтобы она благоухала... И чтобы благоухала охранная грамота, мелко написанная, которую взял руками, чистыми после омовения, и положил в карман, чтобы поднести человеку света и намаза, и между детскими его движениями сказать... Ключ от чулана ни у кого не проси. Скрытые места намаза не открывай, а хмурость твою разгладь. Я знаю всё. Большая связка всех ключей лежит наверху на полке в кладовой.

Не горюй. Ни один из тех, у кого нет такой райской розовой воды, не уйдет отсюда.

Корзины маленькие и корзины большие, и красный шиповник, для изящества – красный шиповник.

Корзины маленькие и корзины большие, возле еле теплящегося очага...

¹ Айуб – коранический вариант библейского Иова.

² Сосуд в виде небольшого графинчика с высоким узким горлышком.

Край арыка, небольшого пруда, спускают воду и уходят... Такое впечатление, будто здесь склянка Господней розовой воды разбита. Такое впечатление.

Шиповник в котлы бросает.
 Дети, воспламененные, опахивают.
 Некто в шкуре барашка дует.
 Старики нюхают и пробуют.
 Юные с ароматом любви играют.
 Игра юных теперь хадж-агу Рухоллу не огорчает.
 Некто в доме, кто за его путем следит.
 Некто, кто любовь на материальное меняет.
 Некто есть в доме. Мы знаем.

Розовая вода потомков Али запах вечности имеет.
 Ты никогда дверь закрытую не открывал склянкой розовой воды?
 И в глубину, вдохнув ее запах, не падал?
 Ах да, об этой беде ты, ты не знаешь...
 Как ароматом, направленным в пространство искривленное, окропить?
 К миру принюхайся, к своим принюхайся, к омовению принюхайся!
 Видишь, чувствуешь: этот запах, который с тобой един, перенесет тебя в сады милого шиповника.
 Не запах шиповника, а сам шиповник войдет в твой живой наблюдающий мозг.
 Если бы здесь была степь желтого шиповника,
 Я здесь же полюбил бы,
 Я здесь же зарыдал бы.
 Я здесь же умер бы...

10. ВЗГЛЯДЫ СМЕШАЛИСЬ: ГЛАВА О ДОЛИНЕ ЖЕЛТЫХ ЦВЕТОВ

ветер ветер и луга желтых цветов!
 долины желтые
 грусть красная, грусть зеленая, грусть желтая
 грусть цветная перьев и крыльев души
 грусть крестьянина и вся боль его
 память о ветре над этими лугами желтых цветов!
 гора небольшая желтая
 и ветерок добрый, но холодный...
 человек сказал сам себе:
 написать бы мне однажды газель
 пусть не так красиво, как Хафиз,
 но
 чтобы была в ней боль всех его слов...
 память о ветре над этими лугами желтых цветов...

* * *

Господин совершил полуденный намаз, вторично попил чаю, посидел, обдумывая поновому несколько аятов Корана, написал еще несколько строчек своего нового воззвания к борьбе с угнетателями, потом привалился к одной из мягких старинных подушек, для того чтобы постепенно, медленно отправиться в обычное свое путешествие на любимую родину, на берег того негромко бормочущего ручья, который течет из горной долины желтых цветов, из сердца этой цепи невысоких гор, из расселины, и к этому старинному почти безлюдному замку, «Хасан Фалак», к этому замку заброшенному, где желтые цветы... Пойти туда и расхаживать там, и побежать, присесть, кидать камни, глубоко вдыхать, смотреть на чистое небо и поднять руки к двум сторонам: Господи! На этом устрашающем пути будь моим водителем! Я без Тебя ничто, меньше чем ничто...

...И вновь все возникнет в памяти: живее живого, цветное, юное, радостное, ароматное, сладкое, а иногда соленое, или горькое, или терпкое, или едкое...

...В такие минуты все знали, что в комнату господина стучаться нельзя, ничего нельзя приносить или забирать, а снаружи комнаты нельзя говорить голосом более громким, чем вздохи того ветерка...

* * *

Однажды вечером ты мне сказал: «Господь сотворил любовь и сотворил шайтана и злобу».

Я об этом вопросе много думаю.

Горюю о могуществе шайтана,
 сравнимом с могуществом Господа...

но

сегодня я вернулся чтобы поговорить с тобой...

Шайтан никогда не имел силы творения и удачи творения.

Господь сотворил любовь, человека и злобу.

Почему Господь частицу Своей бесконечной силы уделил человеку?

И если человек не хочет подчиняться любви,

страстной любви к очищению,

и быть непорочным в мыслях,

и идти радостным путем любви и чистоты,

то он может своих самых близких

испытать падением,

но найти случай, чтобы выразить раскаяние

и вернуться...

Раскаяние есть царство человека –

не шайтана

если бы когда-нибудь шайтан сошел со своего пути и раскаялся

и взмолился бы о великом прощении...

от человека и только от человека можно научиться возвращению –

не от Бога.

Потому Господь дал человеку право падения, чтобы жизнь

получила аромат и вкус обуздания страстей,

приятный аромат и вкус очищения страстей.

О наслаждении и приятности
никогда не забывай!

Шайтан тому, как заставить пасть человека,
от самого человека научился, не от Господа миров.
Знай это!

Шайтан никогда не был учителем шахов, но, напротив, шахи учили шайтана – и шайтанству, и царственности.

* * *

Господин снова меряет комнату шагами и произносит, готовит в уме свою решающую речь:

– Сестры! Братья! Берегитесь, как бы личная и случайная вражда не заняла место вражды организованной. Партийная вражда тоже, как и личная, смертельно опасна, потому что партии, которые сейчас появились в нашем отечестве, по большей части поддерживаются из-за границы. К тому же они еще и враждуют друг с другом. Ни одна из них реально не способна согласиться с другой. Ни одна! Они не для того созданы, чтобы принести нашему отечеству спасение, они возникли чтобы в тот самый миг, когда мы почувствуем возможность спасения и когда в сердцах народа появится реальная надежда, наброситься друг на друга и начать рвать друг друга на куски, и развязать внутреннюю, партийную, групповую, племенную грызню, чтобы наш народ был ввергнут в отсталость и чтобы вновь восторжествовало угнетение, а народ был бы лишен своих прав. Неужели мы уже позабыли двадцать восьмое мордада?¹

Насилие, рожденное западными школами мысли, или насилие, выросшее из личной вражды, не является исламским по духу и ни к чему хорошему не приведет. Только ограниченное насилие, такое ограниченное насилие, которое умеряется вашим благородным человеческим разумом и сочетается с вашим иранским духом и с вашей праведной верой, а также с нравственными распоряжениями святых имамов, ваших вождей, – только оно исправит ситуацию в стране, показав вам, что те, которые сегодня осуществляют власть в ней во главе с этим недоумком², поистине угнетали изможденный народ, и злобились над ним, и совершали преступления! Поистине нас продавали иностранцам, разменивали как мелкую монету – и так год за годом. Поэтому теперь ваш разум и сообразительность говорят вам, что эти – не из наших. Они должны уйти. Причем спокойно они уйти не должны, сначала они должны ответить за свои дела, а уж потом уйти в преисподнюю. И теперь, когда к вам приходит какая-то партия или фронт и говорит «конституция», засуньте им ее в глотку! Если какой-нибудь человек приходит и говорит: «Я дам свободы, которых вы добиваетесь, я сделаю то-то и то-то, я приведу экономику страны к подъему, я организую справедливые выборы, я клянусь...» – все это засуньте

¹ 28 мордада – 19 августа 1953 г., когда премьер-министр Ирана Мосаддык был свергнут в результате переворота генералом Захеиди, инспирированного американцами и шахом Резой Пехлеви. Его конфронтация с духовенством стала одной из главных причин его свержения.

² Мохаммед Реза Пехлеви (1919–1980) был шахом Ирана с 1941 по 1979 г. Пришел к власти после введения в Иран советских и английских войск в 1941 г., после того как его отец, Реза-хан, отрекся от престола в его пользу. Мохаммед Реза Пехлеви проявил себя умелым и хитрым политиком, поддерживал очень тесные отношения с США, но даже в самый разгар «холодной войны», имел довольно тесные отношения с СССР. По отношению к духовенству проводил политику сдержанную, если не сказать враждебную, что и стало одной из главных причин его свержения в результате Исламской революции 1978–1979 гг.

ему в глотку! И засуньте поглубже! Одно дело, когда общественное движение выполняет волю Божью, а другое дело – эти эгоисты, не надеющиеся на Творца и не опирающиеся на большинство народа. Любой такой эгоист – человек падший и несправедливый, который завтра, если вы его схватите за ворот и спросите: «Почему творишь непотребства по отношению к нации, к революции, к религии?» – ответит: «Это шайтан мне внушил, а я послушался...» – «Да ты сам можешь дать сотню уроков шайтану! – ответим ему. – Сейчас, когда попался, ты вдруг вспомнил про шайтана и про уроки в медресе. Но мы тебя судим и наказываем за твои собственные грехи и поступки, за собственную выгоду, которую ты извлек, а не за то, что шайтан совершил. Ты сам – нога шайтана или слуга Большого шайтана, который есть Америка; а сейчас ты хочешь всё зло, которое ты нам причинил, повесить на шею шайтана, изгнанного от престола Всевышнего?»

...Господин улыбнулся. Он любил так пошутить. Он любил видеть, как улыбается народ. Вдруг опять запах желтых цветов ожил в его памяти, как будто проник в ноздри наяву...

– Да... Мне иногда вспоминается: в Хомейне, в предгорье, была небольшая деревенька в дюжину дворов под названием Хасан Фалак. И сегодня я слышу, что каждый день какое-то количество жителей этой небольшой горной деревеньки специально приходят в город и, согласно своей вере, скандируют: «Смерть шаху». Если уж до этого дошло, то ясно: всем шахским приспешникам, и самому шаху, и всем этим мелким партиям и группам, которые то бьют себя в грудь конституцией, то тем, что они являются слугами России, всем им – конец.

Не только этому шахишке и его отцу придется держать экзамен и отдавать долги – придется отвечать всему монархическому строю, которому две с половиной тысячи лет или более того. Теперь мы увидим, с упованием на истину, какие результаты принесет к этому престолу утверждение порядка, заповеданного пророком Али...

(Конец Первого тома)*.

Второй том.

НА АРЕНЕ

II. ВСЕ ЕЩЕ ВЗГЛЯД ПЕРВЫЙ: У КАЖДОГО КОНЦА ЕСТЬ НАЧАЛО

Так тысячу лет – может быть, больше – в служении древним желаниям новички, мы сидели возле неумирающего огня. И я сказал старику-учителю: «Шейх! Так все-таки бессмертия нет?»

– Почему? – ответил он. – С Божьей помощью день и ночь сидеть – достаточно. А то отправимся вновь на исследование того, что есть Божья сущность.

И обратился ко второму:

– Еще раз напоминаю тебе, что иметь Бога есть благо, а впасть в нищету неверия – беда. Господь – дух добрый, и хорошо хотя бы крупицу этого доброго духа иметь в своем теле и душе...

* Первый том, так же как и следующий за ним Второй том, публикуется с сокращениями.

Недавние твои слова были о том, почему из всех ошибок человека так важна та, когда он впадает в гнев; однако ты не говорил о том, почему не должен впасть в гнев наш Господь, когда Он видит, что человек валяется в грязи. А ведь гнев Господень... Я и ты знаем, чувствуем его и теряемся перед ним...

Иметь Бога есть благо – по тем хотя бы причинам, что человек всегда будет стараться преодолеть грех, освободиться от разврата, словом – спастись. Может быть, еще важнее для нас – покровительство Бога и чтобы Он принял наше раскаяние.

Без Бога теряют смысл идеи воздаяния, раскаяния, совершенствования; бессмысленным становится подчинение морали, выбор правильного пути и воздержание от пути ложного.

Без Бога человек никогда не возопит: О, Отец небесный! Помоги мне вытащить самого себя из колодца греха и воссесть в свете солнца и чистоты...

– ...Все это следует обдумать, – сказал ученик.

– Так обдумывай! Обдумывай! Если есть хоть малейшая возможность, всем существом своим погружайся в размышления! Но никогда не забывай, что все, что бы ты ни сказал по вопросу о трудности постижения Бога и о нашем требовании к Богу уплатить долг, – на самом деле будет сказано тобой о требованиях одного человека к другому.

– Согласен, – ответил ученик. – В том случае, если мы забудем о безграничных силах Господа.

– Забывать ни о чем мы не будем, но примем то, что одна из безграничных сил Господа состоит в том, что Он даровал человеку желание делать выбор, способность к действию и к логическому мышлению. А уж сам человек по своей воле совершает зло – при том, что знает, что это зло, и не остается в неведении о его пагубных последствиях. Человек может запретить себе зло – ведь он прекрасно отличает зло от справедливости. Разве не так обстоит дело?

– Так – в том случае, если мы не будем отождествлять наши возможности с безграничной силой Господа.

– Ничего этого мы делать не будем, но примем то, что Господь часть своей неограниченной силы уделил нам, а Сам наблюдает. В этом случае пророки Божьи являются исключительно вестниками морали, благородства, справедливости, добра и веры... И естественно, что люди, облеченные властью, но злые, для пророков безвредны. Разве не так?

– Так, если Сам Господь не хочет защитить пророков непосредственно.

– Если бы Господь захотел, чтобы человек по-настоящему столкнулся со всеми проблемами жизни и узнал бы страдание до конца, и был бы вырван – хотя бы на несколько мгновений – из своего вполне безболезненного существования, и познал бы оставленность так же хорошо, как он знает воссоединенность... Словом, таково, по-твоему, состояние пророков?

– Я не знаю.

– Ну, братец ты мой! Если ты не знаешь, тогда начни с ответа на такой вопрос: если ты сотни раз начинал с отрицаний и тысячи раз с протестов – как же ты можешь не знать, что такое боль, и оцепенение, и беспомощность, и незнание? Хочешь, начни с этого, а если ни к чему не придешь, так от другого оттолкнись, только уж на меня тогда не ссылайся. А просто свали наше развращенное время в кучу с другими раз-

вращенными временами и начни выкрикивать такие лозунги: мол, те, кто себя провозглашал спасителями человечества, ничегошеньки за душой не имели. Так ты относишься к пророкам?

– Нет, не так, конечно.

– Состояние, в котором мы сегодня видим мир, – продолжал учитель, – в котором мы видим народы, осевшие на землях – и видим не издалека, но можем почувствовать это на себе, – словом, то состояние человеческой цивилизации, которое мы можем засвидетельствовать, – все это становится плачевным только из-за забвения Господа, и происходит это исключительно по вине человека. Потому что, если бы человек искренне верил в Бога, шел бы по Божьему пути и соглашался со всем, чего хочет от него Господь, то сегодня наш мир мало чем отличался бы от рая Божьего: царили бы справедливость и доброта, душевный покой и радость не знали бы границ, тела людей были бы здоровы, а сердца полны благочестия и мудрости, и не стало бы тех сирот, которые сегодня, с тоскующей душой и пустым брюхом, валяются на голой земле, и ни одни весы не ввали бы. Ты согласен со мной?

– Если верен тот портрет Господа, который рисовали твои предшественники и который теперь копируешь ты, то да, ты прав, и ничего возразить невозможно.

– Но если мы примем как истину этот вечный и неизменный портрет Господа, то неужели твои претензии к Господу и на этом не прекратятся?

– Мои претензии просто перейдут к человеку, сотворенному Господом.

– Имеешь право на это. Но если Господь – по причинам, вся полнота которых нам недоступна, – человека сделал от природы обладающим широкими, хотя и не безграничными возможностями, умом, способным к развитию, хотя и не всесильным, а также добрыми и злыми качествами, – и такому человеку дал свободу – в этом случае зачем постоянно искать волю Господа во всех событиях и происшествиях брэнного человеческого мира?

Почему всякий раз, когда терпим поражение, жалуемся на Господа или на религию, но всякий раз, когда одерживаем победу, объявляем ее результатом высоких стремлений и гениальных способностей человека?

Почему, когда лучшие музыкальные мелодии заставляют нас забыть о себе и уносятся в небо, и очищают нас от грязи материального мира, разврата и всяческих грехов, мы кричим «браво» человеческому гению, но, когда мелодия фальшивит или подталкивает нас, наоборот, к греху, мы жалуемся на жестокость Господа?

Разве логично, если мы Господа, в меру нашего понимания, признаём за высочайшую из всех возможных вершин, но отказываемся видеть, что для того чтобы ее достичь, мы должны двигаться, проделать опаснейший и полный лишений путь и что только после достижения этой высочайшей вершины мы сможем наши молитвы уверенно возносить к Его всемогущей, а без этого разве можем мы ожидать на наши просьбы положительного ответа?

Скажи мне, человеке, какой урок готовы мы обрести на этом пути и, соответственно, какую пользу видим в том, чтобы оставаться на месте и доискиваться причин всего и вся?

– В конце вы хорошо сказали, – ответил ученик. – По крайней мере отправиться в путь гораздо лучше, чем оставаться на месте и медленно погружаться в болото греха.

– Значит, поистине, в том, чтобы двигаться к вершине горы, для того чтобы достичь ее, и достичь суммы возможных благ, и на этом пути очиститься и просветлиться и достичь высот добродетельного духа – в этом во всем вы беды не видите?

– А какую здесь можно беду видеть, о великий учитель? Идти, чтобы достичь, – в этом никогда нет урона, особенно если, как вы указываете, Господь будет в этом деле.

– А неужели не так, неужели идти к вершине чистоты для соединения с Господом может быть плохим делом?

– Нет, конечно. Я сам всегда предпочитаю благородный путь тому, чтобы остаться на месте и найти там ответы; потому я и к вам пришел, о учитель!

– Значит, ты больше не говоришь, что Господь был бы хорош лишь тогда, если бы Он подчинился человеку и дал бы человеку все, что бы тот ни счел для себя полезным?

– Не говорю. Примем то, что подчинение Господа человеку не есть намерение Господа; скорее – это лишь иллюзия, порождение отсталых умов.

– Когда мы начали наш трудный путь поиска, мы сразу приняли еще одно условие: отказаться от понятия «материи»¹, используемого с целью доказательств отсутствия Бога. Я правильно припоминаю?

– Конечно, учитель.

– Ты не видел в протесте настоящей причины развития общества и считал, что протест – это скорее западня. Но тогда неизбежно ты должен был прийти к мысли о первичности «материи» – до тех пор, пока тебе не докажут ее вторичность. Я правильно рассуждаю?

– Правильно... Только я всегда говорил и говорю, что сердце-то свидетельствует постоянно о наличии Божественной истины и о необходимости таковой, но мозг при этом теряет все права.

– Все-таки, если ты согласился, что лучший и единственный путь к спасению человека из западни есть вера в реальность воплощения всякого блага и есть движение в сторону этого воплощения, – значит, ты видишь этот путь, ведущий ко всеобщему благу, и, в сущности, мы и идем по этому пути – как бы ни было трудно и больно. А труднее не будет, чем тем, кто тело и душу отдал на служение греху и на борьбу с Господом. Ты согласен?

– Согласен... Согласен...

– Очень хорошо. Больше ничего и не надо. Однако все-таки у меня к тебе есть несколько коротких вопросов – они нужны, чтобы убедиться в достижении нами единства мнений. Ты ответишь на эти вопросы?

– Конечно, учитель. Если смогу.

– Однажды большое количество людей Земли, с радостью и при поддержке некоторых, склонных к упрощениям, ученых-теоретиков, приняли материалистическое учение и начали праздновать победу материи над духом, плясать и утверждать, что смогут пересоздать мир без опоры на Господа и без движения в сторону Господа. Они

даже что-то убогое сумели построить и какие-то шажки вперед сделали, хотя иногда и падали с ног, и отступали... Так вот, во все эти годы материалистической власти и работы разве эти люди не были похожи на тебя в том, как они верили и как восхваляли, и как проявляли истинное рвение в этом несчастном деле?

– Были похожи. И я похож. Я и сам был из их числа.

– Но когда этот большой праздник достиг точки надлома, и этот караван, который ходил по кругу, остановился, и началось разрушение и гниение, и к небу поднялись горестные вопли, и старомодные завесы, имитирующие изобилие, упали и обнажили нищету, – вам ничто не подсказало мысль, что Господь, наверное, есть и что Господь в Своей доброте, наверное, помог творческому человеческому разуму, как начав, так и остановив это кружение на месте?

– А почему такая мысль у нас должна возникнуть? Человек сделал попытку, человек потерпел неудачу, и он сам за эту неудачу несет всю полноту ответственности.

– Выходит, по той же причине, – сказал учитель, – человек снял замки с дверей мечетей, стоявших закрытыми девять десятилетий, и по той же причине снова без страха совершил омовение и открыто встал на общий намаз, и пал на лицо свое, и рыдал, и руки воздевал к небу, и от всего переполненного горестью сердца молил: «Господи! Мы Твои и к Тебе мы возвращаемся. Еще раз – отпусти нам грехи наши!»

– И началось новое безумие. Теперь уже никто ни о чем не думает кроме возврата к прошлому. Я сам там был. И все, что ты сказал, это истинная правда; но боль раскаяния упавших ниц – это та же самая боль, которую я переживал из-за неудачи того предприятия – и все еще переживаю. Печаль, однако, – это не оружие Господа; печаль это результат беспомощности человека.

– Эх, братец ты мой! Я вижу, ты до конца все-таки со мной не согласился. Зачем ты говоришь эти речи, что, мол, Бог есть, Бог, мол, использовал ту беду, за которую Он не был ответствен, – а ведь вначале мы с тобой заключили договор, что к твоей прискорбной «гипотезе материи» мы не будем прибегать, чтобы на ее основании выставлять Господу какие-то претензии, чтобы ты не мог, как только попадешь в затруднение, начинать плакать и упрекать Господа, почему Он не вмешался и не остановил тех, кто захотел пасть на лицо, да зачем Он позволил сто лет процветать атеизму... Был у нас такой договор или нет?

– Был договор... Однако я его и не нарушаю. Я уверовал в необходимость Господа как воплощения суммы добра и в то, что шанс для спасения человечества состоит в соединении с Богом.

– Благодарю тебя, сын мой! Больше и говорить не о чем. Ты почти в самом конце предыдущей части разговора признал, что главнейшая проблема, остающаяся не распутанной, состоит в том, какую долю свободы имеет человек, иными словами – что значит «Аллах всемогущ». В любом случае речь уже не идет о том, есть Бог или Бога нет.

Или ты какой-то третий ответ можешь вообразить на этот вопрос?

– Никакого. Если Бог существует, то гипотеза, что Бог плохо управляет миром, есть гипотеза пустая и тривиальная; потому что невозможно, чтобы Абсолютное использовало в виде пробного камня нечто отнюдь не абсолютное; и невозможно, чтобы вся сумма возможностей была присвоена Лицу, Которое Само оказалось недостойным того мира, который Оно же сотворило.

¹ Или от «гипотезы реальности». Н. Эбрахими в молодости познакомился с марксистской, а также с немецкой классической философией. При том что основные религиозно-философские постулаты книги восходят к исламским источникам, некоторая перекличка с марксистской философией также присутствует в речах «ученика».

– А если Бога нет?

...Молчание. Молчание и молчание.

Тысяча лет молчания...

– ...Не знаю, – ответил ученик. – Если нет, значит, сам человек делает человека несчастным и мажет грязью, и гноит, и сбивает с ног, и мучает.

– Вот, из-за твоей приверженности идее отрицания, мы опять начинаем с того же места: «Сам человек есть судьба человека».

– Такой человек не имеет надежды, – согласился ученик. – Не имеет завтра. Не имеет обожествления.

– И в итоге?

– Итог печален. И всё же вывод мой таков: Господь нужен, и хорошо, что Он есть – назло всем преходящим бедам.

– Благодарю тебя, сын мой. Ты – сильный и честный человек! Значит, принято: без Бога мир был бы миром зла, лишенным будущего, цели и надежды; а раз Бог есть, то для Него неотъемлемо всё то, о чем мы говорили: Он всезнающ, бесконечно добр, справедлив и любящ. Если бы Ему были свойственны недостаточность и невеселие, тогда, вероятно, как ты и говорил, Он был бы творением другого Господа, но тогда неизбежно мы проделали бы тот же путь и пришли бы к тому же всесилию Бога, как неизбежно пришли бы и к принятию того, что человек на Земле есть род Божий, но который всей своей силы еще не достиг и еще не прошел путь к вершине до конца. Так мы согласились?

– Мне кажется, да, учитель, и это правильно, это согревает мне сердце и дает силы.

– Вернусь чуть назад. Страдания и беды человека категорически не являются результатом религии правоверных; ни результатом существования Бога; ни результатом борьбы за истинную веру, лишённую жестокости и злобы; ни результатом намаза, поста, существования мечетей или паломничества; ни, наконец, результатом веры сердца в существование Абсолютной истины. Страдания человека есть результат того, что Господь дал человеку шанс достичь вершины – несмотря на все множество бед, которым подвержен человек, например склонности к жизни без Бога и к поискам истины не у Бога, а у мира, которому человек слишком доверяет и к которому принадлежит. Ты принимаешь то, что я сейчас сказал?

– Да, учитель. Господь существует, потому что без Него колодец жизни делался бы все более глубоким; и человек никогда не имел бы шанса выбраться из этой ямы, никогда не был бы возможен благородный мир и покой, никогда бы человек не смог просто улыбнуться – от всего сердца и без страха, и никогда рука помощи человека не поддержала бы науки и искусства... Я принимаю то, что страдания человека, в чем бы они ни заключались, не есть результат сомнений в существовании Бога и не есть результат молчания Бога. Их причина – лишь отсутствие твердой опоры.

– Добавим еще одно, – сказал учитель. – Человек – до того, как благодаря разуму, данному ему Господом, познал и обустроил самого себя, – до этого, по-настоящему и до конца, он не хотел познавать и Господа. Ты согласен?

– Да.

– Оставим не верующих в Истину, их речи не заслуживают внимания. Я тебе вешаю истину, состоящую в том, что ты, при всех твоих человеческих протестах про-

тив мира и против порядка вещей, все-таки должен безостановочно продолжать свой путь к «вершине Истины». Иди и на этом пути обрети самого себя, удаляйся все дальше и дальше от гнилых потемок духа, уходи прочь от грязи, преступлений и подлости, которым вы все подвержены, поработанные врагом Господа – Ахриманом; откажись от сомнений в существовании Господа и все свое существо сделай приверженным очищению и пламенной вере – тогда ты взойдешь на вершину этой горы под благодатную защиту Господа. Вот тогда, в этот самый миг, Господь верному Своему рабу даст Свою Истину, и человек сможет рассказать Господу о своем протесте, протесте против многих вещей – на все эти заботы Господь даст тогда достаточный ответ.

Человек имеет право на протест против Господа, исходящий из Божеских же установлений. Человек имеет право и на отрицание, которому отмерено всё то расстояние, что пролегает между самим человеком и Воплощением добра.

– ...Поистине, ты хитер, о великий старец! В тот самый миг, когда человек припадет к коленям Господа и сам мгновенно очистится и обретет покой праведности, больше протестов уже не будет. Больше никто не будет жаловаться на власть Абсолюта. В благодарной и покойной молитве человек полностью откажется от неверия, от ссылок на необходимость и от самоутверждения.

– Прекрасно! Прекрасно, о великий праведник! Всю эту дискуссию я для того и затеял, чтобы именно сюда тебя привести. Человек в гору лезет не для того, чтобы гору взять себе, и к солнцу стремится не для того, чтобы солнце принести себе в комнату... Разве не так?

– Да, поистине так. Человек, безнадежно порочный и сбившийся с пути, не имеет по-настоящему полного права на протест. Мы, для того чтобы иметь право задать вопросы Великой сущности, должны сами заслужить доверие. Негодяю не позволено предъявлять к другим претензии, почему, дескать, я негодай, а Воплощение всяческого добра не отвечает на мои вопли. Господь приходит на помощь тем, кто обращен к Его могуществу, и вот им-то по праву может быть оказана помощь, как только они воскликнут: Господь! Прислушайся к непорочному и верному рабу Твоему! К Тебе обращается несчастный человек...

(Господь, возможно, проявит милость и переспросит: Разве ты тоже несчастен?)

– Нет. Я – нет; но многие множества.

– Из числа многих множеств выходят тогда, когда отказываются от «молитвы несчастного»...)

В этот момент старец повернулся ко мне и произнес:

– Вот уже годы и годы ты идешь вместе с нами, слушаешь наши беседы и все время молчишь, и ни разу улыбка не завладела твоими губами. Быть может, на этом долгом пути к вершине ты уже нашел то, чего искало твое сердце?

– Сердце мое ни к чему не стремилось, кроме того, чтобы стать на ступеньку добрых дней...

– ...Но скажи, то, что я для рассказа о сущем вышел на мировой базар, по-твоему, плохо, злонамеренно?

– О нет, добрый учитель! Ни слова ваши, ни желания не являются злыми. Как минимум

вы даете спокойствие, смысл этой жизни, полной страданий; вы даете направление. При том что вершину горы человек никогда не оставит позади себя, благом является уже то, что человек отправился в этот путь, и с добрым намерением. Что касается меня, я имею искреннюю веру, так, как вы об этом сказали, веру, которая есть не что иное, как упование, чистота и служение. Все остальное – тщеславие. И я знаю с твердостью, что без Бога никакая тварь не живет и что безбожники не способны ни на малость уменьшить беды человека. Отказ от упования ни на одну проблему не уменьшит числа проблем, так же как отбрасывание мудрости Божьей – не есть лекарство ни от одной из болезней.

Я убедился, что заменить кнутом проповедь – это беда, а отнюдь не мудрость.

Если бы правители мира по меньшей мере поняли эту очевидную истину и в минуты кризисов не прибегали к насилию, а, как ты сказал, о старец, осознали бы, что капля доброты важнее, чем море строгости, и больше влияет и изменяет ход дел...

...Другой ученик неспешно сказал: О, благой! Говорю тебе: ты меня убедил таким же образом, каким пытались убеждать твои предшественники. Однако боль мою ты не уменьшил – как и предшественники твои ее не уменьшили.

– Значит, нам надо засучить рукава для работы, – сказал учитель. – Наполним же мир справедливостью и спокойствием духа, исполним же нашу веру в Творца мира, и, если мир весь целиком станет праведным, тогда уже не будет никакой необходимости доказывать наличие Самого по Себе Существующего. Отпадет сама собой и просьба уменьшить боль, потому что боль, как лед на солнце, исчезнет во время нашего восхождения на вершину...

...Наш учитель, словно потихоньку удалившись, начал шептать что-то доброе. Словно читал молитву...

Господь мой
мне
покой дал,
силу дал,
веру дал,
доброту дал
и способность выстоять против зла.

Господь мой мне
надежду на завтрашний день дал,
любовь к восходам
и к закатам дал,
и любовь к созиданию,
и радость углубленного духа,
и много нежности,
и право выбирать друга.

Господь мой мне
любовь дал, –
которая после Бога есть величайшая ценность –

полет сильного духа дал,
спокойствие проникновенных вечеров дал
и стихи.

Господь мой мне
сердце дал,
и милосердие,
и улыбку в несчастьях,
и рыдание, очищающее душу,
и песню,
и деторождение.

Ваш лжебог
что вам дал?
пересчитайте!
ваш лжебог
вас
чему научил?
перечислите!
ваш лжебог какое будущее вам подготовил?
скажите!
ваш лжебог когда-нибудь говорил с вами о запахе
дамасской розы?
так что же ваш лжебог, кроме смятения,
что он дал вам, чему научил вас, что подготовил для вас?
теперь между Богом моим
и лжебогом вашим
те, кто хочет, выбирайте!
пойдете ли со мной
или отдельно от меня?
однажды неизбежно захотите прийти ко мне,
потому что в той пустоте почувствуете смятение и муку,
сердечную смуту,
уязвимость,
отчаяние,
злобу,
непоправимость смерти...

...Новый ученик неожиданно воскликнул: Я уверовал! В него, в его Бога и в его путь я уверовал! О, ученики мои, верящие в меня, многолетние соратники мои! Выслушайте мое признание! К нему нужно присоединиться. С ним нужно быть. С ним нужно идти...

Неужели кто-либо, в душе честно хранящий Бога, сможет отдаться подлости духа? Одинаково верить Божьей праведности и вранью подлеца? Не различать между утопленником и спасителем?

Я говорю вам:

непотребство легко, вера трудна,
непотребство свободно от обязательств, верующий переполнен ими,
непотребству вольная воля, верующего Господь связывает по рукам и ногам.

О, братья!

О, сестры!

Вот что я говорю вам:

будете задыхаться,
чтобы хоть раз почувствовать запах дамасской розы,
будете задыхаться!
будете, если не пойдете вместе с этим старцем
и не шагнете в сад красного шиповника, из которого делают розовую воду.

Помните стремящихся к вершине?

К этой высокой вершине идем мы...

(Продолжение следует)

Толкователь страстей

КНИГА КНИГ

Ильдар Абузяров*

Рассказ в рассказе

Вы порвали с великой традицией рассказывания историй ради бесцельного странствия по воображаемым городам, где плоды труда человеческого всегда эфемерны, ибо волшебство сводит все на нет; чьи обители, похоже, всегда сулят тайные сокровища, но никогда – нравственное просветление...

В городе есть один квартал. В квартале есть улица. На улице есть дом. В доме – комната.

В комнате – коробочка. В коробочке... Кто знает, что находится в коробочке?

Никто, зато все знают, что в конце подобной повести таится некое беспредельное зло.

Роберт Ирвин «Арабский кошмар»

1

Не знаю, что на меня нашло, но как я только увидел эту книгу на выставочном стенде в библиотеке, сердце мое екнуло. Нет, я не вор и никогда не брал чужого, но эта книга под вроде бы неказистым названием «Природоведение, или Суть всех явлений» как-то сразу заворожила меня с ног до кончиков ушей. Внутренности похолодели, а волосы на голове зашевелились в предвкушении чего-то необычного. Может быть, книга привлекла мое подсознание своей глянцевой сверкающей обложкой с цветами, отражающей блики ламп дневного освещения, – сейчас трудно сказать. Главное, что я не удержался и умыкнул книгу со стенда, так как заметил, что его стеклянная дверца из-за разболтанных петель неплотно примыкает к стенке шкафа, и если просунуть пальцы в эту щель, то вполне можно вытащить «Природоведение».

Но только я так сделал, как тут же подумал: а вдруг в зале есть камеры наблюдения? И покраснел пуще алых маков. Мне было стыдно от одной мысли, что за мной наблюдает всевидящее око. А значит, и охранник, и милиция, и ректорат. А что если сюжет с моим проступком покажут в передаче «Вечер трудного дня»? – тогда о моей постыдной шалости узнает весь город, в том числе мамы коллеги и наши соседи.

Пытаясь выкрутиться заочно, я сел за одну из парт и сделал вид, что читаю эту книгу. А взял ее лишь потому, что в зале долго не было библиотекаря. На самом деле меня в ту минуту больше интересовала вовсе не книга, а есть ли в зале камеры на-

* Ильдар Абузяров (р. 1976). Печатается с 1999 г. Автор около 20 публикаций в журналах «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов». Рассказы и романы входили в шорт- и лонг-листы премии Юрия Казакова, Большой книги и Национального бестселлера.

блюдения. Я, будто бы отвлекаясь от чтения, то и дело пристально разглядывал потолок и стены, особенно в углах, но ничего кроме смутивших меня вначале коробочек с противопожарными детекторами не обнаружил.

Убедившись, что камеры нет, я облегченно вздохнул, но тут в зале появился библиотекарь. Быстро спрятав книгу под свитер, я решил перейти в другой зал, где бы мне удалось избавиться от формуляра. Я спрятал книгу под одежду еще и потому, что боялся: а вдруг в других комнатах есть камеры наблюдения. Кармашек же с формуляром я хотел вырвать с корнем, боясь, что в нем, как в книжных магазинах, есть магнитный чип, и книга запищит на выходе, давая охранникам знать, что на их глазах совершается преступление.

Думая о возможном публичном позоре и заранее краснея, я прошел сквозь анфиладу из читальных залов, как через анфиладу детекторов-металлоискателей. Я подыскивал зал попросторнее и попустее, чтобы спокойно совершить – и далась мне эта книга! – задуманное. «Поблизости никого не должно быть», – рассуждал я, поддерживая рукой живот. То ли я так боялся уронить книгу, то ли чувствовал, что кишка моя тонка и не выдерживает страха ответственности в случае полного фиаско.

Я уже прошел весь этаж, но, к сожалению, в это время в залах полно читателей. К тому же в центральной библиотеке хорошо выстроена работа по выбиванию грантов. В рамках образовательной программы приглашенные преподаватели читали здесь для всех желающих культурологические лекции. Вот и на этот раз в одном зале блистал пожилой седобородый.

Я знал этого преподавателя по университету. Зал был переполнен, но рядом с дверью стоял один свободный стул, на который я, уже порядком измотанный нервным напряжением, и плюхнулся. Я сел, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. Еще раз повторяю: я не вор и в библиотеку пришел не для того, чтобы воровать, а чтобы, как нормальный студент, готовиться к важному экзамену по философии культуры, который мог повлиять на мое итоговое положение и на мои шансы при поступлении в аспирантуру. Я ведь хотел хорошо подготовиться к экзамену и спокойно ожидал заказанные книги, но тут, всего скорее, со мной случился первый приступ kleptomании. Потому что книг у меня дома навалом. А природоведение вовсе не моя стезя. Я никогда не увлекался энциклопедиями и книжками-почемучками, в которых говорится обо всех вещах подряд, мол, что из чего создано и какой цели служит. Такие книги – вотчина умных лекторов, которые и так докучают своим занудством и в университете, и в библиотеке.

2

– В это трудно поверить, но когда-то, – делился профессор с аудиторией алчущих знаний студентов и не только, – я был таким же молодым, как и вы. Это сейчас я старый и даже уже не преподаю в вузе, потому что такие древние дряхлые динозавры так долго не живут. Но когда-то я был таким же молодым, как и вы, и даже нравился девочкам.

После этой реплики лектора в зале раздались смешки. А я подумал, что дядечка весьма забавный, и решил дослушать его историю до конца, а потом вместе с толпой выскользнуть из библиотеки незамеченным.

– И вот, – продолжил старик, – у одной девочки, которой я очень нравился, была книга о природе всех вещей. Книга очень ценная, потому что, какую тему ни возьми, для конспекта или контрольной, например, то почти все в этой книге можно было найти.

Не знаю, откуда она у той девчонки была, но, в общем, была. А я попросил у нее эту книгу, чтобы списать оттуда что-то для контрольной. И вот эта девчушка, с замиранием сердца глядя мне в глаза, согласилась дать мне книжку на время. А поскольку я был разгильдяем и оболтусом, то вовремя задание не выполнил. А без контрольной нет допуска к сессии, как вы знаете.

И тут этой девчонке самой понадобилась книга по природоведению. То есть сначала она, может быть, просто хотела встретиться, а книгу использовала как повод. Но потом ей книга и в самом деле понадобилась. К тому же она поняла, что книга мне гораздо интересней, чем она сама, и впала в истерику.

Она звонила, умоляла, увещевала, требовала. Но я был непреклонен. Сначала меня раздражали ее постоянные звонки и упреки, но потом такой формат общения даже начал нравиться и заводиться. Мне доставляло удовольствие грубо отвечать ей и водить ее за нос. Нравилось, что я на нее так действую, и что она в моих руках словно безвольная, по моему желанию заводящаяся с пол-оборота игрушка. Мне нравилась власть над ней. Я не брал трубку, резко отвечал на ее просьбы. Договаривался о встрече, чтобы передать книгу, но потом находил какой-то ничтожный предлог, чтобы не прийти.

У окружающих, да и у меня самого складывалось такое впечатление, что меня подменили, что в меня вселился некий бес, и что я не могу расстаться с этой книгой.

Девочка совсем извелась. Дошло до того, что она стала угрожать мне своими родственниками и своими связями. Но меня ее угрозы лишь забавляли. И я глумился так над ней вплоть до самого экзамена, на который явился с книгой. Кажется, я опять договорился с той девчонкой, что отдам ей книгу. Но на самом деле я не собирался ее отдавать. Просто мне нравилось носить книгу с собой и читать о всякой всячине в транспорте. В общем, я привязался к книге и не хотел с ней расставаться надолго.

И вот с книгой о тайной сущности всех вещей и явлений я явился на экзамен. Я вытащил билет и вдруг понял, что ответ на него я читал в маршрутке полчаса назад. Читал совершенно случайно. И все запомнил. Довольный таким совпадением и свалившейся на меня удачей, я даже не стал готовиться, а попросился отвечать сразу.

– А, это вы, – сказал профессор, взяв мою зачетку, – тот самый молодой человек, который изводит мою дорогую племянницу!

От его пристального взгляда сквозь толстые линзы я вспыхнул красным, как светфор.

– Не то что бы извожу, почти и не мучаю... – пытался выкрутиться я.

– Да вы просто издеваетесь над всеми нами, – возмутился профессор, – как вы вообще посмели являться ко мне на экзамен? Неужели нельзя было поступить по-человечески и отсканировать книгу, в которой вы так нуждаетесь, а оригинал вернуть.

– Но с моими доходами отсканировать не так просто, стипендия совсем маленькая, – продолжал выкручиваться я.

– И тогда вы решили присвоить чужое, да?

– Нет, что вы, просто у меня не получалось со временем...

– А хотите, я вам расскажу одну поучительную историю? – предложил вдруг профессор. И не принимая во внимание мою реакцию, вот что он мне рассказал.

3

– Давным-давно, – начал профессор с молчаливого согласия аудитории на том экзамене, – я был таким же молодым и жадным до знаний, как и вы. Это сейчас я старый и опытный. Когда-то я защитил докторскую диссертацию и теперь возглавляю кафедру в нашем солидном университете. Но давным-давно я был таким же молодым, ничего не умеющим и ничего не смыслящим в жизни студентом, и мне тогда нравилась одна девочка.

Но, будучи робким и стеснительным, я не знал, как с ней сблизиться. Однажды в институте, где я учился на первом курсе, нам дали задание написать контрольную на одну сложную тему. И порекомендовали источник – редкую книгу, которая находилась в хранилище университетской библиотеки, так как была в единственном экземпляре.

Понятное дело, после лекций весь курс бросился в библиотеку. Но не тут-то было. На книгу «О природе всех вещей и явлений» очередь по записи растянулась не на один месяц вперед. Несколько групп уже записано. Видимо, не только нашему курсу или не только наш профессор дал задание по этой книге.

Девушка, в которую я втюрился по уши, была отличницей и всегда сдавала все контрольные в срок, она шла на красный диплом. В ее интеллигентной семье все были отличниками учебы и медалистами из поколения в поколение. Но тут такое дело, и девушка, понятно, была в панике.

А я, не будь дураком, пошел в библиотеку как-то в конце рабочего дня и увидел, что, поскольку книгу берут с утра и каждый день, библиотекарь не убирает ее далеко, а, вложив формуляр, кладет тут же к себе в ящик под стойку.

И тогда мне в голову пришла дерзкая и кощунственная мысль: украсть эту книгу. Целый день просидев в библиотеке и выведав, когда кто приходит и уходит, на следующий день я явился в читальный зал ни свет ни заря. И пока другие библиотекари опаздывали, одна женщина выносила и выносила кипы книг, чтобы расставить их на стендах, оставляя стойку без присмотра. Улучив момент, я стащил ту книжку по природоведению. Спрятал ее в штаны и, сделав вид, что у меня болит живот, слинял из библиотеки.

Довольно сильно напуганный, но гордый своим подвигом, я в этот же вечер позвонил той девушке и сказал, что поскольку моя родственница работает в центральной библиотеке, она может забирать книгу на ночь. И если девушка хочет, мы можем позаниматься сегодня вечером у меня дома, пока родителей не будет.

– Он-то, наивный, – тут старик-лектор ухмыльнулся так горько, словно речь шла о его личном опыте, – надеялся таким способом остаться с девушкой наедине и сблизиться с ней духовно. И девушка вроде согласилась, но когда она пришла к нему, то все его попытки ухаживания были на корню пресечены.

Несчастный понял, что девушка не питает к нему никаких симпатий, на что будущий профессор тайно надеялся, и у него с ней ничего не может получиться. Расстроенный и оскорбленный до глубины души, он отвернулся к окну. Но тут девушка погладила его по голове и сказала, что, правда, не может так поступить сразу, но что талантливый юноша ей очень и очень даже нравится. Она попросила книгу хотя бы на одну ночь, потому что она не может остаться у него на ночь. Она не так воспитана, и вообще – у ее недоверчивых родителей очень строгие взгляды.

Чересчур юный и потому неопытный вундеркинд, растроганный мольбой девушки, отпустил ее с книгой. Но предварительно взял обещание, что она будет очень аккуратна и завтра утром книгу вернет. И кто знает, может быть, в этот момент он совершил роковую ошибку, а может, наоборот, к нему благоволила судьба и его действиями руководила рука Бога, которую некоторые называют наитием...

4

Слушая рассказ лектора, я не верил своим ушам. Не может быть, что этот бред происходит со мной. Мне даже показалось, что лектор несколько раз иронично посмотрел на меня, будто весь его рассказ был обращен исключительно ко мне. И что вообще все здесь подстроено, и сейчас из-за угла выбежит оператор с возгласом: «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!»

Не выдержав нервного напряжения, я сорвался с места, не дослушав историю до конца. От всего этого меня уже мутило. К тому же, внизу живота возникли неприятные ощущения. Забжевав в туалет и запершись в кабинке, – здесь-то уж точно не должно быть камер, – я вытащил книгу из-под свитера и оторвал конвертик для формуляра с форзаца. Оторвал еще и потому, что намеревался использовать его вместо туалетной бумаги, ибо таковой в кабинке, естественно, не было. Затем я внимательно осмотрел книгу на предмет других чипов. Сам же формуляр сунул между страницами как закладку.

Проделав все это, я почувствовал себя более уверенно, теперь мои колени не дрожали. Библиотека вот-вот должна была закрыться, и я решил идти до конца и вынести фолиант из сокровищницы знаний. Сунув книгу под свитер, я направился к выходу вместе с группой студентов. Они о чем-то беззаботно болтали и веселились, а я при приближении к выходу с охраной становился все более напряженным.

Только на улице, на свежем воздухе под ясным лазурным небом, я пришел в себя. Весна была в самом разгаре, и все с той же группой студентов я добрался до автобусной остановки. На этот раз я радовался жизни наравне со всеми. Я чувствовал, что вместе с порогом библиотеки перешел некий Рубикон, и сердце мое было переполнено гордостью оттого, что я все-таки набрался смелости и совершил некий рискованный поступок. Теперь оставалось только побыстрее уехать подальше от библиотеки, чтобы потерять ее из виду. К счастью, автобус подошел быстро, и, подталкиваемой толпой пассажиров, я решительно заскочил на подножку.

Заняв место в самом конце автобуса у окна, я огляделся. В такую прекрасную погоду ввек бы не сел в общественный транспорт! Впрочем, в автобусе было не так уж плохо. За моей спиной тихо стрекотал лопастью вентилятор, а снизу под сиденьем как раз располагался мотор. Сверху заманчиво, словно зазывая на нижнее небо, зиял люк. Далеко впереди, словно отгороженная ширмой из людей, находилась уютная кабина водителя, в руках которого теперь была моя жизнь и судьба. Впрочем, о плохом лучше не думать. Отгородившись книгой, как стеной, от прочего нависавшего надо мной на поручнях-столбах мира, я под гудение мотора открыл первую страницу.

Начиналась она, как и положено восточной книге, с благодарственных слов Всевышнему: «Хвала и восхваление, благодарение и слава Аллаху, Могучему и Великому, ибо Он величественный владыка, всемогущий властитель: Он создал все земное и

небесное», и так несколько страниц. По крайней мере, когда я перевернул страницу, автор все еще выражал свою благодарность Всевышнему. А через пару страниц я прочел, что «все желанное и нежеланное свершил Он; все то, на что ни будет воля Его и благоволение, свершает Он; все, что ни вознамеритесь осуществить вы, воплощает Он; все, что ни предрешает Он, свершается, даже если вы этому воспротивитесь».

Откровенно говоря, все это читать было не очень интересно. Неужели, подумал я, каждая восточная книга начинается с подобного благодарственного восхваления и неужели коахин, рассказывающий свой макаля в битком набитой тенистой кофейне, тоже часа на полтора заводит подобную скукотищу-приветствие?

Только я подумал о коахине, как сразу представил, что битком набитый автобус и есть арабская кофейня, а газ из выхлопной трубы – это всего лишь терпкий табак кальянов, заполняющий все в округе, в том числе и легкие, и глазницы. И что кондуктор не продает билеты, а собирает законную плату для сказителя, уже запустившего мотор путешествия и готового перенести всех нас через мост воображения в наши фантазии. И особенно меня, маленькую запыленную, но неотъемлемую часть мира и сада. Перед глазами, как мухи, вновь замелькали буквы. И, кажется, я, надышавшись едкого выхлопного дыма, сам не заметил, как стал впадать в транс под укачивающие звуки. И тут началась вторая, более интересная часть повествования, в которой автор рассказывал о том, как ему эта книга досталась.

5

Сейчас вспоминая все пережитое с горечью послевкусия на кончике языка, я думаю, что мне тогда и правда привиделось, будто я в переполненной тесной кофейне с пятнами гари на окнах и разводами кофейной гуши на стенках чашек и что мелькающие, как мухи, буквы, поведали мне нечто важное.

– Жыжи-быжи, жежа и жуж, – начала муха.

– Нет, не так, – отмахнулся от назойливой твари рассказчик рассказчиков коахин. – Не подсказывай, не так все было. Была-жила страна Атлантида – все ее знают. Был город Китеж – да скрылся под гладью озерной. А вот цветущий Багдад, что засыпан песками после жестокой «Бури в пустыне», кто о нем сегодня вспомнит? кто замолвит доброе словечко? А между прочим с Багдадом связаны мои самые веселые годы – студенческие. Я приехал в Багдад, когда мне не исполнилось еще и шестнадцатой зимы. В руке у меня был узелок с намазлыком, скатертью, полотенцем и едой. В кармане – несколько дирхемистых долларов.

Моей сокровенной мечтой было поступить в Дом Знаний (Университет), но я бы не отказался и от Барака Навыков (Политехнический). На худой конец, мне бы пошел и Сад Бахчевых (Сельхоз) или Сад Цветов (Педагогический). Единственное, куда я точно не хотел попасть ни при каких обстоятельствах – это Суд фруктов (Юридическая Академия), чтобы потом вершить суд над всякими фруктами. Потому что интуитивно я понимал, что не имею права никого судить.

С другой стороны, я знал: не так просто поступить в столь уважаемые заведения без должных связей и рекомендаций. Поэтому, не мудрствуя лукаво, я решил устроиться сначала работать кем-нибудь, даже уборщиком в Дом Сладких Снов (преподавательское общежитие). Потому что в Дом Тревожных Снов (общежитие студентов)

поступать раньше времени не было никакого смысла. А в Доме Сладких Снов можно было читать редкие профессорские книги, пока сами профессора проводили занятия. Конечно, было бы здорово устроиться уборщиком в сам Дом Знаний, чтоб на халяву посещать лекции, но на это я даже и не надеялся.

6

– Вы когда-нибудь работали уборщиком, уважаемый соискатель? – спросил меня заведующий Домом Сладких Снов.

– Нет! – честно признался я.

– А что тогда у вас в мешке, – после долгого молчания спросил заведующий, – не кот ли?

Наверное, это был риторический вопрос, но я ответил на него как есть.

– У меня в мешке, достопочтимый, полотенце, скатерть и намазлык, – к тому времени еда у меня уже закончилась.

– У-у, три такие замечательные тряпки, – сказал заведующий после еще более продолжительной паузы. – Хорошо, предположим, у вас под рукой есть только эти три материи, а вам надо произвести уборку в комнате, где есть лишь стул, стол и антресоль. Как вы поступите?

Тут уже я задумался ненадолго, потому что не знал, что такое антресоль, но мне по звучанию показалось, что антресоль – это такая специальная заморская соль. Наконец, собравшись с духом, я ответил так:

– Скатертью я накрою стол, намазлыком стул, а антресоль накрою полотенцем, пусть подольше остаётся мягкой.

– Я вас беру, молодой человек! Приходите в понедельник на службу, – сказал, рассмеявшись, заведующий. И что его так развеселило?

Но взял он меня не на место уборщика, а на место дорскапа (швейцара), в котором они как раз остро нуждались. Это был удар ниже пояса. Лучше бы он меня взял не в дорскапы, а уборщиком, хотя быть уборщиком и менее почетно, чем быть швейцаром, зато у уборщиков есть доступ к редким книгам и рукописям ученых, почитав которые уж точно можно заинтересовать и удивить всех на вступительном экзамене. А швейцар – он сам всего лишь доступ. И не более того.

Но я не сразу огорчился, а лишь после того, как выяснилось, что горничные – все сплошь девушки, и с ними познакомиться, не говоря уже о том, чтобы сдружиться, у меня вряд ли получится, ведь я правоверный мусульманин. Но и тут я не отчаялся, а вдруг мне удастся жениться на одной из горничных? Конечно, начинать учебу с женьбы было бы не лучшим решением. Но ради знаний я готов был пойти на все.

7

Пребывая в горестных раздумьях над моей злосчастной судьбой и попутно выстраивая стратегию на будущее, я провел на службе первую неделю, и за эту неделю мало что изменилось в моей судьбе. Я старался, как мог, ибо все, что теперь от меня зависело, это пошире улыбаться алимам – вдруг запомнят мою рожу. И это у меня, надо сказать, получалось. Я старался изо всех сил растягивать рот до ушей, одновременно как можно шире распахивая двери.

Правда, уважаемые ученые не отвечали мне улыбкой на улыбку, видимо, после проведенных занятий они были очень расстроены. А один профессор даже в сердцах сказал мне:

– Что ты лыбишься-то все время? Что ты лыбишься? Дурачок, что ли?

– Никак нет, – еще шире улыбнулся я.

А вот что касается горничных, то увидеть их у меня пока не получалось. Проходили они в Дом Сладких Снов не через парадный вход, а через запасной выход и уходили так же незаметно. Все в Доме Сладких Снов было поставлено так, чтобы их не видели даже профессора. Ибо ничто не должно было отвлекать достопочтенных светил от поиска знаний.

Но некоторым из настырных горничных все-таки удавалось привлечь к себе внимание с помощью какого-нибудь тайного знака любви – ленточки из косы или длинного волоса. Об этом я узнал позже, в пятницу, после праздничного намаза. Ибо пятница – такой праздничный день, в который ангелы спускаются на землю и многое может поменяться в вашей судьбе.

8

Поистине, пятница волшебный день еще и потому, что это выходной и многие профессора высыпаются и посему пребывают в хорошем настроении. Они выходят из своих комнат ближе к полудню с заспанными лицами и широко улыбаются друг другу, чтобы растянуть кожу лица. А один достопочтенный профессор, тот, что назвал меня дурачком, настолько усердно старался выполнить это утреннее упражнение, что даже улыбнулся мне.

– Не знаешь ли ты, о уважаемый малец, – вопрошал он, улыбаясь, – почему женщины тревожат тайными знаками своей любви седовласых старцев, тогда как умудренные жизненным опытом их сердца хотят провести остаток дней в холодной тени разума? Вот и мое сердце, понявшее всю суетность бытия, стало подобно дрозду, желающему укрыться в знойный день под пышной кроной кипариса, или даже алогрудому снегирю, мечтающему остаться навсегда на холодном равнодушном Севере.

– Нет, – поспешил я обрубить напыщенную речь профессора, опасаясь, что если он добавит еще немного silky-словес, то окончательно меня запутает.

– А в это самое время, – многозначительно снизошел до пылкой молодости профессор, – горячее сердце юноши в нетерпении, словно воробей, скачет с одного обрза счастья на другой в поисках хоть какого-нибудь зерна любви. И стоит девушке расцвести лепестками губ в улыбке, как сердце юноши готово голосить соловьем от счастья и восторга.

– Это так, – покраснел я.

– Запомни, – нравоучительным тоном заключил преподаватель, – тело человека подобно географической карте, а внутренний стержень – компасу. И если стоять к миру лицом, то голова – это северо-запад, а сердце – юго-восток. Понял?

– О! – восхитился я. – Вы все четко и так красиво расставили по местам. Как бы я хотел уметь изъясняться так же изысканно и убедительно! Но, по правде говоря, я все больше перевожу отпущенное мне Всевышним время понапрасну, ибо в мечтах я бы хотел каждый проведенный здесь час посвятить поиску знаний.

– Это весьма похвально, юноша. Возможно, я смогу тебе чем-нибудь помочь, например, подкинуть тебе какую-нибудь книжку. Если ты окажешь мне одну услугу...

– С радостью, мой господин! Вы только скажите, и я приложу все усилия.

– По всему видно: ты весьма способный мальй. А умеешь ли ты читать и писать? Или тебе для начала требуется алифба и учебник по грамматике?

– Я умею считать с десяти лет. Пишу же я практически без ошибок.

– Вот и отлично. Просьба же моя очень деликатная. Мне последнее время докучает одна девица. И чтобы не разбивать ей сердце, я прошу: отвлеки ее внимание на себя. Ты окажешь мне неоценимую услугу, если привяжешь ее к своему сердцу. Это будет более благочестиво и с моей, и с твоей стороны. Ты ведь ещё не женат, и тебе рано или поздно все равно предстоит сделать этот важный шаг?

– Как же я смогу это сделать, если не увижу вашей докучливой девицы? А я вряд ли ее увижу, ведь я целый день на службе.

– А ты напишешь ей письмо. А я передам его, сказав, что меня просил это сделать дорскап. И тогда, поверь мне, она найдет способ с тобой встретиться. Уверю тебя, сердце женщины падко на сладкие слова, закрученные к тому же искусной рукой хорошего каллиграфа.

– О, достопочтенный! Если я умею писать и читать, это не значит, что я умею красиво свивать слова, а тем более я не обладаю таким знанием человеческих душ, как вы.

– От тебя требуется только дать согласие, а слова я надиктую тебе сам. Тем же вещам, которые ты перечислил, не так уж трудно научиться. Я помогу тебе ими овладеть, если ты не поленишься и каждую пятницу после работы будешь заглядывать ко мне. Итак, ты согласен?

– Конечно, – тут же согласился я. И профессор сейчас же положил передо мной бумагу и калям и начал диктовать письмо.

9

«О благословенный день пятница, – подумал я, когда письмо было написано, – сколько радостей ты принес мне от Аллаха!» Но если бы я знал, какие удивительные вещи откроются мне на следующий день!

Это был Пазар-кюнь – первая суббота в моей службе. Как выяснилось, каждый четвертый уик-энд в месяце был днем большой торговли книгами во дворе Дома Сладких Сновидений. Но даже в самом сладостном сне я не мог бы увидеть такого книжного богатства и великолепия. Торговцы всех мастей и стран, торговцы книгами дорогими и не очень, перекупщики и сыновья обанкротившихся отцов, вынужденные распродавать фамильные библиотеки, сходились в этом дворе вместе.

Всем известно, как жаден ученый люд до книг. И какие при этом профессора домоседы. Поэтому книжный базар книготорговцы решили разместить прямо у их ног – под окнами общежития. Как говорится, если гора не идет к Мухаммаду, то Мухаммад идет к горе. И вот уже во дворе на моих глазах появлялись и росли как на дрожжах одна за другой книжные горы. Разномастный люд двигался меж рядов книг, словно по узким ущельям, стараясь наступать не на зыбкую почву, а лишь на твердую землю. Профессора ходили, заложив руки за спину, со знанием дела комментируя редчайшие фолианты, а студенты семенили, в покорности скрестив руки на животе, с завистью обсуждали

ценнейшие экземпляры. Одни, надменно цокая языками, подражали гордым цаплям, а другие, причмокивая от восхищения, понуро изображали скромных зябликов.

Я же, к сожалению, редко мог себе позволить покинуть рабочее место. Как мне объяснил заведующий, в мою обязанность входило пропустить во двор общежития торговцев, проверив, какие книги каких авторов они принесли на ярмарку. Также моей задачей было узнать, кому и на каких правах принадлежит каждая книга, и если книга свежепереписана, то выяснить, какой каллиграфный дом и на каких правах представляет торговец. В общем, работенка не из сложных, но очень ответственная и кропотливая. Потому что все книги и всех продавцов я должен был вписать в специальный журнал.

10

Надо сказать, книги, приносимые букинистами, были совершенно разными. Особенно мне запомнились книги одного старичка. То были словари всех языков и диалектов: урду и фарси, индонезийского и малазийского, японского и – о, чудо! – китайского.

– Что, нравится? – спросил старичок, хитро улыбаясь.

– Очень, – засмутился я, – такие редкие ценности!

– А ты, я вижу, любишь книги и ценишь знание языков.

– Я ценю знания вообще. А языки – ключи к знаниям, даже если они в Китае, – мой ответ был столь подробен лишь из вежливости к старшему. – Я устроился работать сюда, чтобы быть поближе к книгам.

– Отлично! Ты напоминаешь мне меня самого в молодости. Когда-то я тоже работал, не покладая рук, чтобы быть поближе к книгам. Разгружал караваны, прибывающие издалека. На все полученные деньги я покупал книги. Даже недоедал. И в результате потерял здоровье.

– По вам и не скажешь. Принести на своих плечах такой огромный мешок с книгами!..

– Да, горб у меня крепкий – ты это хотел сказать? Ведь я ездил за книгами в далекие города – Мекку и Дамаск, Париж и Техас – и волок их на своем хребте. А по ночам сторожил городскую научную библиотеку и при свете огарка свечи, сгорбившись, переписывал для своей коллекции те книги, которые был не в состоянии купить или достать. И вот теперь, как это ни прискорбно, приходится распродавать свою библиотеку.

– Зачем? – искренне удивился я.

– У меня уже взрослая дочь, и ее надо выдавать замуж. А без приданого кто сейчас возьмет?

Здесь мне оставалось деликатно промолчать.

– Но одно могу сказать твердо. Свою уникальную коллекцию Коранов я точно не продам. Ни одного экземпляра, – откровенничал старик. – Если захочешь что-нибудь приобрести или посмотреть, просто приходи ко мне домой. Большая часть книг, среди которых есть совсем недорогие, хранится у меня дома. Поверь мне, там найдется еще много интересного.

– Ага, с удовольствием.

– Давай условимся с тобой, например, на воскресенье.

– Нет, в воскресенье вечером я не могу. У меня выходной в понедельник. Можно мне прийти в понедельник?

– Хорошо, в понедельник – так в понедельник, договорились. Вот адрес...

11

Но самое великое потрясение для меня случилось позже. Это событие, случившееся ближе к концу торгового дня, было настолько волнительным, что лишило меня спокойного сна на долгие годы.

Итак, когда некоторые торговцы уже начали собирать свой товар, торопясь на обед, а солнце, преодолев точку зенита, уже начало склоняться к тому, чтобы спрятаться за горизонт прилавка, к гостинице на измотанной до жалкого вида верблюдице подъехал дервиш. Одеждой его была длинная, до пят, власяница из шерсти, возможно, верблюжьей, потому что на шее у него висела массивная железная цепь.

Слезши с почти загнанной верблюдицы, он передал мне покрытые вспененной слюной поводья.

– О, достопочтенный путник, – спросил я его, – вы, должно быть, приехали на книжный базар?

– Именно, хочу наконец-то продать товар, что мы с таким трудом и мучениями пытались перевезти через пустыню.

– Что же это за товар? – поинтересовался я, не наблюдая у него мешков или корзин. – У нас ведь можно торговать только книгами и перьями с чернилами.

– Товар, который мы везли из Александрии, – воскликнул он, – это книги, и не более того, будь они неладны!

– Значит, вы опередили свой караван, – предположил я, – чтобы зарезервировать себе место?

– Из всех книг, что мы везли, осталась только одна, будь они все неладны! – опять чертыхнулся измотанный путник. – Но клянусь Всевышним, я бы не решился продать ее ни в жизнь, если бы не нужда! Долгие месяцы я не знал полноценной еды и не вкушал полноцветных снов. Все мои верблюды и люди пали в пустыне. И сейчас я хочу только одного: избавиться наконец от этого проклятого кошмара, чтобы поскорее отрешиться и спокойно заснуть. Кажется, здесь находится известнейшей во всем подлунном мире своими вещами снами Дом Сладких Снов?

– Совершенно верно, уважаемый.

– Тогда, надеюсь, вырученных с продажи книги денег мне хватит на три недели отдыха без забот. Забронируй-ка мне номер, мой милый друг. После продажи книги я обязательно отлежусь в нем от души.

– Но номера здесь очень дорогие, – посмел возразить я, – вряд ли за одну книгу, даже очень хорошую, вы выручите столько денег.

– Надеюсь, что мне хватит денег от продажи этой книги ещё и на товар, – парировал странник, – который я обменяю у себя в Александрии не на один год беспечной жизни. Да еще на покупку десятка верблюдов на обратную дорогу и наем лучших погонщиков-проводников. Когда мой караван въедет в Александрию, слухи о том, что я вернулся в свой родной город не с пустыми руками, взволнуют весь город. Все только и будут говорить об успехе моего рискованного предприятия. Доверие кредиторов так тяжело зарабатывается и так быстро утрачивается. Так что можешь спокойно бронировать. А я пока займусь распродажей.

12

Он так и сказал: «распродажей». И в его словах было столько самоуверенности, что я не посмел ослушаться.

– С радостью, о, достопочтенный! – бросился я было бронировать номер, но вовремя вспомнил, что сначала должен зарегистрировать книгу и убедиться, что она по праву принадлежит ее нынешнему владельцу.

– Тогда что ж ты так медлителен? – вскинул руки продавец. – Пошевеливайся, солнце еще высоко, а я и мой верблюд хотим утолить жажду и получить выгоду.

И я поспешил.

– Итак, как вас зовут, и какую книгу вы хотите выставить на продажу? – спросил я.

– Книгу книг, – сухо ответил странник, – а зовут меня Бен Дауд.

– Книгу книг? Вы собираетесь продать Книгу книг? – искренне удивился я.

– Ну, разумеется, а какую еще книгу я должен был оставить в своей суме во время крушения всего моего предприятия?

Не смея перечить разгоряченному путнику, я записал в регистрационном журнале его имя, а в графе перечня книг поставил «Коран аль Карим». За долгие годы учебы в медресе я понял, что на земле существует только одна Книга книг – Коран. Конечно, на небе есть еще аль-Лаух аль Махфуз, так называемая Хранимая скрижаль. Она же прототип всех Божественных Книг, посылаемых через великих пророков: Мусу, Ису, Мухаммада.

– Можно посмотреть, в каком она состоянии? – растерянно продолжал я выполнять свои обязанности.

– В отличном состоянии, в каком еще состоянии может быть Книга книг у мусульманина? – разозлился странник. – Вот, посмотри сам, сомневающийся юноша, она совсем новая.

Бен Дауд достал из сумы кирпич, обтянутый абсолютно черным сафьяном обложки. И действительно, книга была будто только недавно переписана на новой бумаге, что выдавал блестящий, а не серо-желтый торец, и собрана знающим свое дело переплетчиком. Толстые неистертые нити скрепляли корешок, а с торца страницы были сжаты плотно, как бывает у свежих, не зачитанных книг.

Это я успел понять, глядя на книгу с расстояния, потому что Бен Дауд вовсе не собиравшись выпускать книгу из своих рук, вцепившись в нее, словно утопающий в соломинку.

«Станный человек, – подумал я, – собирается продать за большие деньги Коран, хотя Словом Божьим торговать нельзя. А еще кичится тем, что он благоверный. Тем более, эту Священную Книгу здесь, в Багдаде, раздают бесплатно в каждой мечети. И не только в рукописном и печатном виде, а еще и в аудио-версии и в электронном варианте».

13

– Хорошо! – смутившись, продолжал я. – Кого вы представляете?

Я хотел спросить, какую Великую каллиграфическую школу (издательский дом) или переписочную мастерскую (копировальную фирму) он представляет. И еще, есть ли у странника Бен Дауда договор с автором? Но так разнервничался, что спросил просто: «Кого вы представляете?»

– Автора, – не моргнув глазом, отвечал путник, – я представляю автора.

– Вы уверены? – удивился я. А сам предположил, что каждый человек на земле, если он верующий, а тем более дервиш, может представлять Всевышнего, ибо Адам когда-то от лица всех людей заключил договор с Аллахом. И мы, как сыны Адама, должны его соблюдать.

– Уверен, – сухо ответил александриец. Возможно, он тоже считал, что по заключенному договору Адама с Милостивым и Милосердным должен распространять Слово Божье.

– Хорошо, а что записать в графе о договоре с автором? – спросил я на всякий случай, еще не зная, что последующий ответ надолго повергнет меня в состояние грогги.

– Запиши, что у меня есть личный договор с автором, и я представляю его интересы на земле, – решительно сказал дервиш, – я его доверенное лицо и личный агент.

Вот наглец! Не хочет же он сказать, что является посланником Всевышнего? Тут уж я еле сдержался, ибо свято верил, что печатью всех пророков является Мухаммад.

– Допустим, – кивнул я, – но какую каллиграфическую школу вы представляете?

Мне стоило больших усилий взять себя в руки и продолжить вопросы, хотя я уже подумывал, не направить ли странника в «дом одержимых джиннами» (клинику для душевнобольных) или не вызвать ли службу тайной полиции (милицию нравов). Но потом решил: что взять с этих дервишей, если один из них в свое время заявил, что он и есть Аллах.

– А-а, вот ты в каком смысле, – смягчившись, улыбнулся Бен Дауд. – Я представляю свою собственную переписочную мастерскую и свой собственный издательский дом.

Путешественник давал стремительные ответы, не мешкая ни секунды и нисколько не смущаясь.

– И как он называется, ваш издательский дом?

– «Александрийская библиотека и К^о».

– «Александрийская библиотека»? – еще более изумляясь, переспросил я.

– А что такого? – ухмыльнулся Бен Дауд. – Или у тебя вызывает недоверие это название? Ты вообще когда-нибудь слышал об Александрийской библиотеке?

– Но она вроде бы давно сгорела! – попытался уточнить я.

– Но это не значит, что сгорели все ее фонды и пропали все книги из ее хранилищ.

А потом, секунду подумав, надменно добавил:

– Скажу тебе по секрету, юнец, часть библиотеки спасли пожарные при тушении пожара, и книги переходили из рук в руки, пока их не положили в склеп с одним покойником и пока один чернокопатель не разрыл могилу и не нашел эти сокровища. А знаешь, почему он их нашел? – поднес странник руку к своим губам, уменьшая громкость своей речи.

– Нет, – я покачал головой, одновременно приближая ее к собеседнику.

– Потому что Божественные Книги не тонут, не горят и не разлагаются в земле, – шепнул странник и тут же громко завопил: – Я смотрю, ты чересчур любопытный и болтливый! Давай пошевеливайся, юноша! Сейчас у меня нет времени точить с тобой лясы. Но если оно у меня появится, обещаю уделить тебе несколько лишних минут.

14

Я, не моргнув глазом, так и записал про издательский дом. За день я записал столько книг и их торговцев, что перестал задумываться над смыслом сказанного ими. Не будучи искушенным в таких делах, я, как и полагается добропорядочному мусульманину, верил всем на слово.

Солнце стояло еще довольно высоко, и я старался не удаляться со своего места возле золоченых дверных ручек-кокосов и не выходить из тени растущей рядом

пальмы. А когда солнце стало клониться к ночи и закат насытил красную ковровую дорожку, я пошел по рынку проведать, как там обстоят дела. Уже почти все продавцы сложили нераспроданный товар обратно в коробки, сумки, тележки и один за другим покидали это волшебное для многих место. Торговец из Александрии по-прежнему стоял со своей Книгой книг в черной обложке. Тиснения на ней не было никакого, а вот написанная на листке бумаги цена поистине была золотой.

Поскольку Бен Дауд явился после полудня, а сейчас время было совсем позднее, он так и не сумел продать свой Коран. А когда солнце зашло, книга в черной обложке и вовсе слилась с ночью, отчего, казалось, еще более потемнело и лицо путника.

На мой вопрос об успехах усталый александриец посоветовал, что подлиннее знатоки только цокают языками, но никто так и не сумел заплатить.

– У ценителей знаний недостаточно денег, – заключил путник, – так как знания для них являются первой и основной ценностью, и они копят их, а не дирхемы.

– Где вы будете ночевать? – спросил я, видя, как расстроен александриец.

– Я столько дней провел в пустыне, – отмахнулся он, – что в городе, думаю, не пропаду.

– Не согласитесь ли вы выпить чаю в моей скромной каморке? – предложил я, помня, что приютить путника – особая заслуга перед Всевышним. – Конечно, у меня в дворницкой не так много места, но думаю, на двоих хватит.

– Спасибо большое, я с радостью остановлюсь у тебя, – несмотря на всю свою гордость, незадачливый торговец принял мое приглашение. – Сейчас меня трудно смутить плохими жилищными условиями, ибо в холодные ночи я спал в обнимку с верблюдом, а подушкой мне служил его горб.

– Только, – попросил его я, – Вы должны как можно незаметнее проскочить в комнату, чтобы у меня после не возникло проблем с руководством.

– Я буду как тень, – понизив голос, скользнул многозначительной понимающей улыбкой александриец, а через пятнадцать минут, после закрытия рынка, он так же незаметно и тихо проскользнул в приоткрытую дверь.

Прежде чем закрыться, я высунул голову в дверной проем и убедился, что никто не видел моего гостя. В воскресенье, как я понял, начальства в Доме Сладких Снов не было, но кто-нибудь из тайных недоброжелателей мог наябедничать на меня и в понедельник.

15

Но до понедельника было еще далеко, а чайник уже закипал. Я полил гостю из кумгана и дал ему чистое полотенце. Затем мы с чистой совестью распивали чай, усевшись на полу вокруг моей скатерти. Поскольку у нас было мало общих тем, разговор сам собой зашел о Книге книг.

– Ты не знаешь, кто бы мог купить этот раритет? – спросил, отхлебывая из пиалы, мой первый гость. – Есть ли в городе богатый ценитель книг?

– Да приходил тут один коллекционер. Но вряд ли и он смог бы купить по такой цене.

– Все дело в том, что у этой книги нет рекламы и даже нет тиснения на обложке. Это не привлекает к ней внимания. Послушай, у меня нет денег и нет знакомых в этом городе. Не мог бы ты отнести книгу в мастерскую, чтобы сделать тиснение? Много они не возьмут, а я обещаю, что, когда продам книгу, верну тебе твои затраты втрое.

И хотя Кораны продавать нельзя, но бумага и тиснение чего-то стоят. Я помнил, что этому человеку нужно продать Коран, чтобы поесть и переночевать, и поэтому согласился помочь. Я не надеялся на его вознаграждение, уповал только на Всевышнего, который обещал, что вдвое воздастся тому, кто поможет другому. Мне как раз заплатили аванс за первую неделю службы, и кое-какие деньжата у меня были.

– Хорошо, – согласился я, – я знаю неподалеку неплохую мастерскую. Завтра встанем пораньше, до восхода солнца, чтобы не отнимать тени у торгового дня...

– Дружище, – улыбнулся александриец, – думаю, ты справишься сам. Я так смертельно устал, что полагаюсь на твоё гостеприимное радушие. Если мне придется встать, когда тень еще необычайно длинна и бледна, то, думаю, мне не пережить следующий день под нещадно палящими солнечными часами.

– Хорошо, я сам займусь этим, – трудно было оставаться равнодушным, глядя на измотанного бедолагу. Тем более рассвет был уже не за темными барханами ночи, а за углом двух быстрых снов.

– Будь осторожен и аккуратен с этой Книгой, ибо она поистине не имеет цены. Я доверился тебе, но это не значит, что я не оторву тебе голову, если что-то случится с моим последним товаром.

– А в чем ее особенная ценность? – не выдержал я собственного любопытства. И тогда александриец рассказал мне историю своей книги.

16

– Ты уже знаешь, что мы с караваном везли часть сохранившейся Александрийской библиотеки через пустыню, но тут налетела страшная буря, которая сбила нас с пути. Сорок дней мы бродили по незнакомым барханам, пока не закончились все наши припасы еды и воды и не начался падеж верблюдов. А поскольку каждый бактриан нес на себе по две большие торбы с книгами, нам пришлось отказаться от этих книг. Нет, сначала мы пытались переложить ношу с замученных животных на другие плечи и горбы. Но в итоге только усугубили ситуацию, ибо силы погонщиков и бедных тварей безграничны. В итоге верблюды стали гибнуть один за другим, ибо всю воду мы берегли для людей, надеясь, что в двух горбах бактрианов еще есть некоторые запасы. Но мы явно не рассчитали их силы, и в итоге нам ничего не оставалось, как закопать все книги в песке, ибо в живых осталась лишь одна одногорбая беременная верблюдица, которой мы из-за ее положения все-таки давали пить.

Когда встал вопрос о том, чтобы избавиться от томов-кирпичей, моему напарнику по бизнесу пришла в голову прекрасная идея кратко конспектировать каждую закапываемую книгу, чтобы не утратить ее сути и иметь для потомков краткое ее описание. Я доверился своему компаньону тогда, когда он придумал выкупить находившуюся в частной коллекции черного копателя часть библиотеки, с тем чтобы перепродать ее в Багдаде американцам, поддержал я его благородную идею и на этот раз. Но с нами не согласились нанятые погонщики. В одну прекрасную ночь, тайно собравшись, они вместе с проводниками бросили нас, оставив несколько бурдюков подсоленной воды.

Мы с упорством одержимых продолжали заниматься конспектированием, пока из всей библиотеки у нас не осталось две торбы книг. Но мы с моим компаньоном не сдавались и пытались выйти из пустыни. И тут, – как известно, беда не приходит одна, –

случилась еще одна малоприятная вещь: моего товарища укусил тарантул, и его ослабленный в трудной дороге организм не справился с действием яда и воспалением.

Похоронив друга, я встал перед нелегким выбором, что мне делать дальше: либо продолжать начатое с товарищем предприятие, либо все бросить. Оставшись один на один со страхом смерти и одиночества, я не выдержал и решил как можно скорее прорываться к людям. Чтобы белая верблюдица, которую ты отвел сегодня в стойло, могла двигаться быстрее, я хотел освободить ее от тяжелой ноши. На ходу, – думаю, ты знаешь, что книги тяжелее камней, – я стал выкидывать одну книгу за другой, выписывая из каждого фолианта всего по одной ценной мысли. Каково же было мое удивление, когда в итоге моих трудов получилась эта Книга книг!

17

Александриец окончил свой рассказ и устало откинулся на подушки. Стоило ему закрыть глаза, и он тут же провалился в глубокий сон. Он храпел с открытым ртом, а я был так взволнован, что наяву потерял способность говорить и двигаться.

«Как же так? – думал я. – Вот они собрали книгу, и у них получился Коран».

Я давно интересовался Китаем и знал притчу про обезьян. Мол, если их научить писать и дать в руки калям, то рано или поздно они напишут великую книгу. «А может быть, – думал я, – все книги мира – всего лишь суть одна книга-прообраз в той или иной вариации? И эта книга-прообраз, из которой появились другие книги, есть на земле».

До рассвета я не мог сомкнуть глаз. И чуть только первые языки утра озарили окна, я отправился в переплетную мастерскую. Я надеялся прийти самым первым и сделать тиснение на книге до начала торгового дня. Но чем больше наши надежды, тем больше и разочарование. Подойдя к мастерской, я увидел длинную-предлинную, словно тень на солнечных часах, очередь-стрелку. Наступала пора экзаменов, и многие студенты спешили в мастерскую, чтобы переплести свои дипломные работы, которые были суть конспекты чужих наблюдений и лучших мыслей, пришедших в голову великим. И в конце этой толпы встал я, с книгой, как сегодня ночью выяснилось, тоже похожей на эти конспекты. Я еще надеялся уговорить переплетчика, возможно, за дополнительную плату, взять книгу в работу вне очереди. Но даже для этого мне необходимо было отстоять живую очередь, которая двигалась медленно, как измотанный караван.

– Вы последний? – бесшумно, словно тарантул, подкрался ко мне со спины кто-то.

Я вздрогнул, оглянулся и увидел того самого старика, что ради дочери распродал свою библиотеку. Кажется, с ними, дочерью и библиотекой, он и пришел к переплетчику. По крайней мере, рядом с ним стояла очень милая девушка в хиджабе. Она держала большие дорожные сумки. Голова ее была опущена, на меня она даже не взглянула.

– А, это ты! – обрадовался старик. – А я вот сделал ревизию книг и понял, что некоторые из них нуждаются в новом переплете, чтобы их лучше покупали. А ты зачем пожаловал?

– Вот, – показал я книгу, – хочу сделать золотое тиснение.

– О-о, – золотом заблестели глаза старика, – я видел эту книгу вчера на рынке. И хочу сказать: это очень ценный экземпляр, и он достоин рубинового тиснения. Будь у меня такой экземпляр, мне было бы не жалко всей своей библиотеки, которую я вынужден распродать ради счастья своей дочери. Кстати, познакомьтесь, – повернулся старик к девушке, – это моя дочь Нурхава.

– Мы уже знакомы, – сказала Нурхава, еще более потупив взор, хотя я видел ее впервые.

– А, ну конечно. Она же твоя коллега по Дому Сладких Снов. Она работает горничной там же, где и ты.

18

И тут до меня дошло, что это та самая девушка, что докучала профессору и которой он уговорил меня написать любовное послание. Теперь понятно, почему она уверена в нашем знакомстве и так смущается. Она нашла-таки способ посмотреть на меня и даже не сомневалась, что если я ей признавался в любви, то как минимум видел ее.

«Неужели наша встреча была предначертана на небесах?» – подумал я, тоже за-смущавшись. Надо сказать, девушка мне понравилась. Круглолицая, словно солнце, мягкощекая, с большими, подкрашенными черной сурьмой глазами и густыми бровями, с алыми пухлыми губами. Это все, что мне удалось рассмотреть за секунду с такого близкого расстояния. Ее лицо было обрамлено голубым платком, а фигура скрыта под длинным и прямым черным платьем, расшитым по подолу темно-зелеными узором.

То, что она стояла, опустив глаза, придавало загадочности ее лучезарному лицу. Будто ее ресницы и сжатые губы – темные тайны на поверхности солнца. Был бы у меня телескоп или микроскоп, думаю, я бы не преминул воспользоваться и ими.

Но поскольку я был воспитанным юношей, я по большей части рассматривал причудливые листья на черном подоле, которые, как я узнал позже, назывались «турецкими огурцами». Отвечая на вопросы старика, я изредка стремительно, мимоходом взглядывал на лицо девушки. За этим занимательным, почти научным занятием я не заметил, как очередь рассосалась, о чем я уже очень сожалел.

– Это невозможно, – сказал мне переплетчик после того, как я невнятно сформулировал свою просьбу, и указал на гору из дипломов, – таких, как вы, у меня вон целая пирамида.

– Но это не диплом, – начал было спорить я, – это книга, которую нужно продать сегодня.

– Тем более, – возмущился переплетчик, – людям надо было сдавать дипломы еще вчера, чтобы получить через три дня, а вы хотите получить выгоду сегодня. Но и не надейтесь. В лучшем случае, я сделаю вашу книгу через неделю.

Расстроенный, опустив голову, я вышел с книгой из мастерской. В коридоре меня остановил за локоть старик, видимо, слышавший мои пререкания с переплетчиком.

– Так я жду тебя в понедельник, молодой человек, – взял он меня за рукав, – приходи с книгой, если тебе не удастся ее продать. Мне было бы очень любопытно ее почитать.

«Странно, – думал я, возвращаясь домой, – почему он не препятствовал моему общению со своей дочерью? Неужели это его совсем не беспокоит? Или он увидел во мне потенциального жениха?»

Впрочем, вскоре мое внимание привлекло совсем другое обстоятельство. У ворот Дома Сладких Снов творился хаос и переполох. Кричащие ослы и верблюды, сбившиеся в кучу торговцы и покупатели.

19

Растолкав собравшихся, я пробился к источнику суматохи, чтобы, как положено дорскапу, устранить его. Но когда я увидел Бен Дауда, лежащего во дворе с раскинутыми руками, ноги мои подкосились, и я сам чуть не свалился на землю, едва не став новой причиной суматохи.

Нет, Бен Дауд лежал в той же позе, в которой я его оставил: на спине, раскинув руки и открыв рот. Помнится, я еще подумал, что нельзя так широко раскрывать рот, ибо через него в тело-пещеру может вползти смерть в виде скорпиона, и тогда душе придется покинуть свое пристанище. И вот теперь сомнений не было – это случилось, ибо все лицо несчастного посинело и распухло. А ресницы напоминали мух.

Двое полицейских оторвали александрийца от земли, на которой осталась кровь, словно скорпион прогрыз голову насквозь и скрылся в щели асфальта.

От вида пробоины в черепе толпа ахнула и отступила на шаг назад, только я не мог сдвинуться с места из-за слабости в ногах.

- Я знаю, почему его убили, – зашептались за моей спиной.
- Всему причиной книга, которую он пытался продать вчера.
- Да, мы ее видели.
- Очень ценная и дорогая книга.
- Помним, помним.
- У кого книга, тот и убийца!
- Надо найти книгу!

После этих слов я в страхе крепко прижал к животу перекинутую через плечо суму. Я очень боялся, что если книгу найдут у меня, я стану главным подозреваемым. Но даже если меня оправдают, и я докажу свою невиновность, меня точно выкинут из Дома Сладких Снов, ибо я допустил грубейшее нарушение. Я позволил остановиться в своей каморке чужаку и, тем самым, презрел устав заведения.

А без Дома Сладких Снов мне никогда не поступить в Дом Знаний. С другой стороны, у меня в руках теперь была книга, стоящая целого каравана и всей библиотеки старика-букиниста. И теперь она могла перейти в мое пользование, ибо вряд ли кто станет заниматься поисками родственников иностранца, чтобы вернуть им Коран. Надеюсь, никто не видел, что странник Бен Дауд ночевал у меня в гостях. По крайней мере, боясь доноса, я предпринял все меры предосторожности, чтобы этого никто не заметил...

Впрочем, теперь мне снова надо было опасаться. Выбравшись из толчеи, я, сначала не спеша, а потом, постепенно ускоряя шаг, пошел прочь от Дома Сновидений. Отойдя от толпы на приличное расстояние, я бросился бежать и бежал до тех пор, пока не выдохся. Только оказавшись в пустынных кварталах плохо знакомого мне города совершенно один, я достал книгу из сумы и открыл ее на первой попавшейся странице наугад.

«Во имя Бога, Милостивого и Милосердного», – начал я читать.

20

Но увлечся чтением мне не дал громкий, хорошо поставленный голос коахина, который через динамики над ухом с завораживающей хрипотцой, произнес сакральное для меня название остановки. И мне ничтоже сумняшеся пришлось срываться с нагретого дизелем места. Подобно герою из книги, я орудовал локтями, протискиваясь

к дверям. Думаю, я не очень бы удивился, если бы в этой давке обнаружилась пара-другая трупов. По крайней мере лица у половины пассажиров были синюшные, а запах стоял еще тот.

К счастью, обошлось без жертв, а единственным источником хаоса оказался я. Выскочив на свежую майскую улицу, я набрал полную грудь воздуха. Был тот час, когда голоса детей на улице плавно сменяются голосами ошестившихся подростков, а взбухшие почки сменяет щетина юной листвы. Кругом веет молодой агрессией и любовью.

Мне очень нравилась девчонка из соседнего двора, и я решил, как делал уже несколько месяцев, совершить небольшой крюк. Высокая, хрупкая, я бы даже сказал, неземная. С серо-голубыми глазами, меняющими свой цвет в зависимости от цвета неба. С воздушными кудряшкам, с ножками, такими длинными и тонкими, что порой у меня возникал вопрос: не мотает ли ее при ветре? И не больно ли ей ходить с тяжелыми сумками? С удивительным именем Катя, что значит «чистая и непорочная».

Я заметил ее давно, и с тех пор интерес мой не угасал. Несколько раз мы с Катей сталкивались в общественном транспорте и в магазинах. А однажды после магазина я проследил за ней и узнал, что она живет по соседству. Думаю, она тоже меня заметила. Потому что каждый раз я старался пройти двором именно ее дома и обратить на себя ее внимание. Что называется, и на других посмотреть, и себя показать. Этой весной она частенько по вечерам выходила гулять в компании своих подруг и приятелей.

К сожалению, на этот раз девчонки во дворе не оказалось, зато – вот неожиданность! – мне на плечи сзади навалился какой-то амбал. Под двойной тяжестью – чужого тела и страха – я едва не упал на землю. Мне почудилось, что это менты решили провести спецоперацию прямо на глазах у объекта моего воздыхания и поймать меня с поличным, то есть с книгой. По крайней мере такого давления я не испытывал даже в переполненном автобусе.

Но, к моей радости, руку мне заламывать не стали, а лишь крепко стиснули.

– Здорово, Антон, ты что здесь делаешь, как сюда попал? – обрадовался я своему лучшему институтскому другу.

– Фу ты! У меня был такой же вопрос, но ты опять меня опередил, хотя я и подкрался со спины!

– Я вообще-то здесь живу, – не сдавался я, хотя Тоха все сильнее сжимал мою руку. – А вот ты как здесь очутился?

– Блин, а я совсем забыл, что ты где-то в этом районе обитаешь. Надо было к тебе обратиться. Вышел на остановку раньше. Да и пока нашел среди коробок вашего спальника 32 В, столько времени и моральных сил угробил. Я здесь по делу. В этом доме, – отпустил наконец мою руку Антон, – вон в том подъезде живет один чудак, что подрабатывает написанием курсовых и дипломов для студентов. У него отличная библиотека и, кажется, есть пара редких словарей. Это мне сказала наша лаборантка Машка. Не хочешь зайти со мной и посмотреть?

– Можно! – обрадовался я. В этот прекрасный майский вечер не очень хотелось валяться дома на диване. К тому же спустя какое-то время, когда мы с Антоном выйдем, Катя может уже появиться на улице.

21

Надо сказать, что мой приятель был весьма интересным субъектом. Мало того что он был мастером спорта по рукопашному бою, за что его, а также за высокий рост и широкие плечи на курсе прозвали Антеем, так он еще являлся и полиглотом. Он уже выучил арабский, персидский, немецкий, турецкий, английский. А совсем недавно еще осилил французский и собирался приступить к изучению индонезийского, урду или хинди. Это как повезет.

«Но то, что он выучит и тот и другой, можно не сомневаться, – думал я, заходя в подъезд типичной панельной многоэтажки, – потому что Антон нетипичный и непростой человек, и если этому уникаму что-то приходит в голову, то он доводит начинание до конца». Для достижения поставленных целей он вел замкнутый образ жизни, предпочитая людям фильмы.

Я немного завидовал оригинальным взглядам и харизме Антона. Глубина его нестандартных мыслей и хлестких суждений, которые он, казалось, черпал из земли, притягивала меня с первого курса. Он не переставал удивлять окружающих и был неисчерпаемым кладом острого ума. Может быть, поэтому мы с ним поддерживали дружеские отношения и вот теперь поднимались по лестнице точной копии моего дома.

Квартира прямо, квартира налево, квартира направо. В одну сторону пойдешь – жизнь потеряешь, в другую – товарища, а в третью – имущество. В общем, куда ни кинь, всюду клин. Сколько людей уже сгнуло в этих панельных коробах, постоянно идя то налево, то направо. Да и в самом районе, в этой однотипной застройке немудрено потеряться.

Не питая иллюзий насчет очень интересного человека, я ожидал увидеть еще одного библиофила, талантливого в прошлом ученого, а сейчас – сгубившего свою жизнь домоседа-мизантропа-чернокнижника. Бородатого, недовольного собой и реальностью книжного червя, углубившегося в свои затхлые сокровища.

Каково же было мое удивление, когда дверь нам открыла та самая воздушная девушка Катя, объект моих воздыханий.

– Здравствуйте, – поздоровалась она. – Вы, наверное, к бабушке?

– Ага, – заулыбался мой друг, – мы к Константину Анисимовичу по предварительной договоренности.

Я промолчал. Чего-чего, а такого развития событий я никак не ожидал.

Скинув обувь, мы прошли в квартиру, сплошь заставленную большими стеллажами, но не для обуви, а для книг. Ботинки некуда было поставить, и они так и остались валяться в проходе.

Катя проводила нас в комнату, где нас ждал Константин Анисимович.

Они с Тошей тут же начали интеллектуальную беседу о Шопенгауэре. Константин Анисимович показывал различные словари, Антон восхищался. А я лишь прислушивался к звукам с кухни: интересно, что там делает Катя? Я прислушивался до тех пор, пока Катя не принесла на подносе чай в пузатом фарфоровом чайнике и нежно-прозрачные фарфоровые же чашки, которые с позвякивающими в них серебряными ложками-язычками больше походили на китайские колокольчики.

Значит, Константин Анисимович коллекционировал не только книги, но и красивые предметы.

22

И тут хозяин совершенно некстати задал свой вопрос:

– Ну, а вы, молодой человек, чем занимаетесь? – мол, ваш друг разносторонне развитый и весьма интересный человек, а вы чем способны удивить?..

Я растерялся и смог пробубнить лишь, что учусь и подрабатываю курьером. А еще собираюсь поступать в аспирантуру. Для этого мне надо удачно написать и защитить диплом и сдать выпускные экзамены.

– А что это за книга у вас в руках, – спросил он, – можно полюбопытствовать?

Катя разлила чай в чашки и подала одну из них мне. Я, выпустив книгу, взял чашку. А когда спохватился, что сделал большую глупость, было уже поздно.

– Интересно, интересно, – Константин Анисимович надел очки, висевшие на груди на длинной цепочке. Он долго разглядывал книгу. Воцарилась тишина, и я вдруг обнаружил прореху на своем носке, отчего покраснел еще больше и подумал: что будет, если сейчас Константин Анисимович вдруг обнаружит библиотечный формуляр-закладку.

– Весьма, весьма любопытный экземпляр, – наконец произнес он, – позвольте полюбопытствовать, где вы его взяли?

– В библиотеке раздавали книги, не пользующиеся спросом в абонементе, – нашелся я, неумело пытаюсь спрятать дырку на носке. Наверняка, старик уже разглядел и формуляр читального зала областной библиотеки, указующий на недавнее пользование книгой.

– Знаю, знаю, что в библиотеках существует практика раздачи невостребованных книг, – тяжело, будто это была не радость собирателя, а его личная трагедия, вздохнул библиофил. – Но скажите, вам эта книга очень нужна?

По глазам коллекционера было видно, что он утратил всякий интерес к Антону и полностью сконцентрировался на моей книге.

– Или вы взяли ее потому, что, как книгоман, тащите домой любую мало-мальски вызвавшую у вас интерес литературу? Я, знаете ли, тоже частенько пополняю свою коллекцию из старых списанных фондов библиотек, – видя мое удивление, продолжил Константин Анисимович.

– Нет, я ее выбрал среди многих других, – поспешил заверить я.

– А не хотите ли вы обменять эту книгу на какой-нибудь фолиант из моей коллекции? – сняв очки, неожиданно предложил коллекционер. – Или знаете что, я готов обменять ее сразу на три книги. На словари урду и индонезийского. И еще на что-нибудь в придачу.

От его слов мне стало не по себе, и я растерянно посмотрел на друга. Я знал, как ему хочется получить словари. И что сумма, которую коллекционер за них запросил, была совершенно ему не по карману. К счастью, друг не слышал предложения коллекционера. Он в это время о чем-то увлеченно шептался и хихикал с Катей. Точнее, прыскал смехом, отчего чай чуть было не брызгал у него из ноздрей и ушей.

– Может быть, когда я прочитаю, – в этот момент я хотел больше насолить не коллекционеру, а Антону, – я с вами поменяюсь.

– Читайте быстрее, – улыбнулся профессор, – потому что я могу и передумать. Да, и давайте я запишу ваш номер телефона. А вы мой.

23

Уходил я от Константина Анисимовича с неприятным осадком в душе. Хотя, возможно, я надыхался и наелся книжной пыли, которую так заботливо пыталась стереть с полок Катя. То, как она ухаживала за дедушкой, сам ее облик и вид, были единственным светлым пятном во всей этой истории. А мой приятель не переставал восхищаться Константином Анисимовичем, его богатой коллекцией и большой квартирой. Мол, вот это жизнь! Ты видел, какие у него огромные комнаты? А сколько книг? А какой он необычный, умный и замечательный человек! Впервые в жизни я видел, как мой друг восхищался кем-то, кроме себя и Бергмана.

– А как тебе Катя? – с нетерпением выслушав восклицательные комментарии, спросил я, не в силах больше сдерживать приступа ревности.

– Хорошая девушка, – улыбнулся он. – Мне кажется, я ей понравился.

– С чего ты взял?! – мой приятель считал, что нравится абсолютно всем девушкам.

И эта его самоуверенность меня всегда поражала.

– Чувствую. И еще я видел, как она на меня смотрела, – пояснил собственный ответ Антон. – А может, жениться на этой девушке и разом на всей коллекции словарей. Как ты думаешь?

– Не знаю, – растерянно пожал плечами я, – сам думай. В таких делах советчиков быть не может.

– По-моему, она очень милая и заботливая. И хозяйкой будет неплохой.

Он сказал «милая» и «хозяйка», а мне девушка казалась светлодлинноволосой, стройнодлинноногой. В общем, принцессобогинеподобной.

– А знаешь что? – решившись, сказал я. – Если ты оставишь Катю в покое, я готов выкупить для тебя два словаря. Точнее, обменять на эту книгу.

От такого конеходного предложения у моего приятеля отвисла челюсть.

– Ты это серьезно, – заглянул он мне в глаза, – или прикалываешься?

– Я вполне серьезно.

– А что это за книга? – перевел Тоха взгляд на книгу: мол, можно посмотреть?

– Не твое дело, – спрятал я книгу за спину, – ты лучше подумай над моим предложением.

После этих слов я развернулся и пошел в сторону своего дома. Я знал, что мой приятель мог обидеться на меня за такое поведение. Но пусть он лучше сразу почувствует, насколько высоки ставки в вопросе о Кате.

24

А вообще, меня переполняло откуда-то взявшееся чувство запрограммированности, и вся эта история с коллекционером вызвала у меня ощущение дежавю. И квартира коллекционера, заставленная книгами, и его лицо с очками на цепочке, и седая борода, и фарфоровые чашки – все как будто было мне знакомо.

Я думал об этом, когда мыл руки, и когда ковырялся в поставленной передо мной матерью тарелке с борщом, и когда завалился на диван, включив Майлса Дэвиса.

Откуда могло возникнуть впечатление, что картинки прошедшего дня уже мелькали, точнее, стояли перед моими глазами один миг? Может быть, мне это снилось? Или я смотрел похожий фильм? Я лежал и пытался вспомнить. Но куда там, если в последнее время я через минуту после пробуждения забывал даже самый яркий сон.

И тут вдруг я вспомнил, что читал нечто подобное сегодня в автобусе, но то был текст, а не живые картинки. Готовиться к экзамену, а тем более продолжать читать книгу дальше я не мог – уж больно история про старика, его дочь и незадачливого абитуриента походила на мою.

В какой-то момент я даже подумал, а не является ли эта книга книгой моей судьбы? Я верил, что на небе есть книги судеб, в которых прописан жизненный путь каждого человека, и если такая книга каким-то чудом попадет на землю, то можно ненароком узнать свою судьбу. И мне вдруг стало страшно от одной мысли, что вдруг та история закончится несчастьем или даже катастрофой – парня арестуют, обвинят во всех смертных грехах, а его возлюбленная достанется другому?!

Полночи я думал о событиях минувшего дня, пока меня не срубил сон. Но и проснувшись, я снова вернулся к этим мыслям и, погруженный в себя, сидел в своей комнате вплоть до того момента, когда цепочка событий вновь зазвенела и в комнату, вошла за собой скрученный, словно цепь Давида, телефонный провод, вошла мама.

– Тебя, – протянула она трубку.

– Меня? – удивился я. Единственным, кто мне мог позвонить, был мой приятель. Но, помня о его гордом характере, я знал, что он будет дуться на меня, пока я сам не подойду к нему или не позвоню. Впрочем, я тоже затаил на него глубокую обиду. Заинтригованный, я взял трубку.

– Алло!

– Ал-лександр? – запинаясь, спросил неуверенный, но приятный женский голос.

– Да!

– Это вас беспокоит Катя – внучка Константина Анисимовича. Дело в том, что ночью, после того как вы с другом были у нас, дедушке стало плохо. Он очень сильно разволновался и после вашего ухода – я слышала – все никак не мог заснуть. У него в кабинете допоздна горел свет. А ночью он пошел на кухню попить воды, и там с ним случился удар.

– Сочувствую, – с трудом нашел я слова, – это, наверное, очень неприятно.

– Да. Приехала «Скорая» и увезла его в больницу. Я целый день провела возле его кровати. У дедушки частичная парализация. Сейчас уже полегче, только ноги все еще не слушаются. И одна рука. А когда он смог говорить, то очень просил принести ему книгу, которую вы показывали. Он у меня заядлый библиофил и книголюб. А та книга произвела на него сильное впечатление, и он боится, что умрет, так и не успев ее прочитать.

– Понимаю, – только и смог ответить я.

– Дедушка говорит, что ему недолго осталось. Это очень страшно. Вы понимаете? Вы не могли бы пойти на уступку и дать ему эту книгу на время? Взамен дедушка решил вам брать любые книги из его библиотеки.

25

Несмотря на шок, в который меня повергла взволнованная речь Кати, я быстро сообразил, какие преимущества дает мне сложившаяся ситуация. Молодая красивая девушка, очень нуждающаяся в моей книге, осталась одна в квартире в доме напротив.

– Ну, разумеется, я не откажу старику в его просьбе, – изобразил я как можно более мужественный голос, – когда можно будет навестить его в больнице?

– Завтра, к десяти утра, после обхода врачей, я пойду к нему с передачей. Вы можете присоединиться.

– Вообще-то, завтра утром я собирался пойти в библиотеку готовиться к экзамену, – соврал я. – Хотя постойте. Может быть, книга, на которую я угробил уже столько дней в читалке, есть у вашего деда?

– Может быть! – с энтузиазмом откликнулась Катя.

– Давайте я сейчас приду, и мы посмотрим, – предложил я.

Последовала небольшая пауза-заминка.

– Заодно и вам будет не так одиноко и грустно, – продолжал убеждать я, поскольку на том конце провода длилось молчание. Видимо, девушка сомневалась, и требовалось чуть-чуть надавить на нее.

– М-м... Вообще-то, сегодня вечером я собиралась в кино.

– В кино? – искренне удивился я. – Ну, как знаете. В конце концов, Константин Анисимович, это ваш, а не мой дедушка.

– Подождите, – спохватилась Катя, – наверное, я могу все отменить и перенести.

– Да ладно вам. К чему такие жертвы? – издеваясь, я хотел уже было положить трубку. Мне было действительно неприятно от мысли, что эта, казавшаяся мне такой милой и доброй, девушка может идти в кино, в то время как ее дедушка лежит при смерти. Мягко говоря, я был разочарован.

– Это какая-то глупость! – чуть не расплакалась девушка. – Давайте, приходите сейчас.

– Что-то мне не хочется, – зевнул я, – поздно уже.

Положив трубку, я понял, что, в свою очередь, совершил большую глупость. Ведь она могла договориться пойти в кино с моим другом. Еще в тот вечер я заметил явную симпатию, возникшую между ними. От мысли, что она предпочла мне другого, стало еще хуже.

Уязвленное самолюбие победило, и я тут же перезвонил Кате.

– Знаете что, – произнес я торжественно-решительно, – я подумал и решил, как мы можем поступить, чтобы ни вам, ни мне не было неудобно. Я сейчас продиктую вам список нужных мне книг, а вы посмотрите по дедушкиной картотеке, есть ли они у него. Завтра встретимся в больнице, а после учебы, вечером, я загляну к вам за подобранными книгами.

Мой хитроумный ход был с успехом воплощен в жизнь. В течение нескольких последующих часов мы проболтали по телефону. Попутно Катя копалась в обширной картотеке деда, зачитывала мне названия, подолгу искала якобы необходимые мне издания, а я лежал на диване и наслаждался своей властью над ней. Я представлял, как она идет вдоль полок, как перебирает пальчиками карточки в ящиках. У меня было такое чувство, что я управляю движениями Кати через телефонные провода, что Катя лишь кукла, игрушка в моих руках, что я завладел ее волей и она принадлежит мне. А еще я представлял себе, как мой друг Антон стоит возле входа в кинотеатр с букетиком гвоздик. Или же у него в руках вялые майские тюльпаны. Но ожидание его напрасно – он не может даже дозвониться и выяснить, в чем дело.

26

А ведь Антон собирался разом жениться и на девушке, и на бабушке с его фойерверками. Однако так случилось, что на следующий день тяжелобольного Константина Анисимовича на пару с его внучкой, что уже само по себе является интимно-семейным актом, посещал я, а не он. Мы встретились с Катей во дворе больницы. Параллелепipedное здание из песчано-гравийных пустотелых блоков в стиле функционального конструктивизма, с просторным холлом внутри, само напоминало гигантский полый блок. В таком стиле и из такого материала строили многие здания в нашем городе – взять хотя бы библиотеку. Те же современные двери и много комнат по сторонам длинного коридора. Те же алюминиевые ручки и керамогранитные полы. Единственная разница – в библиотеке не заставляют надевать на ноги бахилы-презервативы. Когда Катя натягивала пакеты на туфли, я подумал, не порвет ли острый каблук полиэтилен. Так, собственно, и получилось, и это было скорее смешно, чем некрасиво. В рваных бахилах Катя с достоинством дошла до нужной палаты, где тут же села на край кровати Константина Анисимовича и спрятала под нее ноги.

– Привет, – чмокнула она деда в щеку.

– Здравствуйте, – протянул я руку.

– А, пришли! – здороваясь, дед заулыбался больше мне, чем внучке.

– Я тут тебе поесть приготовила, – Катя уже выставляла на тумбочку банки.

Значит, она после разговора со мной еще готовила еду для бабушки. Это вернуло ей несколько очков в моих глазах.

– Поесть – это хорошо! – продолжал улыбаться библиофил. – А как насчет пищи духовной? В моем возрасте пора уже помышлять о вещах нематериальных.

– Не говори так, бабушка! – изобразила возмущение Катя, неправильно истолковавшая слова деда.

– Книга есть, – поняв намек, сказал я и сел на стул возле кровати. – Только я хотел узнать, почему она вам так сильно понадобилась. Что в ней такого особенного? Вроде обычная детективная история. Вы, наверное, за свою жизнь столько подобных историй видели и читали!

Мне вдруг стало безумно жаль расставаться с книгой. Какая-то дикая, болезненная жадность заверещала в моей груди жабыми трелями. Я внезапно понял, что с того момента, как у меня появилась книга, в моей жизни начали происходить важные изменения. Стали осуществляться мои тайные мечты. Взять ту же Катю. Или то, что я впервые ощутил превосходство над другом, который был на две головы выше меня и по знаниям, и по способностям.

Книга словно дала мне власть над своей судьбой, а вдобавок еще и над окружающим миром. Над Катей, над ее гордым дедом, над своим чванливым другом.

– Молодой человек, – старик закашлялся, раздумывая, – как бы вам это объяснить?

– Говори как есть, бабушка, – встала со стула Катя. – Александр благородный и весьма неглупый человек.

Этот комплимент вызвал на моем лице краску.

– А я пока пойду – поговорю с врачами, – Катя поднялась.

– Иди, дочка! – почему-то Константин Анисимович иногда называл внучку дочкой. – Иди, милая, прогуляйся.

Затем он обратился ко мне.

27

– Я действительно прожил долгую и счастливую жизнь, – начал дед, едва внучка скрылась за дверью, – и я действительно многое и многих повидал и прочитал массу книг. Из всего этого колоссального опыта я уяснил для себя одну непреложную истину: все, что происходит в нашей жизни, давным-давно предназначено и прописано на небесах. Мы всего лишь соединяем пазлы событий, чтобы собрать воедино полотно нашей жизни.

Старик говорил, а я представлял себе не пазлы, а деревянный конструктор, в котором все детали не только прорисованы, но и пропилены, и остается только по инструкции собрать их в сложную или простую фигуру.

– Например, – продолжал объяснять Константин Анисимович, – давно известно, что уныние – страшный грех, но каждый раз, впадая в уныние, ты понимаешь, насколько это страшный грех. Или взять страдание от болезни, которое, как известно, помогает очиститься от шелухи всего наносного и надуманного и понять ценность по-настоящему важного. Вот я заболел и понял, что с моей смертью ничего не изменится. На мое место придут другие и с легкостью повторят-подтвердят мой жизненный путь. Другой мужчина будет пользоваться моей библиотекой, и за ним будет бережно ухаживать Катя или другая женщина.

Потому что у всех людей все по-настоящему самое важное и ценное в жизни примерно одинаково. И те, кто давно уже умер, и те, кто только родится в будущем, проходят в жизни одни и те же, обязательные этапы. Все мы переживаем почти одни и те же эмоции, а значит, по сути, проживаем одну и ту же жизнь. Новость – то давно изъеденное и проглоченное, что происходит в новом месте с новыми людьми. Все – и богатые, и бедные – влюбляются и разочаровываются, надеются и отчаиваются, болеют и стареют. Вкусная еда и нарядная модная одежда – не главное, это быстро приедается, а во время болезни и вовсе становится ненужным. А вот внутренний надлом, что переживает каждый, – кто об этом может забыть?

Старик говорил, а я сосредоточенно следил за его мыслью, пытаюсь понять, к чему все это.

– Но чтобы это понять, надо прожить жизнь, то есть пережить историю жизни. Я бы жизнь человека разделил на три отрезка. Первый – детство и юность, когда все смыслы находятся вне времени. Мы верим в идеалы и ставим высокие цели. Потом время нашей истории стирает и нивелирует все смыслы. В какой-то момент она их все низводит до нуля. Мы жестоко разочаровываемся, мы уже не верим ни во что и ни о чем больше не мечтаем. Но главное, мы не верим в себя и свои возможности. История нашей жизни с каждым новым ее витком убеждает нас в том, что возможностей у нас все меньше, а вот и ныне там. Смысл не понять и не достигнут.

– К чему все это? – не понял я.

– К тому, что, по сути, существует только один человек – наш прауродитель Адам, который жил в Раю. Но потом – бац! – он стал сам искать истину, и Всевышний разрешил ему обрести свою личную историю.

– Вы утверждаете, что все мы, по сути, один человек? – спросил я с недоверием.

– Да, именно это я и хочу сказать. Все мы Адамы, точнее, вариации Адама.

– Но при чем здесь книга? – я все еще сжимал в руках толстый том, привыкая уже к мысли, что мне придется расстаться с книгой. Однако терять ее мне по-прежнему мучительно не хотелось.

– А книга, что вы держите в своих руках, – это как раз скрижаль этой истории. В ней прописано все, что должно произойти с человеком в его жизни. С каждым конкретным человеком. Но главное, из нее можно узнать, зачем все это нужно и в чем природа и замысел всего сущего и происходящего.

После этих слов я чуть не поперхнулся. Неужели и этот потрепанный фолиант многовариантен или интерактивен?

28

– Но я бы не советовал вам ее читать, молодой человек, – видя мою озадаченность, продолжил старик, – вы еще молоды и можете мечтать. Вы еще живете вне своей истории. Точнее, на грани ее начала, на грани ночи и утра, когда настоящая любовь кажется не сном, а явью. Признайтесь, вы ведь мечтали о любви, и вот сейчас вы можете вкушать ее сладких плодов и совершить акт грехопадения. В этот момент вы и станете первым человеком Адамом, а ваша девушка в этот миг будет Хавой. Она станет небом, за пределом которого, а в вашем случае – под ее одеждой и кожей, спрятаны все ваши сокровенные мечты и фантазии. Там источник ваших сомнений и вопросов, там, на ее теле и в ее сердце, спрятаны все ваши юношеские смыслы.

– Неужели? – попытался многозначительно улыбнуться я, изображая из себя невинника.

– Но я бы на вашем месте не торопился. И не скрывал факта вашей девственности, в которой нет ничего постыдного. Наоборот, это ваш громаднейший плюс, потому что после акта грехопадения рано или поздно вас начнут постигать великие разочарования.

– И что мне делать? – засмеялся я. – Уйти в монастырь?

– Не могу вам дать и такого совета. С одной стороны, никто не может избежать предначертанного роду человеческому. С другой – каждый из нас должен пытаться сделать все, чтобы вернуться в Рай и обрести первозданную метафизическую подлинность и целостность. А не жить в мире так, будто Бог есть и одновременно Его нет.

Возникла пауза. Выговорившись, потратив много сил, дед закрыл глаза и отдыхал. Он явно устал. А я осмысливал все происходящее. Неужели у меня в руках, и правда, была Книга судьбы?

Отдавать или не отдавать? – вот какой вопрос меня мучил. С одной стороны, было любопытно заглянуть в нее и узнать, что со мной произойдет. С другой – постареть, обретя мудрость, посидеть в один миг от ужаса и этой самой мудрости не хотелось.

– Я не случайно доверил вам мою внучку, – видя отражавшиеся на моем лице колебания, вновь заговорил старик, – я надеюсь на ее и ваше благоразумие, целомудрие и благочестие. Она – искренняя, чистая девочка с небесно-голубыми глазами. Она сейчас может стать для вас вашим небом и вашей Вселенной, вашей Хавой, если ваш союз состоится. А может и не стать, если, грубо говоря, вы не станете собирать пазлики своей судьбы, не станете тыкать вилку в розетку.

– А что вы хотите прочитать в книге вашей судьбы, – спросил я, покраснев, – что там должно быть написано о нас с Катей?

– Почему в книге моей судьбы должно быть написано о Кате? – не понял старик.

– Потому что Катя – ваша внучка. Разве не ради ее счастья вы затеяли этот разговор? Разве не ради нее вы занимаетесь репетиторством, пишете за студентов рефераты и курсовые? Все ради ее благополучия.

– Да, Катя – мой самый родной и близкий человек. Плоть от плоти моей и кровь от крови. Она – то истинно ценное, ради чего я живу и тружусь. Но в то же время она – независимый человек со своей судьбой. Единственное, что я знаю наверняка: рано или поздно найдется мужчина, которого она полюбит и в котором разочаруется. А дальше она понесет на своих плечах ворох обиденности.

– А книга? – спросил я. – Зачем вам тогда нужна книга?

– Чтобы природу вещей узнать и ради чего все это было. Когда наступает третья часть человеческого бытия, когда ты прожил долгую жизнь и уверился в ее бессмысленности, очень важно понять, зачем все это нужно. Зачем все эти страдания и глубокие переживания? И главное – есть ли во всем этом великий замысел, а значит, и великий Творец?.. – понизил голос старик, чтобы нас не было слышно из-за двери. – Может быть, тогда мне будет не так страшно умирать...

– А сами вы не боитесь разочароваться?

– Мне уже не в чем разочаровываться. Во всем, в чем можно было, я уже разочаровался. Я даже заранее разочаровался в судьбе своей внучки и не питаю никаких иллюзий. Единственное, чего я желаю, это чтобы мужчина, который ей достанется, был по-настоящему достоин ее чистоты, а не оказался последним подлецом и мерзавцем. Возможно, этот достойный человек – вы.

– Хорошо, – наконец решился я, потому что старик растрогал меня до слез, – я отдам вам книгу. Но у меня есть одна просьба. Я хотел бы иметь возможность пользоваться вашей библиотекой.

– Без проблем, я же сам это предложил.

– Мне надо подготовиться к экзаменам и написать хорошую работу.

29

Катя вернулась, а я, распрощавшись, вышел в коридор с чувством, что этот хитрый лис со своим даром убеждения провел-таки меня и заполучил книгу. Так меня заворожила мысль о существовании только одного человека, прообраза всех людей, и только одной Книги судьбы – прообраза всех книг и всех судеб.

Я так увлекся этой идеей, что повернул не там, где нужно, и в итоге заблудился. Эта больница напоминала гигантский лабиринт из песчаных блоков, в котором мог затеряться и сгинуть не только больной, но и здоровый человек. Такой же лабиринт построил один древний царь, чтобы погубить своего соседа, осмелившегося посвататься к его дочери и желавшего после его смерти по праву наследования завладеть еще одним царством. Что называется, захотел руку и сердце и полцарства в придачу. Но тот, не доверяющий людям, жестокий царь сам погиб в созданном Аллахом великом лабиринте пустыни, без стен, но с гигантскими песчаными часами.

Увлечшись своими мыслями, я ошибся лестницей, спустившись по которой и открыв дверь, оказался вдруг не в жаркой пустыне, а в холодильной камере, где вдоль стен располагались многочисленные ячейки. Ошарашенный, я с интересом осматривал огромный депозитарий, когда меня неожиданно толкнули в спину и попросили посторониться два inferнальных медбрата. Они везли на каталке очередной труп, накрытый простыней, который тут же принялись задвигать в одну из ячеек.

«Нехороший знак судьбы!» – подумал я, поспешно закрывая за собой дверь. Дорогу я спросил все у тех же санитаров, которые сами показались мне отмороженными и совершенно безразличными к своей работе.

На улице же, наоборот, было по-майски светло и свежо, тепло и душевно. Выйдя из больницы, я пешком направился в университет, который находился совсем недалеко, в этом же районе. Я шел в приподнятом настроении, несмотря на то, что был не готов к экзамену по философии культуры. Я не особенно спешил, так как был уверен, что приду как раз к концу экзамена, то есть к заходу последней группы. Я никогда не ходил сдавать экзамен в первых рядах, потому что любил поспать. К тому же первыми сдавали уверенные в своих силах отличники, и на их фоне я мог выглядеть не лучшим образом. А вот лентяи и халтурщики шли последними, потому что надеялись на усталость преподавателя и еще на то, что им в последний момент удастся хоть что-нибудь выучить, – на их фоне я мог блеснуть даже без подготовки.

Каково же было мое удивление, когда я, подойдя прогулочным шагом к дверям аудитории, увидел, что возле нее уже никто не толпится. Я рванул за ручку и очутился внутри пустого зала, где в одиночестве сидел Альберт Самуилович.

– Вы такой-то? – профессор назвал мою фамилию, нервно взглянув на часы.

– Да, – признался я.

– Почему опаздываете? – раздраженно спросил экзаменатор.

– Был у деда в больнице, у него удар, – я вроде бы и не соврал.

– В какой больнице, в каком отделении? – грозно прищурился профессор, видимо, желая меня подловить на вранье.

Вообще, об этом преподавателе шла дурная слава, что он нещадно режет на экзаменах добрую половину курса, особенно жестоко терзая симпатичных и успешных студентов обоего пола, и сдать ему удается хорошо если с третьего раза. А еще все прекрасно знали, что профессор Альберт Самуилович – одна из последних и серьезнейших преград на пути к аспирантуре.

– Ладно, – недовольно буркнул профессор, когда я без запинки назвал и больницу, и отделение, и даже номер палаты, – давайте вашу зачетку и берите билет.

Я вытащил последний билет из стопки, оказавшийся, как назло, как раз на ту тему, про которую я не успел прочитать, занимаясь в библиотеке. Мне не хватило буквально дня.

– Что такое? – профессор ехидно посмотрел сначала на мое растерянное лицо, а потом на часы. – Что случилось?

– Да нет, ничего, вопрос как вопрос, о постмодернизме как альтернативе модернизма.

– Зачем вы мне зачитываете вопрос?! Он мне отлично известен, ибо все билеты писал я сам, – раздраженно сказал преподаватель. – Или вы уже готовы отвечать?

И тут, понимая, что с этим злыднем у меня все равно нет никаких шансов, я – была не была – сказал, что готов и буду отвечать сразу.

– Вот как? – удивленно воззрился он на меня. – Без подготовки?

– Да, – кивнул я, подумав мельком: «А что мне терять?»

– Любопытно, любопытно, – профессор закинул ногу на ногу и приготовился слушать, – но учтите, я не ваш дедушка, в существование которого я так и не поверил, и от меня поблажек не будет.

30

И тут, при этом небрежном упоминании о дедушке, меня осенило, и я почти слово в слово стал повторять то, что услышал от деда Кати сегодня утром... Я разделил всю историю человечества на три части. Первая – доисторическая эпоха, в которой все метафизические смыслы бытия (такие, как Бог) были за пределами времени и пространства. Точнее, в определенном мифическом времени и пространстве, мол, есть пространство профанное и сакральное. Так же и время – есть сакральное и профанное.

Но в период так называемого венца истории – модерна – происходила десакрализация и растворение всех мифов. Со времен великих научных и географических открытий, с появления геополитической концепции и историсофской теории человечество обрело пространство и время. Человечество получило свою историю, свои цели и свой вектор развития. Но в результате десакрализации модернизм зашел в тупик абсолютного нигилизма. Постмодернизм же – попытка увязать высокие доисторические смыслы и время человеческой истории. Если вкратце – то примерно так я высказался.

– Интересно, интересно, – поправил очки профессор, – а почему вы говорите, что модернизм растворил все мифы и смыслы? А такие понятия, как «гуманизм», «свобода», «гражданские права», «общество», «нация», «государство», – разве это не великие идеи?

– Но все эти понятия оказались ложными, и они уже не приносят удовлетворения современному человеку, – я пытался отстаивать заявленную позицию, чувствуя большое давление со стороны Альберта Самуиловича.

Больше всего я боялся, что, отвечая под давлением и по наитию, я несу полную чушь, что, выкарабкиваясь из-под пресса своего визави и держась за тоненькую нить мысли, я собьюсь, запутаюсь, заблужусь в собственных рассуждениях.

– Как это «ложными»? Поясните, пожалуйста, – продолжал оказывать давление профессор, пышные брови которого в этот момент напомнили мне своды лабиринта, а заматавшиеся от ярости зрачки – самого Минотавра.

– Большому и старому человеку не до политических игр в выборы. Ему нет никакого дела до партий и представительств, – вспомнил я санитаров из подвала-морга, кладущих мертвые тела в ячейки холодильной камеры, словно кидающих бюллетени в избирательную корзину. – Ему главное знать, что будет после смерти, ибо смерть – единственное и самое важное событие в его жизни. И ему не хочется, чтобы его в этом вопросе и в том верхнем мире кто-то, кроме него самого, представлял. Он не желает, чтобы кто-то другой, а не он, присутствовал там, – указал я пальцем на небо, – после его смерти. И он не хочет делегировать свою жизнь во благо какого-то мифического всечеловеческого проекта конца истории и всеобщего счастья.

– Неужели? – с недоверием хмыкнул профессор.

– А ваш великий проект как раз и замалчивал основную проблему человека, считая что человечество путем своего исторического развития преодолет смерть. Модернизм отверг Бога, отверг Книгу книг, Коран, и попытался с помощью науки и знаний поставить человека на место Всевышнего, – я опять почти точь-в-точь повторял мысль Константина Анисимовича. – Но как нет Бога без свободы выбора, так и нет свободы выбора без Бога.

– Да как вы смеее так говорить? – аж подскочил со стула экзаменатор. – Модернизм – самый великий проект. В эпоху модернизма смерть была, конечно, но было

и нечто над смертью. Эрос, который стоял над Танатосом и тянул человечество вверх к высотам духа. А ваш постмодернизм – надрыв! Отказ от креста и признание слабости и никчемности человека, а заодно никчемности и бессмысленности всего бытия!

Альберт Самуилович нервно заходил по аудитории, а я подумал: «О! Значит, мой спич не на шутку зацепил старика, и я могу на что-то рассчитывать на сегодняшнем экзамене».

– Слабому человеку выгодно для оправдания своих слабостей видеть и изображать мир вокруг себя таким же бессмысленным и беспомощным, – закончил профессор мысль.

– А разве старые люди не слабы? – тихо, боясь разозлить профессора, спросил я.

– И что? – как будто остывая, спросил он.

– А то, что Европа с ее проектом модернизма выдохлась, надорвалась и с годами превратилась в еще более Старый Свет, который обхаживают молодые горячие головы с новыми идеями, наполняя ее старческие годы последним смыслом – простой безответной человеческой любовью.

31

Тут я, кажется, перестарался, потому что после этих слов со стариком-профессором случилась обыкновенная истерика. Он, брызжа слюной и размахивая руками, превратился в настоящий гейзер эмоций. Он просто фонтанировал словами и смыслами, доказывая мне, что постмодернизм не несет в себе ничего, кроме разрушения. Что в нем нет времени и личности, нет подлинности бытия и чувств, а мы должны обязательно к ним вернуться в великую человеческую историю преодоления, чтобы их обрести. И что против модернизма не случайно выступают рудименты истории, архаика в виде готики и романтизма, которые, объединившись с поднявшим голову фундаментальным исламом, угрожают старушке Европе. А этого, по мнению Альберта Самуиловича, надо сильно опасаться. И ни в коем случае не приветствовать.

«Правильно, – думал я, – какие у старика чувства, кроме чувства абсолютной любви к мелочам жизни, то есть к малейшим проявлениям по-настоящему подлинного и не имеющего никакого отношения к великим проектам и планам по покорению всего и вся, а именно – к прогулкам, разговорам с соседкой, звонку внука. Геронтология – особая наука». Но вслух я этого не произнес.

Да профессор уж и не мог меня слушать. Он орал как недорезанный, взбешенный тем, что я, не следуя его лекциям, раскритиковал любимый им модернизм. Тут у меня мелькнула наконец трезвая мысль, что про Европу и безответную любовь я, пожалуй, действительно переборщил. Ибо как-никак Альберт Самуилович был убежденным модернистом и в лекциях ничего подобного не говорил, а значит, положительной оценки за экзамен мне вовек не видать.

Мысль эта тут же и подтвердилась, когда профессор, все еще кипит от негодования, нервно схватил зачетку и что-то накарябал в ней. «Двойка!» И никакого шанса на переквалификацию! – в отчаянии подумал я, забыв от волнения, что «двойки» в зачетку не ставятся. Я даже не стал смотреть в гневно протянутую мне книжку. С плохим настроением – пиши пропало – я вышел из аудитории. Теперь мне придется готовиться все лето, а осенью идти на пересдачу с комиссией, где Альберт Самуилович приложит

все усилия, чтобы меня завалить. Да с комиссией я и сам могу растеряться и вылететь из института. Но даже если не вылетю, с плохой оценкой в зачетке об аспирантуре и научной карьере нечего и мечтать.

И опять у меня возникло такое чувство, что все это со мной уже было. И вообще, все, что в последнее время со мной происходит – и сегодняшний день в том числе, – это какой-то повтор в повторе. Ремикс-римейк.

Расстроенный этим ощущением, я спустился вниз. В коридоре я нос к носу столкнулся с методисткой-лаборанткой, с которой кисло поздоровался, сообщив, что схлопотал «пару». Затем я вышел на улицу и поплелся к остановке. Меня утешала мысль, что уже через несколько часов я встречу с Катей в вечерне-интимной обстановке, у нее дома. А значит, я еще должен был успеть забежать к себе, принять душ, переодеться в чистое и поесть. Но почему-то возле дверей библиотеки, находившейся как раз на пути к остановке, я свернул и вошел в просторный холл. Более того, показав читательский билет уставившемуся на меня менту, я спустился в подвал, в картотеку и встал у ящичков. Зачем я это сделал, я понять не мог. Просто какая-то сила заставила меня зайти и проведать, как там обстановка.

32

Мол, вот и я, преступник. Хватайте, накажите меня, если сможете. Я просто подставлял себя под подозрение, бросая очередной вызов. Впрочем, мое появления внешне осталось незамеченным. Охранник по-прежнему разгадывал кроссворд, а библиотекари занимались разноской книг.

Говорят, преступника тянет на место преступления. Но почему? Может, потому что он не может поверить в то, что совершил? Что это произошло именно с ними? Потому ли, что они хотят вновь пережить необычные эмоции или, наоборот, избавиться от страхов и сомнений, преследующих их?

Думаю, причина здесь в другом. Преступнику необходимо почувствовать свою важность, ощутить, что он лично не объект, а субъект истории. Так же и я не хотел быть пешкой в чужой истории, а хотел быть значимой фигурой. А возможно, все дело было в том, что, расставшись с книгой, я чувствовал себя обделенным.

И вот я тупо стоял возле ящичков, которые мне напомнили ячейки с трупами в морге больницы. Столько в этой библиотеке книг давно умерших классиков! Блейк, Шекспир, Ясперс – кто они, как не трупы, завернутые в бумажный саван, как не урны с прахом букв, расставленные по своим местам?! Что толку во всей этой писанине? Что изменилось в жизни человека в результате их работы? Поистине, существуют только один человек и только одна книга. А все остальное – тлен и прах.

Я поднялся из картотеки на этаж читальных залов и пошел мимо аудиторий, как ходил уже два дня назад. Но на этот раз у меня под кофтой вместо Книги книг была пустота. Я шел так, ведя пальцами по шершавой отштукатуренной стене, пока из аудитории наперерез мне не выскочил мой товарищ Антон.

Может быть, то, что мы столкнулись нос к носу так неожиданно, и что моя рука была уже оттопырена, а его на защитном рефлексе пошла вперед, мы поздоровались с ним.

– Как дела? – спросил я его, не отпуская руки. Чтобы наше спонтанное перемирие так же спонтанно не прервалось.

– Завалил экзамен! – отмахнулся Антон. – А ты почему не пришел?

– Я с Катей встречался с утра, – отвечал я, вроде бы не соврав, но и не сказав полной правды, – да и вчера мы весь вечер общались.

Я видел, как он расстроился и изменился в лице. Я знал, что он щепетил и обидчив. И он не простит Кате, что она пренебрегла им ради меня. А еще я видел, что впервые в жизни он завидует мне.

– Повезло тебе, – подавив всплеск неприятных эмоций, спокойно сказал Антон. – Правильно сделал, что не пришел. Профи сегодня не в духе был и зверствовал, полгруппы завалил.

– Не знаю, не знаю, – пожал я плечами, – кстати, ты еще не передумал насчет книг?

– Мне сейчас не до индонезийского. Вот думаю, как бы переэкзаменовку сдать.

– Могу помочь с книгами, – сказал я. – Ты же знаешь, какая у Катиного деда библиотека. Да и дед с нами позаниматься может, если ты, конечно, не станешь мутить с Катей.

– Да не собираюсь я с ней мутить, – огрызнулся уязвленный Антон, – не очень-то и хотелось.

– Ладно. Она меня сегодня в гости ждет. Постараюсь договориться насчет занятий.

33

Антоха, конечно, лукавил насчет встреч с Катей. Кто откажется от встреч с такой девушкой? – поймал я себя на мысли, когда Катя открыла дверь и впустила меня в квартиру. Даже сейчас, когда на ней из-за трагедии с дедом не было лица, она выглядела обворожительно.

– Как Константин Анисимович? – спросил я, проходя на кухню.

– Плохо, – отвечала она, – я ходила в больницу после лекций. И врачи сказали, что он переведен в реанимацию. Теперь мы с ним даже не можем видеться.

– Он тебе очень дорог?

– Дед меня воспитал и дал мне все, что я знаю и умею. Он – единственный, кому я доверяла и с кем чувствовала себя тепло и естественно. Родители погибли в автокатастрофе, когда мне было семь лет.

Она говорила очень трогательные вещи, а я вдруг понял, – это было как озарение, – что дед не выживет. Он хотел узнать суть всех вещей, а это возможно только после смерти. При жизни это никому не дано. Таковы законы.

– А что он тебе сказал? – спросила Катя после паузы.

– Сказал, чтобы я присматривал за тобой. Что он доверяет мне тебя, – я говорил, понимая, какое сильное впечатление в этой ситуации должны произвести мои слова на бедную девушку.

– Ты шутишь? – посмотрела она на меня вопросительно. – Неудачная шутка.

– Я вполне серьезно, – отвечал я, еле сдерживая улыбку. – Ты же не осмелишься не выполнить волю своего дедушки...

Я вовремя осекся и не сказал «последнюю». А чтобы сгладить двусмысленность, звонко рассмеялся.

– Посмотрим, – она отвечала сухо, а порой растерянно, но всегда односложными предложениями. Я ее не винил, все-таки к ним в дверь постучалось горе.

– А что тут смотреть? – спросил я. – Или я тебе не глянулся, говори честно. Ты можешь быть со мной откровенна, я все пойму и приму как есть, Катя.

– Глянулся, глянулся, – сдержанно улыбнулась она, – но давай лучше чай пить.

Мы сели пить чай с яблочным вареньем.

– Сама делала? – я внимательно глядел на Катю.

– Да, – кивнула она.

– Очень вкусно.

– Как экзамен сдал? – спросила она, потому что как хозяйка считала, что должна развлекать гостя.

– Нормально.

– Нормально – это на «три»? – было видно, как тяжело ей дается разговор.

– Нет, «пару» схлопотал. Зря, наверное, я взбесил профессора. Но что-то мы все обо мне, да обо мне. Не слишком ли много чести?

– Так ты, значит, двоечник! – еще тише сказала Катя, не давая мне соскочить с темы.

– Вообще-то, нет, – теперь я погрузился в свои мысли и плохо поддерживал разговор.

– Дай зачетку посмотреть, – она увидела бордовую корку, торчащую у меня из нагрудного кармана.

Девушка долго и внимательно листала страницы, пока не дошла до последней.

– Зачем ты меня обманул? – вернула она зачетку. – Ты всегда обманываешь?!

– В чем я тебя обманул? – не понял я претензий Кати.

– В том, что сказал про сегодняшний экзамен.

Я открыл зачетку и увидел в последней строке, напротив философии культуры, жирную «пятерку», а в скобках за оценкой прочел: «За быстроту и оригинальность мышления».

Профессор Альберт Самуилович и раньше меня удивлял, но здесь он превзошел самого себя. Вот так написать в официальном документе комментарий к оценке! Наверняка за это получит по шеям от руководства.

Но сказать, что я сильно переживал за профессора, было бы неправдой. Гораздо больше я радовался неожиданно удачному исходу экзамена. Особенно яркой бывает радость после того, как уже пропала всякая надежда, и вдруг – вот оно, чудо!

На радостях я весьма эмоционально рассказал Кате, как прошел сегодняшний экзамен, и как мне помог разговор с дедом. С моим рассказом чаепитие пошло веселее.

34

После чая мы с Катей прошли в комнату искать нужные книги. Взяв выбранные на кануне карточки из картотеки, Катя залезла на стремянку под самый потолок искать необходимые экземпляры.

А я стоял в узком проходе у ее прекрасных длинных ног. Свет из незашторенного окна прорезал коридор. Белая летняя юбка в лучах заходящего солнца просвечивала, и я с наслаждением думал, что о таком миге я мечтал всю жизнь. Вот он, рай на земле. Ибо что может быть лучше, чем чувствовать себя молодым и красивым, полным сил, планов и надежд. Что может быть слаще и приятнее, чем находиться наедине с умной красивой девушкой в большой, заставленной книгами, фарфором, статуэтками китайских божков-бесов и прочим антиквариатом квартире.

Стеллажи с книгами – Диккенс, Замятин, Еврипид, – как регулярный сад, возделанный искусным садоводом. Полки сделаны из яблони, а книги – не что иное, как плоды

культуры человеководства. И вот сейчас Катя возьмет с одной полки ветвистого древа познания плод и протянет мне. Как было бы хорошо, если бы этот миг продолжался вечно! И чтобы во всем мире не было никого, кроме меня и Кати в этой пронизанной радостью и светом комнате. А ведь это вполне может случиться, если дед умрет, а я женюсь на единственной его наследнице, и все это добро вместе с квартирой перейдет в мои руки. Поистине, в мире есть только Адам и Ева, и вечная история их любви и падения. А все остальное – книги, полки – все из дерева, и все под дерево уйдет.

– Саша, ты меня слышишь? – вывела меня Катя из мира моих желаний и фантазий. – Я говорю, телефон звонит, возьми, пожалуйста, трубку.

– А где он?

– В коридоре! Ну, скорее же, возьми трубку, – прижав руки к груди, попросила она с высоты.

Выйдя в коридор, я пошел за уползающим вдоль плинтуса проводом, пока не обнаружил свернувшуюся калачиком змею и не схватил эту змею за раздувающуюся, словно капюшон, трубку

– Алло, – зашипела трубка, – это квартира Константина Анисимовича?

– Да! – зажав пасть змеи рукой, чтобы обезопасить Катю, подтвердил я.

– Простите, а кем вы приходитеесь...

– Зятем, – тихо отвечал я, уже зная, что услышу в следующий момент, и понимая всю важность минуты. Ибо смерть человека в нашей культуре – самое главное и единственное событие.

– Мы вынуждены вам сообщить, – продолжала шипеть трубка безразличным голосом, – что, к сожалению, ваш тесть умер...

Кто-то на том конце говорил привычные ему слова. А я представлял, что со мной общаются бесчувственные санитары...

– Выражаем свои соболезнования.

И все, больше ни слова.

35

– Кто там? – спросила Катя, когда я вошел в комнату.

Я посмотрел снизу на ее хрупкие изящные ноги. Тонкие щиколотки, нежные икры и мягкие бедра.

Она были в нескольких сантиметрах от меня. Выдержит ли она такой удар-стресс или как подкошенная, как созревший плод на тонкой веточке упадет ко мне в руки?

Что мне делать? Сообщить ей немедленно? А может, вообще скрыть от нее факт смерти единственного близкого для нее человека? Но разве это возможно?

Я вдруг понял, что теперь эта хрупкая девушка полностью в моей власти. Что теперь она, отколовшись от семейного древа, осталась совершенно одна. А одна она не выдержит, не справится. Пропадет в диких джунглях буйной жизни, где каждый сам за себя. Ее сожрут червяки похоти и разложения, задушат удавы обстоятельств.

А я ей помогу. Во-первых, помогу устроить похороны. Возьму все хлопоты на себя, ибо ее хрупкие плечи и руки созданы не для этого. Чего стоит только получение тела в морге больницы! Думаю, за мою помощь она будет мне безгранично благодарна. Я ведь ей нравлюсь. Нравлюсь, конечно, меньше, чем мой друг Антон, но все-таки –

нравлюсь. Главное, в этот сложный момент низвержения из рая быть рядом. А потом она привыкнет и больше не сможет без меня. Как говорится, стерпится – слюбится. К тому же, ее бабушка практически благословил нас.

– Ну, так кто там? – Катя смотрела на меня с нескрываемой тревогой. Казалось, еще секунда – и она заплачет от нервного напряжения.

– Кажется, ошиблись номером, – ответил я, а сам подумал: «Интересно, а на небе ошибаются номером?» Мол, когда решают, что человеку пора на другой свет, ангел подлетает и говорит: «Номер 23 – на выход», – или открывает картотеку и достает личную карточку, чтобы передать того, кого нужно, ангелу смерти Азраилу? Или просто набирает код доступа и нажимает «удалить» или «выключить» – если у них там все компьютеризировано? И вдруг понимает, что ошибся номером или файлом?

– Фу, – с облегчением выдохнула Катя, – разве можно так томить и заставлять нервничать?

– Кстати, вот твоя книга, – протянула она мне, слезая со стремянки, словарь урду.

Я принял из рук Кати тяжеленный плод познания, а сам горько подумал, что моя книга со смертью Константина Анисимовича, должно быть, пошла по рукам из палаты в палату. Теперь ее наверняка не найти – замылят.

– Если честно, – потупясь, произнес я, – эту книгу, собственно, я не для себя просил, а для своего друга Антона. Можно, я ему сейчас позвоню и сообщу радостную новость?

– Конечно, – кивнула Катя.

И я тут же позвонил Тохе и попросил его срочно приехать – поддержать Катю в трудную минуту.

Не знаю, почему я так поступил. Просто в какой-то момент понял, что все происходящее сегодня не шутка, а очень серьезно. И что нельзя совершать грехопадение несмотря на то, что религия – атавизм, мешающий великому проекту модерна и обновления человечества через знания. К тому же, нельзя препятствовать тем симпатиям, что зарождаются на небесах. А еще я понял, что не хочу жить по прописям. Хочу выйти за рамки Книги книг и найти себя. Ибо только свободный может обрести свою судьбу.

А главное, из всего случившегося я вынес, что каждый должен тянуться к тому чистому и светлому, что еще в нем есть. Вот такой постмодернизм мыслей и мотиваций, повлиявший на мое решение, был в тот момент в моей голове.

МОХСИН ХАМИД ПРЕДПРИНИМАЕТ ПОПЫТКУ Галина Хизриева

Рецензия на книгу: *Mohsin Hamid. The Reluctant Fundamentalist*. London: Penguin Books, 2007. 209 p.

Мохсин Хамид – модный американский автор, живет и работает в США, в Нью-Йорке. Он молод. Он талантлив. Он называет себя мусульманским писателем. В своем блоге он как-то с грустью описал свою поездку в американскую глубинку. Там он встретил старика, у которого был книжный магазин. Тот узнал его, похвастал тем, что заказал его книгу и печально спросил его с искренней озабоченностью: «Так скажите же мне, сэр, за что они нас так ненавидят?» Мохсин Хамид пишет, что он снова испытал смутение и грусть, как и тогда, когда он писал свою книгу. Как рассказать пожилому человеку, который ничего не знает о политике своего правительства, что уже немало лет руководство его страны делает все возможное и невозможное для того, чтобы гуманистические идеалы его прошлой жизни ушли вместе с ним в могилу и никогда не вернулись. Как рассказать ему, что этому правительству нужна нефть и мировое господство. Как рассказать этому человеку, что мир лишился идеалов и проклял свободу только потому, что руководители его страны предали и то и другое, грубо навязывая свой образ жизни другим людям.

«Я с детства жил в Америке, но я пакистанец, поэтому я немного “они” и немного “мы” для американцев», – пишет он.

«Фундаменталист поневоле» – это его вторая книга. Книга о переживаниях, каждый раз охватывавших молодого человека, когда внешние обстоятельства испытывали его внутренний мир на прочность. Каковы были эти внешние обстоятельства, и что это за внутренний мир, и чего стоит сопротивление индивидуума происходящим в мире катаклизмам, и что первично – воля или свобода этой воли, и может ли воля человека влиять на мировые процессы – вот об этом книга бывшего студента Принстонского университета. В книге немало автобиографичного. По крайней мере с жизнью его семьи события книги связаны тесно. Его отец начал учиться в Стэнфорде, когда Мохсину было три года. Но с Пакистаном жизнь семьи была нерасторжима. Она была неотделима от мусульманского мира, и все неровное течение американской политической жизни в отношении исламских стран проходило по мусульманским семьям США.

Книга наполнена бесконечной чередой реалий американской и пакистанской жизни, но написана она не ради них. Она – о блуждающей по миру душе, которая замечает детали, но не «фиксируется на главном» – собственной миссии в мире, которая передает-

ся, быть может, с ДНК или с генетическим кодом культуры, бытом и жизнью, в которых одни и те же обстоятельства приводят к разным последствиям, поскольку разные культуры «детализируют» жизнь по-разному, по-иному. В целом вопрос как раз и состоит в том, как не погрязнуть в деталях, не цепляться за частности, а познав в себе суть (а в чем она?), сделать ее базой взаимоотношений с миром на основе понимания и сочувствия.

Неслучаен выбор имени главного героя. Его зовут Чингиз. Судя по всему, в честь великого Чингиз-хана. За честь быть его культурными наследниками спорят многие народы мира: современные китайцы, монголы, буряты, татары, башкиры, народы Алтая, уйгуры, народы Пакистана, Индии... Их миллионы – наследников Чингиз-хана, утративших величие своего великолепного предка, но не смирившихся с этим. И вот, не беря за основу эти монументальные претензии, а всего лишь отталкиваясь от хрупких деталей нового мира, новый его завоеватель – Чингиз-студент – задает себе вполне глобальные вопросы. В них бьется морально-этический нерв:

Как не дать исчезнуть из жизни ценностям мусульманского мира и как примирить их с достижениями западного индивидуализма? Как из прагматизма западного мира извлечь его гуманистическую парадигму? Как освоить новый мир, не разрушив старого прочного основания, на котором зиждется этика взаимодействия своего личного внутреннего мира с «иными» личными мирами? Как примирить все это с простыми законами гостеприимства, уважения к женщине и ее роли в жизни мужчины, с трогательным и осторожным отношением к хрупкости мира старика и ребенка, к безусловности семейной солидарности? Как соединить интересы клана с интересами профессии и самовыражения? Как не растерять искренности чувств – любви и дружбы – и не растратить их на случайные объекты? Как, позволяя учить себя и сохраняя благодарность учителям, остаться собой, а лучше сказать – как устроить самого себя и мир, собрав все это из миллиона деталей и подробностей – исторических, эпохальных, мистических и бытовых?

Так мы выходим на вопросы фундаментализма, поблуждав по лабиринту привязанностей героя к нежным и ничего не значащим ни для кого в этом прагматическом мире деталям: романтическому путешествию с девушкой по имени Эрика (легко прочитывается – Америка), легкому ветерку в духоте восточной базарной площади, запаху свежего чая, знакомому с детства вкусу джалеби, понимающей улыбке прохожего, ободряющему слову, сказанному кем-то просто так, потому что человек так устроен – он любит любить все необычное, новое, иное. Примерно из таких составляющих, по мнению автора, как можно понять, и состоит фундамент человеческой жизни. Иными словами, мы все по сути своей фундаменталисты – фундаменталисты поневоле. Мы бы хотели жить легче, но жизнь нам этого не обещает. И никогда никому не обещала со времен Чингиз-хана. Жизнь найдет способ заставить нас потрудиться, поискать фундамент, на который можно установить монумент нашей эпохи. И не факт, что этим фундаментом не может быть любовь. А это значит, что, невзирая на детали, на разукрашенные фасады, на неугомонный шум политического восточного базара, на плотную дымовую завесу взрывов, конфликтов и войн., некто заставит нас разглядеть то главное, что способно объединить людей в этом сложном мире. Может быть, это будет вера? А может быть, и еще что-то? Механизм пока не известен. Мохсин Хамид предпринял свою попытку отыскать его. Его герой попробовал не бояться любить, сочувствовать, понимать – и выиграл.

ФУНДАМЕНТАЛИСТ ПОНЕВОЛЕ

Отрывки из романа

Мохсин Хамид

Простите, сэр, могу я вам чем-нибудь помочь, похоже, я потревожил вас. Не пугайтесь. Даже более того. Вы будто на что-то *нацелились*, а поскольку я местный в этом городе и говорю на вашем языке, то я подумал, что могу вам предложить свою помощь.

Как я узнал, что вы американец? Нет, не по цвету вашей кожи, у нас здесь столько разных типов и вы точь-в-точь похожи на жителя северо-западного пограничья¹. Вас выдает не одежда, нет-нет, любой европейский турист может купить такой костюм в Дес Мойнс² и такую рубашку с кнопками. Правда, ваши волосы – коротко щипанные и ваша грудная клетка – грудь человека, я бы сказал, гордо выгнутая и выдающаяся вперед, типичная для определенного типа американских мужчин, но опять же – все спортсмены и солдаты любой национальности выглядят приблизительно так же. Нет, скорее, это ваша манера *нести* себя – вот то, что позволило мне понять, откуда вы; ничего оскорбительного, не хмурьтесь, это просто наблюдение.

Скажите мне все же, что вы ищете? Ну, конечно, в такой час единственное, что могло привести вас в район Старого базара Анаркали³ (вы, конечно, знаете, что он назван так в честь куртизанки, замурованной в стену из-за страсти принца), это желание выпить хорошую чашку чая. Я угадал? Ну, тогда позвольте мне, сэр, предложить вам мое

¹ Возможно, имеется в виду пакистано-индийская пограничная область, где располагается контрольно-пропускной пункт, работающий ежедневно с 9.00 до 15.00 для прохода только иностранных граждан. Находится в 30 км от столицы Пенджаба – Лахора – и удобен для путешествия в Индию наземным маршрутом.

² Американская сеть гостиниц и магазинов.

³ Стрый Базар и Анаркали – историческая часть города Лахор (Пакистан). Лахор – древняя столица провинции Пенджаб. Его название переводится как «Королева городов», «Золотое кольцо», «Алмаз». Население, – по некоторым оценкам, более 7 млн человек. В Лахоре, который многими рассматривается как средоточие интеллектуальной и культурной жизни страны, находится старейший Пенджабский университет, основанный в 1882 г. Старый город представляет собой классический образ Востока. Узенькие улочки, рикши, пони, везущие повозки, и женщины в парандже. Воспоминание о древнейшем прошлом города – остатки подземного храма в северной части Королевского Форты, который приписывают Рамае, легендарному герою Рамааяны. Лежащий на главных торговых и военных маршрутах в Южную Азию, город неоднократно менял хозяев, Лахором управляли многие династии. Лахор – это центр древней могольской культуры. Здесь, как нигде, на каждом шагу всяческие древности, могилы, мавзолеи и большое количество мечетей. В Анаркали есть исторические памятники, в частности могилы императора Катбаддина Эйбака, который умер, затоптанный лошастью при игре в поло, и генерала Малика Эйяз Махмада Газнави. Большинство достопримечательностей относится к наследию империи Великих Моголов, когда Лахор был резиденцией ее правителей, где они и короновались. Лахор расположен на 213 м выше уровня моря. Температура здесь опускается до –10° С зимой, но летом может взлететь до +40° С и больше. Наилучшее время, чтобы посетить город, – сразу после периода муссонов, когда погода прохладна и приятна. Базар Анаркали является самым очаровательным из многих базаров города. Переулки этого базара полны туристами и местными жителями. Здесь продаются предметы традиционных народных промыслов – изделия из кожи, вышитые браслеты и предметы одежды, золотые и серебряные украшения, кашемир, пашмин, шелк. Старый базар назван по имени известной куртизанки короля Акбара. С названием этим связана романтическая история любви принца Салима, сына Акбара, и красавицы Анаркали, красота которой была подобна красоте распустившегося цветка граната, за что она и получила свое имя, в переводе означающее «Цвет граната». Король был недоволен связью принца с танцовщицей и казнил ее, замуровав в стену. По этому сюжету в Индии был снят фильм.

любимое из всех этих многочисленных заведений. Да вот оно. Кресла здесь из необработанного металла, деревянные столы тоже грубые, и место это, как и все остальные – под открытым небом, но чай здесь, уверяю вас, потрясающий.

Вы предпочитаете вот то место, спиной поближе к стене? Очень хорошо, хотя тогда до вас не будет долетать легкий ветерок, который, когда он дует, делает этот жаркий полдень таким приятным. Может быть, вам снять пиджак? Слишком формально! А ведь это нетипично для американцев, по крайней мере по моему опыту. А он у меня значительный: я провел четыре с половиной года в вашей стране. Где? Я работал в Нью-Йорке, а до этого учился в колледже в Нью-Джерси. Да, вы правы: это был Принстон!¹ Вы догадливы, должен вам сказать.

Что я думаю о Принстоне? Знаете, чтобы ответить на этот вопрос, нужно будет рассказать целую историю. Когда я только приехал, я увидел вокруг себя здания в готическом стиле – более новые, как я выяснил позже, чем даже мечети в этом городе, но нарочно окисленные, с гениально уложенной каменной кладкой под старину, то подумал – мечты сбываются! Принстон подарил мне чувство, что жизнь моя – это кино, в котором я играю главную роль и где все возможно. *«У меня есть доступ в этот прекрасный кампус², – думал я, – к профессорам, которые суть титаны мысли каждый в своей области, к сокурсникам – этим будущим королям философской мысли».*

Я, надо заметить, был чересчур щедр в моих первоначальных оценках относительно стандарта качества студенческого корпуса. Почти все они были умны, многие блистали умом, а нас, пакистанцев, было только двое на первом курсе – всего два человека из ста миллионов душ, заметьте, так вот эти американцы не прошли таких испытаний на пути отбора, как мы. Тысяча ваших соотечественников была зачислена, это в пятьсот раз больше, даже с учетом того, что население вашей страны лишь в два раза больше моей. В результате получилось так, что неамериканцы в среднем управлялись с учебой лучше, чем американцы, а что до меня, то я дошел до старшего курса, не получив в процессе учебы ни единой оценки ниже «отлично».

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю мощь этой системы – прагматичной и эффективной, как и многое в Америке. Мы, иностранные студенты, были собраны со всего земного шара, пропущены не только через мелкое сито стандартных тестов, но через многочисленные труднопереносимые оценочные испытания – собеседования, эссе, рекомендации – пока не были выявлены лучшие и наиболее яркие из нас. Я получил сначала высшие баллы на экзаменах в Пакистане и был, кроме того, неплохим игроком в американский футбол – мог бы даже конкурировать с профессионалами, если бы однажды не повредил колено на предпоследнем курсе. Как раз таким студентам, как я, выдавались и виза, и стипендия, и, отметим, полное материальное обеспечение вместе с приглашением войти в общество меритократии. В ответ от нас

¹ Принстон – город в США, штат Нью-Джерси, в 60 км от Филадельфии. В Принстоне расположено одно из старейших учебных заведений Америки, основанное пресвитерианами в 1746 г. в Элизабеттауне и переведенное в Принстон в 1756 г.; оно известно под названием Принстонского университета. Там же находится старейшая богословская семинария (1813 г.). В битве при Принстоне американскими войсками под руководством Джорджа Вашингтона была одержана победа над англичанами, переломившая ход Войны за независимость. В настоящее время в городе 14 200 жителей. В Принстоне жил и преподавал лауреат Нобелевской премии 1994 г. в области экономики Джон Нэш, известный широкой публике по фильму Рона Ховарда «A Beautiful Mind» (в российском прокате – «Игры разума») в жанре биографической драмы.

² Территория университета.

требовалось приложить все наши усилия и таланты к процветанию вашего общества, общества, в которое нас приняли. И по большей части мы были счастливы сделать это. Я – уж точно, по крайней мере сначала.

Каждую осень «альма матер» поддериживает свои юбки для корпоративных работодателей, прибывающих в кампус, и, как говорят у вас в Америке, обнажает молодую поросль. А поросль эта – что показывает Принстон – хороша. Конечно, она и молода, и красноречива, и умна, но даже на фоне такой поросли, уже на старшем курсе я знал, что я являю собой нечто особенное. Если хотите, я был загорелым, в полном соку, презирающим трудности – и понимал, что стоит мне захотеть, и я получу любую работу.

Кроме одной: «Андервуд Сэмсон и К^о»¹. Не слышали о них? Это фирма по оценке бизнеса. Они говорят своим клиентам, насколько успешен тот или иной бизнес. И делают они это, надо вам сказать, с ясностью, в которой нет никакого лукавства. Их немного. Эдакий бутик, в котором, правда, работает минимум сотрудников, но им хорошо платят, предлагая молодому выпускнику базовую зарплату более 80 тысяч долларов в год. Но важнее другое, они дают солидный набор навыков и имя, ценное в мире бизнеса, ценное настолько, что фактически после двух или трех лет пребывания здесь в качестве аналитика вам в целом гарантировано поступление в Гарвардскую школу бизнеса. Именно поэтому более ста выпускников Принстона 2001 года послали свои выписки и резюме в «Андервуд Сэмсон». Восьмерых отобрали. Нет, не для работы, чтоб вы понимали, а для собеседования. И среди них был я.

Вас что-то беспокоит. Не надо: этот назойливый человек всего лишь официант, и даже не тянитесь за деньгами, я сам отдам ему, когда мы закончим. Вы будете черничный чай, с молоком и сахаром, или зеленый, или, может быть, из душистых трав? Кашмирский? Прекрасный выбор. Я буду такой же и, наверное, еще тарелочку джалеби². Ну вот. Он ушел. Надо заметить, что он очень приятный парень. И безукоризненно вежливый: если бы вы знали урду³, то были бы очень удивлены мягкостью его речи.

На чем мы остановились? Ах, да, «Андервуд Сэмсон». В день собеседования я необычайно сильно волновался. Они прислали только одного человека, который принимал нас в номере «Нассау Инн»⁴. В обычной комнате, скажу я вам, а не в кабинете. Они знали, что мы и так достаточно взволнованы. Когда подошла моя очередь, я вошел и увидел человека, совсем непохожего на меня физически. Более того, у него был вид

¹ В отличие от остальных реалий романа название этой фирмы автором выдуманно.

² Джалеби – блюдо индийской кухни, сладости к чаю, похожие на известный в России «хворост». Готовятся из теста на молоке, растительном масле, с использованием розовой воды, а также дахи (домашнего йогурта), режутся на тонкие жгуты, которые перед погружением в масло скручиваются в колечки. Их пропитывают сиропами и подают на стол горячими.

³ Урду – индоевропейский язык, известный с XIII в., письменность основана на арабской графике. Урду является государственным языком Пакистана, несмотря на то что лишь незначительная часть населения (пенджабцы, кроме них здесь проживают также белуджи, синдхи, пуштуны и другие народы) считает его родным. В целом на урду в мире изъясняется около 150–200 млн человек. Ближайшим родственником урду языком является хинди. Но если хинди сохранил в своей основе санскрит, то урду испытал сильное влияние со стороны языков мусульманского Востока – арабского и фарси. Различия не создают между носителями урду и хинди проблем в общении. В простых текстах вроде детских книг базовая лексика этих языков практически совпадает, но в текстах с большим количеством общественно-политической и научной лексики совпадений может оказаться очень мало. В Индии урду является одним из 23 официальных языков, на нем говорят 50 млн граждан этой страны.

⁴ Исторический отель в колониальном стиле в черте Принстона. Ведет свою историю с 1756 г. Его интерьеры наполнены историческими полотнами на сюжеты Войны за независимость, дорогими коврами. Мебель, полы, балки перекрытий выполнены из великолепно обработанных дорогих пород дерева. К услугам гостей 14 банкетных залов, 203 комнаты и рабочие кабинеты. «Нассау Инн» предлагает услуги для корпоративных собраний и деловых встреч.

какого-то сезонного военного рекрутера. «Чингиз?¹ – спросил он, и я кивнул, поскольку так меня, собственно, и зовут. – Проходи, садись».

Его зовут Джим, сказал он, и у меня есть 50 минут, чтобы убедить его взять меня на работу. «Продай себя, – сказал он. – Ну, что в тебе такого особенного?!» Я взял свои записи, отметил, что я завершил обучение с оценкой *summa cum laude*², и что я, как уже упоминалось, получал только отличные оценки. «Я уверен, что ты неглупый парень, – сказал он, – но и все, с кем я говорил сегодня, – отличники». Это было новостью, поразившей меня. Я сказал также, что я волевой, потому что когда я повредил колено, то восстановился благодаря физиотерапии в два раза быстрее, чем предсказывали врачи, и что, хотя и не мог больше играть в футбольной команде школы, но и теперь пробегу милью³ менее чем за шесть минут. «Это хорошо», – сказал он, и мне даже по-чудилось, что впервые за все время мои слова произвели на него впечатление, но тут он добавил: «Ну а что еще?»

Я погрузился в молчание. В обычной жизни, как вы, наверное, заметили, я люблю поговорить, но в тот момент не знал, что и сказать, я видел, как он смотрит на меня, и силился понять, чего он во мне ищет. Он пробежал глазами мое резюме, которое лежало на столе между нами, и вновь подался назад. Его глаза были холодными, бледно-голубыми, и осуждающими, но не в прямом смысле этого слова, а в смысле профессиональности суждения, как будто он был ювелиром, рассматривающим бриллиант просто из любопытства, не имея намерения ни покупать, ни продавать. В молчании прошло совсем немного времени, не больше минуты, но мне показалось – гораздо дольше, и он сказал: «Скажи мне вот что. Откуда ты?»

Я сказал, что родом я из Лахора, второго по величине города Пакистана, древней столицы Пенджаба, численность населения которой равняется численности жителей Нью-Йорка и расположенной в долине, ставшей местом многочисленных исторических вторжений – от арийских и монгольских племен до британских войск. Он просто кивнул. Потом спросил: «Ты по гранту?»

Я не сразу ответил. Я знал, что на собеседованиях не допускается обсуждение некоторых тем – религия, например, или сексуальная ориентация – и подумал, что материальные условия также к ним относятся. Именно поэтому я стал колебаться с ответом. А еще потому, что мне было неловко отвечать на этот вопрос. Потом я сказал:

¹ Главный герой, вероятно, был назван в честь великого правителя и полководца древности – Чингиз-хана. Именно поэтому мы не транслитерировали его имя, а дали его русскую историческую форму. Надо сказать, что к личности Чингиз-хана в современной Индии и Пакистане художественная элита проявляет особый интерес. Так, недавно известный индийский кинорежиссер Кхан Акбар сообщил о том, что приступает к съемкам исторического фильма о Великом Монголе, чтобы показать его не как разорителя и завоевателя, а как великого прорицателя, строителя городов, дворцов, основателя государств. Интересно, что индийский режиссер пожелал снять фильм на английском языке, считая, что таким образом будет легче донести историческое величие его героя до возможно большего числа людей и обратить внимание англоязычного мира на величие неизвестных ему древних культур. Интерес этот разделяют и российские интеллектуалы. Так, недавно был выпущен в прокат фильм Сергея Бодрова-старшего «Монгол», в котором за романтическим сюжетом скрыто желание понять жизненную силу восточных обществ, так уверенно менявших мировой порядок и пролагавших новые политические границы. Интересно обратить внимание и на то, что если читать имя главного героя по-французски или по-английски, то оно является однокоренным глаголу «меняться» – *changer* (фр.), *to change* (англ.).

² *Summa cum laude* – лат. «с похвалой». Эта формулировка оценки учебы принята в западных колледжах для тех, кто по рейтингу студентов своего курса всегда находился на первой строке. Выпускник, получивший диплом с такой оценкой, может претендовать на лучшее трудоустройство.

³ Милья – 1,609 км.

«Да». «А иностранному студенту труднее поступать, если ему нужна еще и материальная помощь?» Я снова сказал: «Да». «Ну, тогда, – сказал он, – тебе действительно нужны деньги». И вот уже в третий раз я сказал: «Да».

Джим откинулся в кресле и положил ногу на ногу, в точности как вы сейчас. Потом он сказал: «Ты изыскан, хорошо одет. У тебя акцент образованного человека. Большинство, наверное, считает, что ты из богатой семьи?» Это был риторический вопрос, поэтому я промолчал. «Твои здешние друзья знают, что у твоей семьи не было достаточно денег, чтобы послать тебя в Принстон без стипендии?»

Это, как я уже говорил, было главное мое собеседование, и я прекрасно сознавал, что мне нужно оставаться спокойным, но я почувствовал поднимающееся во мне раздражение. Поэтому я спросил: «Простите, Джим, а в чем суть всех этих вопросов?» Вышло немного напористей, чем мне хотелось бы, – я даже повысил голос. «Значит, не знают», – сказал Джим. Он улыбнулся и продолжил: «Ты терпелив. Это хорошо. Я тоже учился в Принстоне. Выпуск 1981 года. *Summa cum laude*. Он подмигнул. «Я был первым в нашей семье, кто попал в колледж. Я ездил в Трентон¹ на работу в ночную смену, чтобы платить за учебу (это довольно далеко от кампуса) и потому что не хотел, чтобы они были в курсе. Теперь я знаю, что ты такое, Чингиз. Ты *голоден*, а это в нашем деле хорошо».

Признаюсь вам, я был выбит из колеи и не знал, как реагировать. Вот уж Джим точно произвел на меня сильное впечатление. За несколько минут он раскусил меня лучше, чем все те, кто знал меня годы. Я понял, почему он считается хорошим оценщиком, и почему – повторюсь – его фирма имеет хорошую репутацию в этом деле. Мне было приятно, что он увидел во мне хоть что-то достойное похвалы, и моя уверенность в себе, признаюсь, пошатнувшаяся было в течение нашей беседы, начала восстанавливаться.

Здесь имеет смысл, если позволите, отклониться от рассказа и кое в чем признаться. Я не из бедных. Далеко. Мой прадед, к примеру, был адвокатом со средствами, которых было достаточно, чтобы дать денег на устройство школы для мусульман Пенджаба. Как и он, мой дед и отец окончили английские университеты. У нашей семьи есть дом на акре² собственной земли в центре Гулберга³, самом дорогом районе города. У нас несколько слуг, шофер и садовник, что по американским меркам означает, что семья богата.

Но мы не богачи. Мужчины и женщины в нашей семье – да, и женщины тоже – все работают, профессионально. Через полвека после смерти моего прадеда ситуация в Пакистане уже не была для специалистов благоприятной. Зарплаты не успевали за ростом инфляции, курс рупии неуклонно падал по отношению к доллару, и тем, чья семейная собственность в свое время была достаточной, приходилось затем делить ее все больше и больше между последующими поколениями. Поэтому у моего деда уже не было того, что было у прадеда, а у моего отца не было того, что было у его отца.

¹ Столица штата Нью-Джерси, печально знаменитая высоким уровнем преступности.

² Акр равен 0,405 гектара.

³ Фешенебельный район Лахора, где находятся богатые магазины, представительства иностранных государств, в том числе и резиденция Почетного консула РФ в Пакистане (ул. Мейн Гулберг, 40).

И вот, когда пришло время поступать в университет мне, денег на это в семье просто не оказалось.

Но статус, как в любом традиционном, уважающем классовое деление обществе, таял намного медленнее, чем достаток. Так что мы все еще в клубе лучших людей Пенджаба. Нас еще приглашают на мероприятия, свадьбы и вечера, которые проводит местная городская элита. И мы смотрим на то, как нарождается новое поколение предпринимателей – владельцы легального и нелегального бизнеса, рассекающие улицы на своих БМВ ручной сборки, – со смешанным чувством презрения и зависти. Наша ситуация наверное не сильно отличается от той, в которую попала европейская аристократия в XIX веке, столкнувшись с нарождающейся буржуазией. Кроме, конечно, того факта, что мы поражены болезнью, охватившей слои людей, не только формально считающиеся богатыми, но и формально считающиеся средним классом – невозможностью платить за то, что раньше было доступным.

Сталкиваясь с такого рода реальностью, вы можете выбирать: делать вид, что все идет хорошо, или работать еще усерднее, чтобы восстановить свое утраченное состояние. Я выбрал оба пути. В Принстоне на публике я вел себя так, будто я был юным принцем, благородным и беззаботным. Одновременно с этим потихоньку подрабатывал аж в трех местах в самом кампусе, выбирая самые малопосещаемые из них, например, библиотеку, Отдела ближневосточных исследований, там же я готовился к занятиям по ночам. Большинство окружающих меня людей моя публичная игра могла ввести в заблуждение. Джима – нет. Но, к счастью, там, где я видел постыдную сторону моей жизни, он увидел мой потенциал. И был, пусть не во всем, но, как выяснилось в дальнейшем, прав.

А вот и наш чай! Не смотрите с такой подозрительностью. Уверю вас, сэр, ничего здесь не причинит вреда вашему здоровью, даже желудок не расслабит. В конце концов, не отравлен же он. Ну, давайте, если вас это успокоит, поменяемся чашками. Вот так. Вы любите сладкий? Нет? Очень странно, но я не стану настаивать. Попробуйте эти апельсиновые сладости – джалеби, но будьте осторожны, они горячие! Вижу, вам понравилось. Да, они очень вкусные. Удивительно, что чашка чая освежает даже в такой жаркий день, как сегодня, – мистика, но это так.

Я остановился на собеседовании в «Андервуд Сэмсон» и как Джим выяснил, что я, как он выразился, *голоден*. Я подождал, что он скажет дальше, и он сказал буквально следующее: «Хорошо, Чингиз, проверим тебя. Даю тебе задание: это компания, которую тебе надо оценить. Можешь спрашивать у меня все, что тебе необходимо знать для этого. Скажем двадцать вопросов о главном, а затем твой письменный расчет. Готов?» Я сказал, что готов, и он продолжил: «Я бросаю тебе крученую подачу. От тебя требуется творческий подход к делу. Компания простая. У нее только одна линейка услуг: сверхбыстрые путешествия. Ты ступаешь на их терминал в Нью-Йорке и немедленно оказываешься на их терминале в Лондоне. Как нуль-транспортировка в «Звездном пути»¹. Идет? Хорошо. Поехали».

¹ «Звездный путь» – фантастический телесериал, трансляция которого началась в 1966 г. И хотя сначала он не имел большого успеха, но со временем завоевал огромную аудиторию и разросся в шесть телесериалов, был тиражирован в серии мультипликационных фильмов и ряде компьютерных игр. В настоящее время считается заметным явлением американской и международной массовой культуры.

Мне бы хотелось думать, что в тот момент я был бесконечно спокоен, но, по правде говоря, я запаниковал. Как можно оценить несуществующую, выдуманную компанию вроде той, что он описал? С чего хотя бы начать? У меня не было ни малейшего представления. Я посмотрел на Джима, но он, кажется, не шутил. Я вздохнул и закрыл глаза. Это такое душевное состояние, в которое я погружаюсь перед игрой: мое «я» растворяется, и наступает свобода, никаких сомнений и ограничений, свобода от всего. Кроме игры. Когда я вхожу в это состояние, меня уже не остановить. Суфии и мастера дзэна, надо полагать, поняли бы мои чувства. А древние воины, может быть, делали что-нибудь подобное перед тем, как ринуться в бой, и, так сказать, ритуально принимая свою неизбежную смерть, становились неподвластны страху.

Я вошел в это состояние на собеседовании. Все мое существо стремилось к тому, чтобы найти выход из положения. Я начал задавать вопросы, чтобы понять технологию: сколько у нее уровней, насколько она надежна, насколько безопасна. Затем я спросил Джима о среде: есть ли у компании прямые конкуренты, какие правила надо соблюдать, если оборудование частично выйдет из строя. Затем я перешел к расчету стоимости, чтобы выяснить какие затраты придется покрывать. И, наконец, я попробовал взглянуть на это предприятие, используя для сравнения «Конкорд»¹ как пример лучшего сочетания цены и качества в случае, если кому-то хочется сократить путешествие вдвое, а потом прикинул, как будет выглядеть цена, если время путешествия составит «ноль». Сделав все это, я подсчитал доходы на будущее и рассчитал чистую текущую прибыль. Наконец я был готов выдать сумму.

«Два миллиона триста тысяч долларов», – сказал я. Джим некоторое время молчал. Потом покачал головой. «Дико оптимистично, – сказал он. – Твои надежды на покупательский спрос такого рода вещей слишком завышены. Тебе самому захочется сесть в машину, дематериализоваться, а потом перенестись куда-то за тридевять земель? Это как раз тот самый бред, про который клиенты «Андервуд Сэмсон» и хотят знать, если он имеет место в проекте». Я повесил голову. «Но, – продолжил Джим, – ты был на правильном пути. Ты справился. Тебе нужны только тренировка и опыт». Он протянул руку: «Ты принят. Мы даем тебе неделю на размышление».

Сначала я ему просто не поверил. Я спросил, серьезно ли он это, и не будет ли у меня второго раунда собеседования. «Мы небольшая фирма, – сказал он. – Нам некогда терять время. К тому же за прием аналитиков отвечаю я. Мне не нужно ничьих других мнений». Я заметил, что его рука подрагивает на весу, и с робостью пожал ее. Его пожатие было крепким и, казалось, сообщало о том, что с этого момента компания «Андервуд Сэмсон» берет на себя обязательство изменить мою жизнь так, как она изменила его, унеся мои переживания по поводу денег и статуса в далекое прошлое.

Я возвращался пешком в свое общежитие в «Эдвардс Холл»² (так оно называлось) далеко за полдень. Небо было наполнено искрящимся голубым сиянием, совсем не таким,

¹ Возможно, автор имеет в виду «Concord Aviation» – арабскую лизинговую компанию, штаб-квартира которой расположена в Дубае (ОАЭ). Отметим, что эта компания проявила большой интерес к российскому авиапрому. 22 ноября 2005 г. она заключила договор с КБ Сухого о покупке 40 самолетов «Sukhoi Superjet», которые выйдут на линию в 2009–2013 гг. «Concord Aviation» специализируется на скоростной и безопасной перевозке богатых пассажиров (на борт поднимается не более 40 человек), предпочитающих преодолевать расстояния между континентами на сверхзвуковых самолетах. Такие перелеты считаются самыми быстрыми и дорогими в мире.

² Эдвардс Холл назван в честь третьего президента Принстона Джонатана Эдвардса. Он был построен в 1880 г. по указанию Президента Мак-Коша, чтобы заполнить, как он говорил в докладе об этом, «вопиющую необходимость в новых и чистых помеще-

как это оранжевое, сумеречное небо над нашими головами сегодня. Я чувствовал, что из душевных глубин поднимается нечто – какое-то чувство гордости, настолько сильное, что оно заставило меня поднять голову и заорать что есть мочи, к моему собственному удивлению, не говоря уж о проходящих мимо студентах: «Спасибо Тебе, Господи!»

Да, это было потрясающе. Вот что, должен я сказать, оглядываясь назад и думая о Принстоне. Принстон сделал для меня все возможное и сделал все для меня возможным. Но он не сумел, не смог бы заставить меня забыть о наслаждении, когда я пью чай здесь, в этом городе, где я родился, достаточно настоявшийся и приобретенный богатый, темный цвет, да еще жирный от свежего цельного молока. Здорово, правда? Вижу, вы справились со своим. Разрешите мне налить вам еще чашечку.

Вы видите вон тех девушек в разрисованных джинсах?³ Да, они очень привлекательны. И ведь как они отличаются от тех семейных женщин в традиционных платьях, что сидят по соседству с нами. Здесь неподалеку, фактически за углом, Национальный колледж искусств², и студенты часто приходят выпить чаю сюда, как и мы с вами. Вижу, что одна из них вам особенно приглянулась. Она и впрямь красавица. Скажите, сэр, вы, наверное, оставили у себя на родине любовь – *его* или *ее* – мне безразлична ваша ориентация³, хотя по вашему интересу можно догадаться, что это женщина.

Вы пожимаете плечами – это ничего не объясняет. Я попробую пойти дальше. Моя любовь осталась в прошлом, и ее звали Эрика. Мы встретились летом. После выпускных экзаменов группа принстонских студентов решила отдохнуть в Греции. Она и все прочие были членами самого престижного в университете клуба гурманов «Плюш»⁴ и смогли поехать,

ниях для отдыха студентов и сократить число первокурсников, проживающих вне наших стен и обделенных вниманием наших тьюторов». Далее в докладе говорилось о том, что постройкой этого здания университет достойно ответит на критику со стороны конкурирующих учебных заведений, руководство которых распространяет лживые домыслы о том, что данное заведение предназначено лишь для богачей и не предоставляет должных условий студентам того общественного класса, для которого оно было изначально учреждено. С 1880–1990-х гг. Эдвардс Холл приобрел репутацию места, где «простая жизнь соединяется с высоким полетом мысли», и с тех пор известен под названием «Рай для умников».

¹ На Западе сейчас высоко ценится не столько модная марка, сколько креативный подход к одежде, выполненной из необычных материалов своими руками. Продаются краски для текстиля, с помощью которых можно разрисовать одежду или нанести на нее надписи. Упомянув этот факт, автор, вероятно, хотел подчеркнуть, что миру Востока не чужды модные тенденции Запады, а также то, что на Востоке имеется общественный заказ на такого рода вещи, в особенности у молодежи.

² Национальный колледж искусств в Лахоре имеет столетнюю историю и является наиболее престижным художественным учебным заведением на Индийском субконтиненте. Первым ректором колледжа был Локвуд Киплинг, отец знаменитого британского поэта и писателя Редьярда Киплинга, автора знаменитого крылатого выражения «Запад есть Запад, Восток есть Восток». Колледж был создан по инициативе властей Великобритании, одновременно с колледжем планировалось создание музея изобразительного искусства. Отец и сын Киплинги приложили немало усилий для того, чтобы сделать это учебное заведение популярным. В колледже сейчас девять факультетов: керамики, текстиля, архитектуры, музыки, теле- и киноискусства и др.

³ С точки зрения почти всех исламских учений и законодательств гомосексуальная связь преступна. И хотя в Турции, Египте и Ираке однополые сношения по закону не преследуются, в Иране, Пакистане, Афганистане, Саудовской Аравии и в большинстве арабских стран они строго запрещены и караются сурово – вплоть до смертной казни. В 1920-х гг., когда в РСФСР уголовные статьи против гомосексуальных актов были отменены, в исламских республиках Средней Азии они сохранились в неизменном виде. Бывшие советские республики с мусульманским населением (Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и Киргизстан) до сих пор берегут соответствующие статьи из старого советского законодательства. В любом случае, говорится о том в уголовных кодексах или нет, но к гомосексуальности в исламских странах относятся исключительно враждебно. Изначально практика ислама была гораздо менее враждебна к однополый любви, чем христианство или иудаизм. Несколько веков спустя, во время крестовых походов, мусульманские страны стали местом нашествия европейских гомосексуалов. Через столетия это «европейское влияние», возможно, и спровоцировало распространение мусульманской гомофобии, которая более чем осозаемо начала проявляться уже в XVIII в. Для исламских экстремистов сегодня растущая в странах «растленного» Запады терпимость к однополый любви символизирует все то враждебное и неправильное, что есть в светской западной культуре. Учитывая все это, можно понять, что обращением к одной из тем, по которой ведется межкультурный спор (наряду с вопросами о роли женщины в обществе, положении иностранца в исламской стране, ношении хиджаба и пр.), пакистанец демонстрирует гомо-американцу свое понимание западного образа мысли, толерантность и неконформизм.

⁴ Студенческие клубы в Принстоне предоставляют студентам возможность более близкого общения, хорошее питание, возмож-

одни – потому что родители решили сделать им такой подарок, а другие – за счет трастовых фондов, в которых они могли взять кредит по возрасту. Я обычно готовил себе еду на кухне в общежитии и попал в эту компанию, получив бонус от «Андервуд Сэмсон». Я дружил с одним из членов клуба «Плюш», Чаком, еще с той поры, как пришел в футбольную команду¹, и был доволен тем, что он познакомил меня со своими экзотическими товарищами.

Мы собрались в Афинах, прилетев разными рейсами, и когда я впервые увидел Эрику, то не мог удержаться от того, чтобы не предложить ей помочь нести ее рюкзак – настолько царственно красивой она была. Ее волосы были подняты вверх как тиара, а ее пупок – о, какой это был пупок – крепкий, как я потом выяснил, по причине ее многолетних занятий тэквондо – виднелся из-под короткой футболки с изображением Председателя Мао.

Нас представили друг другу, она улыбнулась и пожала мне руку, уж не знаю, потому ли, что нашла меня чересчур утонченным, или же странно старомодным, а потом на пути нашей группы встал портовый город Пирей². С самого начала мне стало совершенно ясно, что я не одинок в своих ухаживаниях за Эрикой.

Фактически, как только мы все погрузились на паром, чтобы добраться до островов, там же оказался и некий молодой человек – на его мускулистой груди висел какой-то зуб на кожаном шнуре – и начал бречать на гитаре и петь песни для Эрики, надрываясь через всю палубу. «Какой это язык?» – спросила она меня, наклонившись так, что ее дыхание зашепотало мне ухо. Ненадолго сосредоточившись, я ответил: «Английский, думаю. В сущности, это – Брайан Адамс³ “Лето 69-го”»⁴. Она рассмеялась. «И правда», – сказала она, вежливо понижая голос, и добавила: «Вау, он ужасен!» Я уже чуть было не согласился с ней вслух, но, поняв, что трубадур уже не представляет опасности, предпочел хранить благородное молчание.

ность совместного отдыха и всячески организуют повседневную и творческую жизнь своих членов. В Принстоне не было студенческих общин – братств (fraternities), какие имеются в большинстве университетов США, но было 18 клубов, в которые можно было вступить по приглашению в конце каждого года. При этом за пределами клубной жизни оставалось не менее четверти студентов университета, вынужденных в результате питаться в столовых, по какой-либо причине не раз вспыхивало недовольство, выражались протесты, устраивались пикеты и обсуждения в прессе. Но благодаря значительной финансовой поддержке преуспевающих бывших членов этих клубов – выпускников Принстона – они продолжают существовать. Как было описано в эссе Ф. Скотта Фитцджеральда «The Ivy Club» (1927), этот клуб, образованный в 1879 г., был самым закрытым. Для отбора в него его члены приглашали по двадцать человек из каждого класса, но оставляли в клубе только пятнадцать новых членов. Интересно, что писатель, с юмором описывавший жизнь современной богатой университетской молодежи, критикует учебное заведение не за отсутствие демократизма, а за утрату подлинного аристократизма, на смену которому пришел обыкновенный снобизм.

¹ Американский футбол представляет собой довольно жесткую, травматическую игру. Однако в американской университетской жизни дух спортивной соревновательности всегда ценился весьма высоко. Ф. Скотт Фитцджеральд в уже упомянутом эссе писал об этом так: «Для Принстона, как и для Йеля, футбол с 1890-х годов стал неким символом. Символом чего? Символом неизбежного насилия, заложенного в американской жизни? Вечной незрелости нации? Непривлекательности культуры здесь? Кто знает? Но он стал чем-то, во-первых, доставляющим удовлетворение, во-вторых, содержательным, а в-третьих, просто красивым зрелищем...»

² Пирей – порт Афин, с 500 г. до н.э. являющийся самым большим портом Греции. Его называют воротами Аттики. Афины для каждого путешественника – и Восток, и Запад. Возможно, поэтому автор избрал это место отправной точкой для развития отношений героев своего романа.

³ Брайан Гай Адамс – автор и исполнитель песен, родился 5 ноября 1959 г. в семье дипломата. После развода родителей жил с матерью и братом в Ванкувере (Канада). Многие его клипы воспевают Америку, которая сделала его мировой знаменитостью. Известен своей активной общественной позицией: совершил мировое турне с Питером Габриэлем и U2 под эгидой организации «Международная амнистия», был участником и инициатором благотворительных акций. Он также совершал мировые турне с Тиней Тернер, выступал с Родом Стюартом, Стингом, Лучано Паваротти. В декабре 2008 г. певец выступал в Москве.

⁴ Имеется в виду альбом Брайана Гаю Адамса «Reckless» (1984), из которого выросли такие хиты как «Run To You», «Heaven» и «Summer of 69», сделавшие его мировой знаменитостью. Название последней песни и упоминает персонаж книги. Ее текст имеет ностальгический характер. Певец вспоминает лучшие моменты своей жизни: первую шестиструнную гитару, школьных друзей-музыкантов, первое путешествие и первую любовь.

Более серьезная опасность исходила от лучшего – и равно односложно прозывавшегося – друга Чака, Майка, который на следующий же день, когда мы сидели в ресторане под нависающей губой лавы вулкана Санторин¹, небрежно закинул свою руку на спинку стула Эрики и пребывал в этом явно не самом удобном положении довольно долгое время. Эрика не подавала никакого знака к тому, чтобы он убрал свою руку, но я нашел некоторое утешение в том, что весь вечер она *внимательно* прислушивалась к тому, что я говорю, время от времени улыбаясь и останавливая на мне взгляд. Правда, после этого, когда мы всей компанией шли в пансион, она и Майк отстали от нас, и в эту ночь я с трудом заснул.

Утром я вздохнул с облегчением, поскольку увидел, что она пришла на завтрак раньше Майка, а не с ним, и я был рад, что мы вдвоем оказались первыми из всей группы, кто поднялся раньше других. Она намазала джем на круассан, разломала его и дала мне половину, сказав: «Знаешь, что я хотела бы сделать?» Я спросил: «Что?» «Я хотела бы остаться здесь, – сказала она, – снять комнату на одном из островов и просто писать». Я ответил, что это можно сделать, но она лишь покачала головой: «Я не протяну и недели. Я боюсь быть одна. Вот ты – другое дело». И тут она склонила голову и скрестила руки: «Ты бы смог».

Я никогда не задумывался об одиночестве и поэтому пожал плечами и сказал, поясняя: «Когда я был маленьким, нас было восемь человек – восемь двоюродных братьев и сестер – все в одной куче, нас разделяла лишь стенка, обозначающая границы участков, которые мой дед выделил каждому из сыновей. Представь себе, у нас было еще три собаки и однажды недолго жила одна утка». Она рассмеялась, а потом сказала: «Значит, быть одному стало для тебя роскошью?» Я кивнул в знак согласия. «У тебя сильное чувство дома, – сказала она. – Знаешь как? Ну, вроде *за-мною-стоит-большая-семья*. Это хорошо. Это дает тебе чувство защищенности». Мне было приятно, хотя я не был уверен, что именно она имеет в виду, и сказал, что, дескать, спасибо тебе за то, что ты говоришь мне приятные вещи. А потом, неуверенно, чтобы не показаться чересчур бесцеремонным, я спросил: «А ты разве не чувствуешь себя защищенной?»

Она поразмыслила над вопросом и сказала, как я отметил, с грустью в голосе: «Иногда. Нет. Определенно – нет». Прежде чем я успел отреагировать на это, к нам присоединились Чак и Майк, и разговор пошел о пляжах, развлечениях и аренде катеров. Но когда я бросал взгляд на Эрику, а Эрика смотрела на меня, то мы оба понимали, что между нами что-то произошло – первое приглашение к дружбе что ли, – поэтому я терпеливо ждал возможности продолжить наш разговор.

¹ История Санторина началась восемнадцать тысяч лет назад, когда в южной части Эгейского моря родился новый вулкан. О своем появлении на свет он «оповестил» Средиземноморье мощным извержением и пеплопадом, следы которого находят и сегодня на всей территории от Италии до Кипра. Со временем вулкан вырос, поднялся над водой, присоединил к себе три торчавшие из моря скалы и превратился в остров километров пятнадцати в поперечнике. Потом его активность упала, вулкан «заснул», зарос травой и лесом и стал похож на другие пригодные для жизни острова Эгейского моря. Извержение Санторина погубило минойскую цивилизацию на Крите, стерло с лица земли город Стронгили («Круглый»). Историческое извержение Санторина тоже началось со взрыва. Гигантский черный «султан» взметнулся над островом. Через несколько минут ударная волна, преодолев 70 миль, достигла Крита: содрогнулись горы, треснули стены царских дворцов. Непроглядная, душная тьма накрыла тогда не только Крит, но и Палестину – об этом свидетельствуют библейские сказания и египетские хроники. Ученые считают, что это извержение повлияло и на общественно-политические процессы в мире, например способствовало рождению новой мусульманской идеологии и цивилизации. Возможно здесь автор, желая сформировать образный мир читателя, подводит его к последующему рассказу о другом, современном взрыве, потрясем как западный, так и восточный мир и навсегда изменивший жизнь его героя.

Такая возможность не представлялась довольно долго, фактически почти несколько дней. Можете представить себе, как я был расстроен из-за этого ожидания, но если вы помните, я уже говорил, что у меня никогда не было таких каникул. Мы арендовали мопеды и купили соломенные коврики, чтобы расстелать их на черном вулканическом песке, который от солнца нагревается так, что обжигает кожу. Мы снимали комнаты в уединенных домиках, которые в летнее время пожилые супружеские пары обычно сдают туристам. Мы ели жареных осьминогов, пили кристально чистую воду и красное вино. До сих пор я ни разу не был в Европе и даже не купался в море – Лахор, как вы знаете, находится в девяноста минутах езды от побережья¹, – и поэтому мне было приятно находиться среди моих богатых молодых товарищей.

Надо отметить, что кое-что меня все же раздражало. Легкость, с которой они расставались с деньгами, например, не задумываясь о том, что еда в случайном месте – и это было довольно часто – обходится по 50 долларов на человека. Или их чувство собственной правоты, когда они имели дело с теми, кому платили за услуги. «Но ты же сказал», – могли они заявить греку, который был в двое старше их, настаивая на том, чтобы все было сделано так, как они этого хотят. Мне, с моей финансовой щепетильностью и таявшей наличностью, обладавшему традиционным чувством уважения к старшим, все время хотелось понять, какому вывиху в истории человечества мы обязаны тем, что мои компаньоны (живи они у нас, многих из них сочли бы просто невежами, настолько они были лишены манер) оказались в положении персон, имеющих право вести себя так, будто они хозяева мира.

Но, возможно, это теперь, по прошествии времени, я склонен преувеличивать такие неприятные моменты, уже зная, какой оборот впоследствии приняли лично для меня отношения с вашей страной. В конце концов, вся эта группа была для меня фоном, а на переднем плане стояла Эрика, и наблюдать за ней доставляло мне неизъяснимое удовольствие. Она поведала мне, что ненавидит оставаться в одиночестве, и я пришел к выводу, что она и впрямь редко остается одна. Она привлекала к себе людей. Ее нельзя было не заметить, у нее был какой-то *магнетизм*. Документируя производимый эффект на среду ее обитания, натуралист мог бы сравнить ее с львицей – сильная, лоснящаяся и постоянно в центре внимания прайда.

И все же возникало чувство, что внутренне она существует в некотором отстранении от тех, кто ее окружает. Дело не в том, что она была надменной. Она, по правде сказать, общалась вполне дружелюбно. Но чувствовалось, что какая-то часть ее – и, видимо, не такая уж и малозначимая – недостижима, укрыта за невысказанными мыслями. Достаточно сказать, что если бы мы рассматривали современных американок по звездной шкале, то она бы оказалась в лагере Пэлтроу², а не Спирс³.

Но мои рассуждения о культуре остались втуне! Вы отвлеклись, сэр. Эти чудные девчушки из Национального колледжа искусств явно безраздельно овладели вашим вниманием. Или вы смотрите на того мужчину с бородой, которая куда больше моей? Да, на того, что остановился рядом с ними? Вы ждете, наверное, что он будет ругать их за неподобающий вид – футболки и джинсы? Думаю – не будет. Девочки чувствуют себя вполне привольно здесь и, видно, приходят сюда довольно часто в отличие от него. К тому же здесь на Старом базаре есть негласное правило немедленно прибегать к поддержке людей: если мужчина пытается как-то задеть женщину, она имеет право обратиться к инстинкту братства этой толпы, а толпа эта может и побить человека, который досаждал его сестре. Посмотрите, сэр! Видите? Он пошел дальше. Он просто рассматривает что-то интересное, также как и вы, но вы, конечно, это делаете более *осмотрительно*.

Что до меня, то тем летом в Греции с Эрикой я старался не терять головы. Но к концу каникул, на острове Родос, я не удержался. Вы бывали на Родосе? Вы просто обязаны там побывать. Он совсем не похож на все другие острова, заселенные людьми. Его города были надежно укреплены крепостями. Они защищались от тюрков, совсем как современная Греция защищается с помощью армии, флота и военно-воздушных сил. Там еще можно увидеть часть стен, оборонявших жителей от натиска Востока. Как странно было осознавать, что я выходец с той стороны!

Но это не относится к делу. Я вам говорил про то, как я был вынужден потерять голову. Мы лежали на пляже, и многие европейские женщины неподалеку, как обычно, загорали топлес – практика, которую я приветствую от всего сердца, но принстонские девушки, к сожалению, ее не принимали, – когда я заметил, что Эрика развязывает тесемочки своего купальника. И вот, как я уже сказал, на расстоянии вытянутой руки я вижу, как она подставляет солнцу свою обнаженную грудь.

Мгновением позже – нет, вы правы, тут я лукавлю – гораздо позже, чем через мгновение – она повернулась ко мне лицом и увидела, как я пялюсь на нее. Целый ряд вариантов пронесся в моей голове. Я мог бы тут же отвести глаза, показывая тем самым, что я не просто так пялюсь, но что я смущен ее наготой. Я мог бы, после короткой паузы, небрежно отвести взгляд в другую сторону так, будто вид обнаженной женской груди самое обычное зрелище для меня. Я мог бы продолжать рассматривать ее и таким образом честно демонстрировать свое восхищение тем, что она обнажилась. Или мог бы обратит ее внимание, пользуясь хорошо известной литературной аллюзией, на ситуацию с героем «Мистера Паломара», перед которым стояла совершенно та же дилемма¹.

Но я ничего этого не сделал. Вместо всего этого, я покраснел и сказал: «Привет». Она улыбнулась и с нехарактерным для нее смущением, как мне показалось,

тинейджер, являющей собой пример для подражания другим юным девочкам, желающим добиться успеха во взрослой жизни.

¹ Мистер Паломар – персонаж одноименной книги выдающегося прозаика своего поколения Кальвино Итало (1923–1985). Книга написана в 1983 г. в форме коротких эссе, которые делятся на три части, обозначая три способа познания мира Мистером Паломаром. Сюжет произведения – путешествие эксцентричного человека по микрокосму. Первая глава каждой серии рассматривает его визуальные опыты и является описательной. Вторая глава состоит из рассказа, который демонстрирует культурный опыт героя и наполнен символом и языковыми изысками. Третья – медитативная глава, в которой речь идет о переживании человеком категорий космоса, времени, бесконечности и отношениями между «я» и миром. В одной из глав Итало Кальвино описывает Мистера Паломара у себя в саду изучающим смысл щебетания птиц, перспективу города с террасы своего дома и пр. В одной из глав он помещает Мистера Паломара на пляж, где тот старается сосредоточиться на расшифровке смысла набегающих волн, но этому высокому занятию мешает вид обнаженной женской груди, и он не может преодолеть эту помеху.

¹ Побережье Аравийского моря, к которому от Лахора до Карачи ведет одна из наиболее крупных шоссе дорог в Пакистане.

² Гвинет Пэлтроу – дочь продюсера и режиссера Брюса Пэлтроу и актрисы Блайт Дэннер, родилась 28 сентября 1973 г. в Лос-Анджелесе. Окончив школу в Нью-Йорке, Гвинет Пэлтроу поступила в университет Калифорнии в Санта-Барбаре, где изучала антропологию и историю искусств. В 1991 г. оставила учебу в университете и в этом же году снялась в двух фильмах: «Крик» с Джоном Траволтой и «Капитан Крюк» у Стивена Спилберга. Подлинный успех ждал молодую актрису после выхода фильма «Влюбленный Шекспир» Джона Мэддена. За роль Виолы актриса удостоилась премии «Оскар».

³ Бритни Джин Спирс родилась 2 декабря 1981 г. в г. Кенвуд, Луизиана, США. Увлечение пением Бритни Спирс началось с выступлений в церковных хорах. Петь со сцены она стала с 8 лет. Во время поездки в Атланту для отбора в шоу один из продюсеров заметил ее и помог ей встретиться с агентом в Нью-Йорке, после чего Бритни начала профессионально заниматься вокалом и танцами. Когда ей было всего 17 лет, в Нью-Йорке вышел ее первый альбом. Пресса называла Бритни королевой

ответила: «Привет». Я кивнул, постарался придумать что-нибудь еще, но не нашелся и снова сказал: «Привет». Все это время, пока я так приветствовал ее, мне хотелось провалиться сквозь землю. Я знал, что выгляжу невероятно по-дурацки. Она начала смеяться, ее маленькие груди подпрыгивали. Потом сказала: «Я хочу искупаться». Отойдя немного, обернулась и добавила: «Пойдешь?»

Я пошел за ней, глядя, как мускулатура нижней части ее спины грациозно напрягается, уравнивая движения позвоночника. Мы подошли к воде. Она была теплая и совершенно чистая, с круглыми камешками и мелькающими рыбками, которых было видно сквозь толщу воды. Мы опустились в воду. Она поплыла в залив.

Некоторое время мы молчали, и я почувствовал, что наши ноги скользнули друг о друга, когда мы бороздили море. «Не думала, – сказала она – что я встречу кого-нибудь из людей нашего возраста, кто будет столь же уважительным, как ты». «Уважительным?» – переспросил я, только что не светясь от радости. «Я не в этом смысле. Не в смысле *скудной* вежливости. Об уважительном поведении. Ты предоставляешь человеку пространство. Мне это, правда, нравится. Это необычно».

Мы лежали на воде лицом к лицу, и у меня появилось впечатление, что она ждет, что я ей отвечу, но у меня пропал дар речи. Все мои мысли были заняты тем, чтобы обустроить выражение своего лица таким образом, чтобы оно перестало быть настолько идиотским. Она повернулась и поплыла к берегу, держа голову над водой. Я греб рядом и, одержав наконец победу над предавшим меня даром речи, сказал: «Может быть, вернемся в город и выпьем чего-нибудь?» На что она ответила, приподняв бровь и тоном, которым обычно не говорила: «Мне было бы приятно это сделать, сэр».

На берегу она надела рубашку – мужскую, как я помню, голубую, с выцветшими уголками воротника, – и запихнула полотенце и топ от купальника в сумку. Никто из нашей компании не захотел идти с нами, оставался еще час хорошего солнца для принятия солнечных ванн, поэтому мы вдвоем вышли на дорогу и поймали автобус. Когда мы сели рядом, я невольно заметил, что ее голая нога лишь в нескольких сантиметрах от моей руки, лежавшей у меня на бедре.

Это удивительно, должен вам сказать, как пребывание в Пакистане увеличивает чувствительность к виду женского тела. Вы не согласны? Этот бородач, который даже теперь, сэр, все еще продолжает приковывать ваше растревоженное внимание – не может заставить себя не поглядывать через плечо на тех девчонок, что стоят в пятидесяти ярдах от него. Ну да, у них открыты всего только шея, лицо и три четверти руки! Но это не недостаток данного зрелища. Некоторые правила приличия вызывают *жажду* неприличного. Более того, однажды испытав эту *жажду*, люди не скоро отвыкают от этого, если вообще отвыкают. До нашего путешествия в Грецию я провел в Америке уже четыре года и прошел через все интимные тайны жизни в общезитии, через которые проходят все студенты, но все же меня по-прежнему не оставляла равнодушным обнаженная кожа женщины.

Для того чтобы как-то отвлечься от неприличного созерцания белой, как сдобное тесто, кожи Эрики, я спросил, не отцовская ли это рубашка. «Нет, – сказала он, пощупав материал, – осталась от моего бойфренда». «О, – сказал я, – не знал, что у тебя бойфренд». «Он умер в прошлом году, – сказала она, – его звали Крис». Я сказал, что соболезную и что рубашка очень хорошая, у Криса был превосходный вкус. Она со-

гласилась, сказав, что он был настоящим денди и оставался таким даже в больнице. Медсестры были очарованы им: у него была приятная внешность молодого человека, как она выразилась, из Старого Света.

Приехав в город, мы первым делом нашли кафе возле пристани со столиками под тенью бело-голубых зонтов. Она заказала пива. Я тоже. «А какой он, Пакистан?» – спросила она. Я рассказал, что Пакистан разный, в нем есть и побережье и пустыня и сельскохозяйственные угодья, которые тянутся вдоль рек и каналов. Я рассказал ей, как однажды мы с родителями и братом ехали на машине в Китай по Каракормаскому шоссе, проезжая по таким плато, которые находятся выше самых высоких мест в Альпах. Я рассказал ей, что у нас мусульманам запрещено покупать алкоголь, и поэтому я знался с христианином-спекулянтном, который подвозил товар прямо ко мне домой на пикапе «Судзуки». Она слушала меня, время от времени улыбаясь, и будто пила мои рассказы, пробуя их на вкус. Потом она сказала: «Ты скучаешь по дому».

Я пожал плечами. Я всегда скучал по дому, но в тот момент мне нравилось быть там, где я есть. Она вытащила толстую тетрадь в мягкой оранжевой кожаной обложке. Я раньше видел, что она что-то записывает в ней в свободное время, и протянула мне ее и карандаш. «Показать тебе, как мы пишем?», – спросил я, опережая ее просьбу, – урду похож на арабский, но в нем больше букв». Она попросила: «Ну, напиши что-нибудь». И я написал. «Красиво! – сказала она, встретившись со мной взглядом, – а что это значит?» «Это твое имя, – ответил я, – а это – под ним – мое».

Мы сидели за столом до заката и разговаривали, и она рассказала мне про Криса. Они росли вместе, в квартирах напротив, дети одного возраста без сестер и братьев, они стали лучшими друзьями еще до того, как впервые поцеловались, а это произошло, когда им было по шесть лет, но до пятнадцати лет они больше не пробовали делать это. У него была коллекция европейских комиксов, и они проводили часы вместе, читая их и придумывая свои собственные: Крис рисовал, Эрика писала тексты. Они вместе поступили в Принстон, но он так и не пошел на занятия, потому что ему поставили диагноз – рак легких. Он выкурил всего одну сигарету в жизни, сказала она с улыбкой, но уже на следующий день он получил результаты биопсии и она, удостоверившись, что у нее в пятницу нет занятий, провела три дня с ним в Нью-Йорке. Он умер через три года. В конце весеннего семестра ее третьего курса. «Поэтому я тоже слегка скучаю по дому», – сказала она. – Только мой дом – это мальчик с длинными костлявыми пальцами».

Поздно тем же вечером, когда вся наша группа вышла поужинать, Эрика села напротив меня. Чак развлекал народ, передразнивая всех присутствующих – моя манерность была, по-моему, несколько преувеличена, но других он изобразил в точку. А потом пошел вокруг стола, спрашивая каждого, о чем тот мечтает. Когда очередь дошла до меня, то я ответил, что мечтаю стать диктатором в какой-нибудь исламской республике, обладающей ядерным потенциалом. Все были шокированы, и мне пришлось объясниться в том смысле, что это такая шутка. Только Эрика улыбалась. Ей, похоже, было близко мое чувство юмора.

Эрика сказала, что хочет стать писателем. Ее дипломной работой было довольно объемное художественное сочинение, которое получило награду в Принстоне. Она хотела переработать его для подачи литературным агентам и посмотреть, как они на него отреагируют. Вообще-то Эрика мало говорила о себе, но в тот вечер сделала

это – она говорила, слегка понизив голос и часто глядя мне в глаза. Я чувствовал, что, несмотря на присутствие наших товарищей, чье внимание она, как всегда, притягивала, она делится своими планами именно со мной, и это чувство окрепло, когда она, понаблюдав за моей безуспешной борьбой, помогла мне отделить рыбное филе от кости без всякой инициативы с моей стороны.

Физически между нами ничего в Греции не было. Мы только держались за руки. Но она дала мне свой номер телефона в Нью-Йорке, куда мы оба возвращались, и предложила мне помощь в обустройстве. Что касается меня, то, по сути, все было ясно: я завел знакомство с женщиной, которая поразила мое воображение, и это переживание стало самым сильным из всех, которыми одаривала меня жизнь.

Что это? А, это ваш мобильный! Я раньше никогда таких не видел. Это, подозреваю, одна из тех моделей, которая связывает через спутник, когда невозможно сделать это земными путями. Вы не ответите? Уверю вас, сэр, я сделаю максимум, чтобы не слышать ваших переговоров. Но вы решили ответить через SMS, очень мудро: часто нескольких слов более чем достаточно. Что касается меня, то я вполне готов подождать, пока вы разберетесь с настройками. Кроме того, эти девочки из национального колледжа искусств только закончили пить чай, и удовольствие от их присутствия на этой улице продлится еще несколько мгновений, пока они не исчезнут, – а они неизбежно должны это сделать, – за углом.

Мы, местные, дорого ценим роскошь этих последних дней весны в Лахоре; солнце, пусть жаркое, успокаивает. Или, лучше сказать, успокаивает нас. Вам, сэр, к нему трудно привыкнуть. Надеюсь, вы не обидитесь на мои слова, но когда вы так часто и озабоченно оглядываетесь, кажется, что в голове у вас постоянно звучит «тик-тик-тик», и когда вы переводите взгляд с одного места на другое, то в голову приходит образ какого-нибудь животного, которое рискнуло уйти слишком далеко от своего убежища и теперь, оказавшись в необычном месте, не может понять, хорошо это для него или плохо!

Успокойтесь, отвлекитесь от ощущения, свойственного иностранцу, что на вас все время кто-то смотрит. Полюбуйтесь лучше, как удлиняются тени. Скоро они дотянутся до противоположного конца рынка, и Старый Анаркали превратится в пешеходную зону. Фактически это уже происходит. Полиция арестует этих ребят на мопедах? Ну, сначала их надо поймать! Вон как они рванули, попробуй их догони! Но они будут последними, кто успел выехать. Ворота закрыты, как видите, а эти бреши довольно узкие, и в них может пролезть только человек.

Вы уже заметили, что новые районы Лахора плохо приспособлены к нуждам пешеходов. Их пространство – с этими городскими парками и широкими засаженными деревьями бульварами – навязывает иерархию, которая сложилась в сельской местности: превосходство ездока перед пешим. Но здесь, в самом старом районе на всем пространстве от места, где мы сидим, и до Рави (сердца города) – Лахор наиболее демократически урбанизирован. Действительно, здесь обладатель четырех колес просто обязан спешиться и смешаться с толпой.

Как на Манхэттене? Да, в точности! И это одна из причин, почему приезд в Нью-Йорк я переживал – так неожиданно для себя, – как возвращение домой. Были и другие причины: фактически все таксисты здесь говорят на урду; наличие всего лишь в двух зданиях от моей квартиры в Ист Виллидж заведения под названием Пак-Пенджаб

Дели – совпадение, но когда я переходил Пятую авеню во время парада, я услышал из громкоговорителя, установленного членами ассоциации южноазиатских геев и лесбиянок, песню, которая звучала на свадьбе моего двоюродного брата.

В вагоне метро моя кожа не выделяется в разнообразии цветовой гаммы. На улицах туристы спрашивают меня, как пройти туда или туда. За четыре с половиной года я, конечно, не стал американцем; но я стал *настоящим* нью-йоркцем. Что? Мой голос звенит? Да, вы правы: я становлюсь сентиментальным, когда думаю об этом городе. Мое сердце все еще сильно к нему привязано, и это то обстоятельство, скажу я вам, которое заставило меня позже, через восемь месяцев жизни в Нью-Йорке, расстаться с ним.

Конечно, большая часть моего восхищения Нью-Йорком была лишь оболочкой моего восхищения «Андервуд Сэмсон». Я помню это поразительное чувство, посетившее меня в тот день, когда я приступил к своим обязанностям. Их офис находился на 42-м и 43-м этажах здания в центре города – выше, чем любые два здания здесь, в Лахоре, если поставить их друг на друга. И поскольку до сих пор я не летал на воздушном лайнере и не бывал в Гималаях, я был не готов к драматической силе открывшегося мне вида из окна офисной приемной. Это, осознал я, совсем не Пакистан; мои ноги опирались на достижения самой технически развитой цивилизации, какую когда-либо знал род человеческий.

Часто, пока я был в вашей стране, такие сравнения задевали меня. Возможно, даже больше – они вызывали у меня чувство сопротивления. Четыре тысячи лет назад мы, народ из бассейна Инда, заложили города с подземными коммуникациями, а в то время предки тех, кто впоследствии заселит и колонизирует Америку, были неграмотными варварами. Теперь же наши города представляют собой хаотическую застройку, часто в антисанитарном состоянии, а в Америке есть университеты, которым персональные спонсоры выделяют больше денег на образовательные цели, чем весь наш государственный бюджет. Когда я вижу что-то, что напоминает мне об этом, то чувствую себя пристыженным.

Но только не в тот день. В тот день я думал о себе не как о пакистанце, а как о стажере «Андервуд Сэмсон», и впечатляющий офис моей фирмы наполнял меня гордостью. Как бы я хотел, чтобы мои родители и брат увидели его! Я стоял тихо, любясь видом, но недолго – вскоре нас, только что принятых аналитиков, пригласили в конференц-зал для презентации по ориентации. Вице-президент по имени Шермон (его голова блестела после недавнего бритья) разъяснял нам нормы поведения, которыми мы обязаны руководствоваться.

«Мы – меритократия, – сказал он, – мы считаем, что мы – лучшие – отобрали вас как лучших кандидатов из лучших заведений страны. Вот почему вы здесь. Но меритократическое рекрутирование никогда не останавливается. Мы будем экзаменовывать вас каждые шесть месяцев. И вы будете знать свою оценку – ваши бонусы и должность будут зависеть от нее. Если вы будете работать хорошо – вас наградят, если нет – уволят. Это просто. Ваш первый экзамен завершит эту подготовительную программу».

Действительно просто. Я оглянулся, чтоб понять, как на это реагируют мои коллеги-стажеры. Их было пятеро вместе со мной, и четверо включая меня самого слушали с напряженным вниманием; пятый же парень, которого звали Вайнрайд, был более расслабленным. Он, крутя ручку между пальцами на манер Валь Кильмера

в фильме «Совершенное оружие», подался ко мне и прошептал: «Вторым быть нельзя, Маврик...». «Да ты опасен, Крутыш», – ответил я, и мы обменялись улыбками. Но, несмотря на шуточки такого рода, на самом деле в том, что здесь происходило, не было ничего смешного или забавного. В течение четырех недель каждый день состоял из рутины. По утрам у нас был трехчасовой семинар, он состоял из серий модулей, стоявших целого года в школе бизнеса. Нам преподавали профессора наиболее престижных институтов. Одна дама из Вартона, например, преподавала у нас финансы, и результаты тестов, которые мы прошли, аккуратно ею фиксировались.

Обедали мы в кафетерии; после этого шли на семинар, где знакомились с компьютерными программами. Этот класс мы проводили, сидя полукругом вокруг инструктора с мягким голосом и внешностью библиотекаря. Вайнрайд прозвал это занятия «семейные чтения Майкрософт», и, наконец, после обеда мы разделялись на две команды по два человека для занятий, которые Шерман называл «мягкой тренировкой». Во время этих занятий нас погружали в реальные жизненные обстоятельства – такие, как работа с капризным клиентом, или нежелающим сотрудничать начальником финансовой службы. Нас учили понимать стиль мышления другого человека, угадывать его замысел и перестраивать его с тем, чтобы достичь желаемого результата. Можно было бы образно назвать эти уроки, как занятие интеллектуальным дзюдо для деловых людей.

Я вижу, что вы впечатлены тщательностью нашей подготовки. Я тоже был впечатлен. Она была, по сути, воспитанием систематического прагматизма (назовем это профессионализмом), который отличает успех вашей страны во многих областях. В Принстоне обучение предполагало творческий подход; в «Андервуд Сэмсон» творчество не практиковали (хотя оно там присутствовало и ценилось), ибо они отдавали предпочтение эффективности.

Беседа птиц

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ КАЗАХСТАНА

Перевод с казахского *Николая Переяслова**

Танакоз Толкынкызы (Ильясова)

Танакоз Толкынкызы (Ильясова) родилась 2 ноября 1977 года в городе Алматы. Там же окончила республиканскую школу № 2 с углубленным изучением казахского языка и литературы. В 1999 году после успешного завершения Университета мировых языков стала обладательницей стипендии «Болашак». В 1999–2000 годах училась в Университете Роберта Шумана в городе Страсбурге во Франции.

Еще будучи школьницей, начала писать стихи. Первое ее сочинение было опубликовано в 1988 году в журнале «Пионер».

Удостоена главных призов по итогам конкурсов «Весна поэзии», фестиваля «Жас толкын» в номинации «литература», республиканского конкурса «Поэтессы Казахстана», заняла второе место на конкурсе, посвященном Артыгали Ибраеву, третье – на международном фестивале «Шабыт» и по итогам телеконкурса «Меня зовут Махамбет».

Стихотворения вошли в ряд сборников – «Антология стихотворений молодых поэтов», «Преклоняясь перед Махамбетом» и другие. Также занимается переводом литературных произведений с французского на казахский язык. Первый персональный сборник «Мы – горцы» был издан в издательстве «Елорда».

В 2001–2007 годах Танакоз Толкынкызы работала помощником консула в посольстве Франции в Казахстане, в 2007–2008 – журналистом республиканской газеты «Айкын», в 2008 – телеведущей поэтической программы «Шабыт шыны» на телеканале «Алматы».

С февраля 2008 года – главный редактор газеты «Дайджест.KZ».

* Николай Переяслов (р. 1954) – поэт, прозаик, критик, эссеист, переводчик. Автор 15 книг и множества публикаций в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Казахстана, Туркменистана, Германии, Болгарии, США, Китая, КНДР и других стран. Секретарь Правления Союза писателей России; действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Союза журналистов Москвы, Международной федерации журналистов и Международной ассоциации писателей и публицистов. В настоящий момент – помощник мэра Москвы Ю.М. Лужкова.

Без пристанища

В потоках струй – пристанища не сыщешь,
народ бежит, спасаясь, от дождя.
И лишь слеза, из глаз моих сойдя,
примкнет к тем каплям, что струятся свыше.

Средь острых скал – пристанища не сыщешь,
здесь лишь вершины гордые царят,
что серебром в лучах зари горят,
да по ущельям – дикий ветер свищет.

Средь зноя дня пристанища не сыщешь,
и в родниках – пристанищ тоже нет.
Земля без нас лежала тыщи лет,
и не сказать, чтобы грустила слишком.

Вот стольный град. Войди в него, гоним
не покаяньем, а огнем ристалищ,
и гордый нрав свой, что бежит пристанищ,
как стяг победный, водрузи над ним!

* * *

Я не лавина, что летит по склону,
и не росток зеленый у тропы.
Я – пустота лишь, что подобна клону.
Я – ноль, никто. Я только часть толпы.

Нет, я не фреска, что хранит ЮНЕСКО,
над ней трясась как неусыпный страж.
Мечты — угасли, не оставив блеска,
прошли, растаяв, как в степи мираж.

Полжизни – пир. Вторая половина –
то труд, то бунт среди снега и дождя.
И дух мой – рухнул, как со скал лавина,
и всю судьбу перечеркнул, шутя...

* * *

Наш мир умрет без желтого огня
сентябрьских рощ и черных стай грачиных!..
Хочу, чтоб кто-то полюбил меня –
за просто так,
бездумно,
беспричинно.

Характер мой упрямый не кляня
и не ища во мне повадки царской,
хочу, чтоб кто-то полюбил меня,
как любят дети белый снег январский.

Стереотип придуманный гоня,
что собран был по фильмам и эстрадам,
хочу, чтоб кто-то полюбил меня
не потому, что нет прекрасней рядом.

Наш мир умрет, коль смех изгонит прочь –
ведь смех, как солнце, темень проясняет.
Не удивляйтесь
тем, кто любит ночь,
своей любви никак не объясняя.

Была б я зверь – дала б себя убить.
Но как – ненужной – кануть в смерть-пучину?
Я так хочу кого-нибудь любить –
за просто так,
бездумно,
беспричинно...

ОДА ЗОНТУ

«Если горы замерзнут, то я ль буду в том виноват?» –
говорил стылый дождь, заслоняя собой горизонт.
Мы искали прибежища, в двери стучась наугад,
позабыв дома зонт.

Дождь, как гвозди, вонзается в грунт –
чтобы цветы расцвели вместо лужи.
И, верша многотысячный бунт,
раскрывают зонты свои души.

Кто бы душу свою ни открыл,
распахнись ему нынче удача,
словно пара зонтов – пестрых крыл?..
О, душа моя – родина плача!

Только пни от бывшего леска...
Только души терзает тоска...
Кто-то встал, перекрыв горизонт,
над собой держа зонт...

В тот момент, когда дождь отгудит
уходящей водой в водостоках,
снеговик глянет с болью в груди,
чтобы мы не столкнулись в потоках,
заплутав в направленьях и сроках.

Истомившись пристанища тьмой,
я шагнула под дождь многожильный.
...Впору плакать, как дождик, самой –
хоть бы кто-нибудь зонт предложил мне!..

* * *

Все нервы – в клочья! Я едва очнулась,
щенком побитым раны зализав.
И стало мне наукой прятать чувства
то слово, что никто мне не сказал.

Живу одна. Никто со мною песню
не запоеет, взглянув в мои глаза.
Так мое сердце напоило спесью
то слово, что никто мне не сказал.

Весь мир вокруг – лишь место для скитаний,
отечество – не больше, чем вокзал.
Навек меня лишило всех мечтаний
то слово, что никто мне не сказал.

Не битва мою силу подкосила,
не враг мою отвагу растерзал.
Костер, во мне пылавший, погасило
то слово, что никто мне не сказал.

Оно мне в грудь вошло, как остры вилы,
и, в мир втолкнув, словно в огромный зал,
поэзией мне душу отравило –
то слово, что никто мне не сказал!

* * *

Взгляни в себя – и в сердце иль в крови
найди вакцину, что всю боль излечит.
Как ни влечет меня предчувствие любви –
Страшусь я встречи.

Входя в трамвай, от страха чуть дышу:
а вдруг нас там прижмет толпа друг к другу?
Сойду скорей, как будто я спешу...
Вновь – все по кругу...

Моей не в силах изменить судьбы,
стал черт – святошей, а мой ангел – пьянью.
Бреду, устав от долгих дней борьбы,
меж сном и явью.

Не я ль мечтала в тишине ночей
о страсти той, что разрывает душу?
Не я ль стреляла искрами очей,
а ныне – трушу?

Я не могу понять: ты – похититель
тех чувств, что я растила, как дубы,
иль ты – мой царь и сладкий повелитель
моей судьбы?

Взгляни в меня – и в сердце иль в крови
найди вакцину, что всю боль излечит.
Как ни страшит предчувствие любви –
а жду я встречи...

* * *

Я знаю: пускай выше гор – небеса,
но горы их высям не станут завидовать.
Пусть солнце слепит им лучами глаза –
они своей боли слезами не выдадут.

Я знаю: пусть сыплют проклятья мне вслед –
земля подо мной не просядет болотом.
Железо руками не гни – проку нет,
лишь мышцы порвешь и покроешься потом.

Я знаю: орел, погибая в бою,
не просит врага, что сильней, о пощаде.
Оставьте насильно без жала змею –
она не заплачет о яде.

Я знаю: пусть слабой меня назовут,
пусть свергнется ливень стеною,
пусть слава и почести мимо идут,
но дар стихотворный – со мною.

Я знаю: хоть тоннами воздух скупай,
душа им вовек не напьется.
Хоть в землю на локоть слова закопай,
поэзия – снова пробьется!

Куролой Омарова

Куролой Болатовна Омарова родилась 2 марта 1983 года в Восточно-Казахстанской области, в городе Зайсан.
В 1996 году поступила в гимназию им. Жамбыла Жабаева в городе Усть-Каменогорске, которую окончила в 2000 году.

В 2000 году поступила в Восточно-Казахстанский Государственный университет им. С. Аманжолова, которую окончила в 2004 году, по специальности – филолог.

В 2007 году стала обладателем «Гран-при» на международном конкурсе «Шабьт» в номинации – «Литература».

В 2008 году в издательстве «Жалын» выпустила сборник стихов «Ак кар».

В настоящее время работает в городе Алматы журналистом на радиостанции «Казак радиосы».

Молчаливый разговор

Я шла за верой, ею защищалась,
и тем – себе вредила вновь и вновь,
когда, найдя заветную любовь,
я с нею тут же в гордости прощалась.
И телефон, как куклу, обнимая,
стояла я, его в руках качая.
Для вас молчанье – исповедь немая,
а для меня – прощанье.

Выходит, что и Богу не дано
оспорить то, что суждено судьбою?
И, распахнув смертельное окно,
покончит одиночество с собою.
Спасай меня, звенящих строчек творчество!
Исчезни прочь, постылое страдание!
Для вас волнение – это одиночество,
а для меня – любовь и ожидание.

Грусть – холодней, чем горный снег и лед.
Тот, кто любил, тот боль мою поймет.
Мне голос ваш – как будто меда бочка,
к нему летят до сладких блюд охочие...
Тут все – мое! Подите прочь, все прочие!
Всем ваше хладнокровие – лишь точка,
мне – многоточие...

СНЕГ

Белый снег сквозь мир кочует,
на моих лежит плечах
Говорят, что снег – врачует,
отчего ж во мне – печаль?

Я б снежинкой стала – пусть!
Но – под ноги пасть боюсь...

Белый снег летит сквозь страны,
словно белых высей плач.
Отчего же мне так страшно?
Небо – вовсе не палач!

Снег слетает – нежен, плавен.
В каждой из снежинок – ангел...

Белый снег летит сквозь души,
где вопрос зовет ответ.
Стань ребенком, бей баклуши,
в снег – любой из нас поэт!

Я качусь слезинкой... Пусть!
Лишь – под ноги пасть боюсь...

ОБИДА

Тебе звонить я больше не хочу
и, избывая грусть свою, фальшиво
бравируя отвагою, шучу:
«Душа – мертва, но плоть и разум – живы!»
А закрывая перед сном ресницы,
прошу тебя хоть раз мне не присниться.

Как долго воевать с собою мне?
Я думала, ты будешь стих мой лучший!
А нынче, как Незайка на Луне,
хожу – и невесомость меня мучит.
Ни веса в теле,
ни в душе – огня.
Ты – вор, укравший сердце у меня...

Истина

Мы счастья просим – вынь да положи!
 Но есть ли смысл земным добром гордиться?
 Ведь там – за краем жизненной межи –
 нам ничего уже не пригодится.

И в край бесплотный, что прозрачно тих,
 омытый слез божественных купелью,
 с душой моей отправится лишь стих,
 написанный весеннею капелью.

И в Судный День, когда считать грехи
 начнет мой ангел, жизнь мою итожа,
 вместо молитвы я прочту стихи,
 и он – поймет... и тронет крылья дрожью...

Я птиц любила, и еще – зверей,
 жила, порой сама себе переча.
 Проснусь в раю и, выйдя из дверей,
 увижу вдруг – идет Аллах навстречу.

В него я верю сквозь сомнений тьму,
 и часа жду, когда приду к нему.

За днями дни проходят чередой.
 Зову мечты, надежды через дали
 те, что меня наедине с бедой
 и в самый трудный час не покидали.

Гляжу вокруг: в душе и грешник – чист,
 и из Корана стих пишу на лист...

Даурен Бериккажыулы

Даурен Касенов (Даурен Бериккажыулы – литературный псевдоним) родился 15 мая 1974 года в селе Карабута Урджарского района Восточно-Казахстанской области (бывшая Семипалатинская область, Маканчинский район).

После окончания школы поступил в Алма-Атинский педагогический институт иностранных языков, который окончил в 1996 году (ныне Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана).

Трудовую деятельность начал в качестве учителя в школе с углубленным изучением английского языка № 12 города Алматы.

С 1999 по 2002 год преподавал на факультете международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби.

В последующие годы работал в ТОО «Caspian Training Group», где преподавал английский для молодых специалистов компании «Agip» (в городе Атырау) и в Казахско-Британском техническом университете в качестве главного менеджера РИЦ.

В данное время Даурен Касенов (Бериккажыулы) работает продюсером отдела кинопоказа и дубляжа национального телеканала «Казахстан».

Член Союза писателей Казахстана с 2001 года.

В республиканских СМИ печатается с 1994 года. Его стихи многократно входили в различные антологии.

По приглашению организаторов в 2008 году был участником Эдинбургского международного книжного фестиваля (город Эдинбург, Шотландия).

В 2008 году участвовал в семинаре «New Silk Way», организованном Британским советом (лекторы Паскаль Пети и Тобиас Хилл).

Публиковался в «Литературной России» (№ 37, 12.09.2008), в группе участников конкурса молодых поэтов СНГ, отмеченных экспертами жюри МСПС, «Русской Премии» и конкурса «Дебют».

Автор 4 сборников стихотворений.

Лауреат первой премии республиканского конкурса молодых поэтов им. С. Тома нова (2003 год).

Главный призер поэтического конкурса среди преподавателей КазНУ им. аль-Фараби (2000 год).

Дипломант республиканского конкурса «Жаңа ғасырға – жаңа ән» («В новый век – с новой песней»), 2000 год.

Занимается переводом англо-американской поэзии на казахский язык.

* * *

Влюбленным быть – я знаю, это значит –
воспоминаний миги смаковать
и, слыша, как счастливо сердце плачет,
то ликовать, то молча тосковать.

Влюбленным быть – я знаю, это значит –
томясь в разлуке, строчки рифмовать.
И, наплевав, о чем вокруг судачат,
твои следы повсюду целовать.

Влюбленным быть – я знаю, это значит –
в своих зрачках такой нести огонь,
что ни очки защитные не спрячут,
ни заслонившая глаза ладонь.

Влюбленным быть – я знаю, это значит –
спешить к мечте, подобно кораблю,
и, пробудившись от духовной спячки,
на целый Космос крикнуть: «Я люблю!..»

* * *

Не несите роз мне на могилу,
мертвые цветы – гнетут мой взгляд.
Мне всегда живое было мило –
трепетанье, краски, аромат.

Вы цветы посейте у могилы –
ведь и я ушел от вас в цвету.
Коль уж жизнь мне счастья не открыла,
пусть хоть смерть подарит красоту!

Я прошу вас, не забудьте это,
мою плоть на кладбище везя,
ведь душа любого из поэтов –
бабочка! Ей без цветов – нельзя.

Не несите роз мне на могилу,
мертвые цветы – гнетут мой взгляд.
Мне всегда живое было мило –
трепетанье, краски, аромат...

* * *

Не земля, а скорее – морское дно.
 Как здесь люди, деревья и птицы дышат?
 Я смотрю на залитое ливнем окно –
 что за стих на нем струйки, как строчки, пишут?

Дождь танцует на улице, на лугу,
 в водостоках гудит, точно гимн Вселенной.
 И я в мыслях своих через лужи бегу –
 словно в детстве, штаны закатав по колена!
 Детство – рядом еще, в четырех шагах,
 там так много осталось всего хорошего!
 Моя память – шатер, я лежу в нем, как шах,
 как вином, наслаждаясь глотками прошлого.

Дождь прозрачен, чист, как сама мечта.
 Он меня превратил, словно в сказке, в карлика,
 и в скорлупке несет вдоль домов, моста –
 видно, сила живет колдовская в капельках!

Дождь прозрачен, чист – как сама мечта...

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ильшат Саатов

Ильшат Габитович Саатов (р. 1980) – руководитель медиапроектов в представительстве Платформы «Диалог Евразия» (ПДЕ) в Казани. Стихотворения и прозу всегда писал исключительно для себя, никогда не публиковал. Читать поэзию, в отличие от прозы, не любит, но «не писать не может».

СОБЛАЗНЫ ШАЙТАНА

шайтан шептал соблазны
 в мою пустую голову,
 в морс, в торс. Разные
 изящные ноты чертовы
 мелодией искусно вились,
 пародией вкусно сплелись.
 остался лишь страх и она,
 искренности последняя струна.
 не лопнет, мы надеялись.
 «не пробуйте», – светила луна.
 нагие нервы. брысь!
 тень от чужого валуна.
 21.06.09

ТЕНИ РАЯ

влюблялся в тебя
 а получилось – в Бога.
 раньше не знал
 что Его так много.
 о тенях рая
 плачут народы.
 слезы и годы
 странного мая.
 в команде – замена:
 новые линзы.
 стеклянную брынзу
 умяли спортсмены.
 13.05.09

АНГЕЛ СМЕРТИ

видели мы ваши смерти
 без гроба смотрели вбок
 поседели даже плети
 и сломался мой слог.
 когда вырывали душу
 грехи разрывали плоть
 все тише, глуше и суше,
 сердце перестало колотъ.
 нейроны делились на части
 из ноздрей выливался мозг
 ангел смерти, ангел счастья
 расплавил ресницами воск.
 9.06.09

АЗАН

Аллах превыше всего,
 Другое – пыль на ветру,
 Лишь Аллах – то, что есть,
 Остальное – туман поутру.
 Нет равного Ему, я верю.
 Нет ничего, кроме Него. Я исчезаю.
 Мухаммад – Его раб и пророк, я говорю.
 Мухаммад – Его речь в миру. Я знаю.
 Добро пожаловать на встречу Бога с Богом.
 Радуйтесь присутствию и слову!
 Спешите на встречу, бегите на свободу!
 Уходите от себя к Нему, снова и снова.
 Аллах – Велик, Бог – лишь Он.
 Все, что не Аллах – сон.
 3.04.09

Миллионы доз

я влюблялся миллионы раз
 я покупал миллионы роз
 я впитал миллионы доз
 я расслезил миллионы глаз
 Все не то, все – ничто, все – не Ты
 Все недостойны моей мечты
 Я хотел бы быть, хотя бы сейчас
 Но, знаешь, любовь, и я пас
 Между Тобой и нами
 Между Единицей и нулями
 Застрял мой бедный мозг
 Ему бы сорок свежих роз!
 27.02.09

НЕ СТЕРПЕТЬ

не слишком обремененные вокалом
 с красно-желтым треснувшим бокалом
 ходили люди в слепых глазницах
 голосили хрипотой в больницах.
 и сколько бы ни требовали жить
 тебя калькой пробовали бить
 мы молчали, как склепы, миллионы лет
 как апокалипсис, пока его нет.
 между чистой и страшной росой
 девочка скользила тихо босой
 испаряясь прозрачной косой
 плача, смеясь, давясь лозой.
 слабым отблеском вечернего рассвета
 солнце играло в прятки где-то
 востока не стало, все узнали,
 что жизнь свою глупо проспали.
 было поздно. пришла смерть.
 миллиарды раз. больно, не стерпеть.
 12.05.09

НЕ НАШ ОСТРОВ

не это ли наш остров?
кричали горящие рыбы
может Гавайи? или Карибы?
но они в лапах монстров...

солнце палило,
рыбы догорали.
сердце остановилось,
веки улетали.

остывание многих причин
всем твоим бедам ответ
очищение кожуры личин
твое нутро, твой мольберт.

скольким бы вуалям
ни поклонялся ты
они уйдут в дали
они — лишь тень от мечты.

только Он и в то же время
сколько маневров вокруг.
экзамен. райское семя
в почву быта бы воткнуть.

душа расщепляется на части
грудь рвет на осколки
все мы одного Адама масти
все одной Евы потомки.
28.02.09

Чудеса стран

РОССИЯ, ВОСТОК И ЗАПАД ГЛАЗАМИ «СИГМЫ»

Борис Сыромятников*

Часть III**

Шейх ХАЗАЛЬ

(Из путевых заметок)

[С.Н. Сыромятников. «Русский Вестник», 1902, № 5, с. 179–195]

«**П**еред моим отъездом из Бушира в Багдад я отправил своего помощника с моим слугой Бекиром Гамазовым сухим путем в Мохаммеру¹, город, стоящий при впадении реки Кируна в Шатт-эль-Араб². Я поручил им ознакомиться с северо-западным углом Персидского залива и, если можно, дожидаться меня в Мохаммере, куда я намеревался приехать из Куэйта. 17 июня 1900 г. маленький отряд моего помощника сел на барку в Бушире, чтобы, переехав залив, отделяющий от материка Буширский полуостров, снарядить караван в Шифе, персидской прибрежной деревне, из которой идет вьючный путь на север в Шираз и Тегеран. Я и доктор Вернер, русский врач, командированный в Бушир Чумной комиссией, проводили путешественников добрыми напутствиями, и когда барка, подхваченная юго-восточным ветром, быстро пошла через залив, возвратились по раскаленной набережной в дом армянина Гульсаба, где жил доктор, гостеприимством которого я пользовался. Было 30 градусов по Реомюру³ в тени, и даже сырой горячий ветер, пропитанный фосфористыми испарениями мелкого залива, казался благодеянием неба. Набережная была пуста. Персияне страдают от сырой жары, пожалуй, сильнее нас, русских, и с десяти часов утра до заката солнца Бушир летом кажется вымершим. Только в покрытых циновками галереях гостиного двора сидят, поджавши ноги, купцы и ремесленники и курят свой неизменный пахучий кальян.

19 июня я выехал из Бушира в Басру на английском пароходе «Khandalle», выдержал там десятидневный карантин, схватил гнилую лихорадку в этом пальмовом болоте, поднялся в Багдад, пробыл там десять дней, пользуясь гостеприимством нашего консула, А.Н. Круглова, возвратился из Багдада в Басру, счастливо побывал

* Борис Сыромятников (р. 1945). В 1969 г. окончил электрофизический факультет ЛЭТИ. Работает в области испытаний электрооборудования высоким напряжением. Опубликовано более 40 работ по специальности. Последние 10 лет увлечен историей России времен Русско-японской войны. Занимается воссозданием истории жизни и деятельности на службе России своего двоюродного деда, публициста, востоковеда и переводчика Сергея Николаевича Сыромятникова.

** Окончание. Начало см.: Четки. 2009. № 1. С. 91–106; 2009. № 2. С. 97–111.

¹ Мохаммера – прежнее название г. Хорремшехр (Иран).

² Река в Ираке и Иране, образующаяся при слиянии рек Тигр и Евфрат.

³ В прошлом – единица измерения температуры. 30 градусов по Реомюру соответствуют 24 градусам по Цельсию.

Из иллюстраций
к неопубликованному изданию
«Очерков Персидского залива»
С.Н. Сыромятникова

в Куэйте, и, с письмом Куэйтского шейха Мубарэка к шейху Хазалю Мохаммерскому, в третий раз прибыл в Басру, чтобы оттуда на пароходе спуститься в Мохаммеру, расположенную в 27 милях к югу от Басры. С моей стороны было ошибкой делать крюк из Куэйта в Басру вместо того, чтобы ехать из Куэйта в Мохаммеру на яхте шейха, которую тот предоставлял в мое распоряжение, но я оставил там большую часть своего багажа и слугу Стоматиона, полуармянина, полугрека из Карасубазара, спасшегося от воинской повинности в Калькутту, занимавшегося портняжным ремеслом в Бушире и отзывавшегося на кличку «Вассос», которую я ему дал в честь героя Греко-турецкой войны.

В субботу, 12 августа, отходил из Басры в Мохаммеру маленький пароход компании «Lynch Brothers» – «Malamir», совершающий рейсы по Каруну. И я еще накануне перебрался на него, простившись с Басрой и ее симпатичным валием¹ Муксином-пашой, который угощал меня по ночам на прохладной крыше своего дома ракией с солеными огурцами и рекомендовал мне занять Бендер-Аббас, дабы иметь базу для русского флота в заливе. «Дайте мне две канонерки, – говорил он, – и я приведу под власть султана все южное побережье залива, от Басры до Маската. Никогда бы Бах-

¹ Валий (вали) – правитель области.

рейнский шейх не отдался под покровительство Англии, если б здесь были две канонерки султана. Эффенди, верьте мне, Россия должна помочь Турции на Заливе, иначе англичане все захватят».

Муксин-паша получил анненскую звезду за сердечный прием, оказанный им перед тем «Гиляку», и дружил с русскими, но очень боялся английского консула, который, между прочим, запретил одному английскому подданному давать мне в наймы пароход, когда мне нужно было, на обратном пути из Куэйти, добраться из Фао до Басры, – хотя пароход этот нанимал для меня сам паша. Но, несмотря на страх перед англичанами, турки являются на Персидском заливе единственной властью, которая решается бороться с ними, и мне рассказывали, как один смелый турецкий офицер стрелял в английского адмирала, подъехавшего на паровом катере осматривать турецкий форт Фао несмотря на запрещение этого офицера.

«Malamir» снялся с якоря в час пополудни, и около четырех часов мы причалили уже к Мохаммере. Путешествие по Шатт-эль-Арабу было бы одним из приятнейших, если бы не жара и песочные бури, которые случаются там летом и налетают иногда с такою силою на пароходы, что те выскакивают на берег. Прекрасная в две версты шириною река течет медленно, между низкими берегами, покрытыми роскошными финиковыми пальмами. Длинные острова разделяют реку на протоки, дачи помещиков и деревни чередуются по ее берегам. А за этими пальмовыми садами, которые дважды в день орошаются высокими приливами реки, с обеих сторон идет выжженная пустыня. На правом берегу уходит она в Аравию, на левом тянется до гор, по которым идет граница между Персией и Турцией. И только бедные кочевья арабов оживляют эту пустыню, среди которой Шатт-эль-Араб кажется райской, животворной рекою. На этой реке в Басре и Багдаде развилась, принесла роскошные плоды и быстро увяла удивительная арабская гражданственность и просвещение. В Басре создались арабские сказки «Тысяча и одной ночи». Из Басры отправлялся Синдбад-мореход в свои таинственные плавания. И теперь, по его следам, арабы везут на барках и на пароходах коней своих в Индию, получая оттуда все, чем приятна восточная жизнь. Древняя связь Басры с Индией и объясняет во многом высокую степень просвещения и образованности древнего Багдадского халифата.

У пристани, на правом берегу Каруна, стояла толпа арабов и, к моему удивлению, между ними были мой человек, Бекир, и переводчик моего помощника Леван, армянин, бежавший из Закавказья вследствие «ссоры с властями». Он не то убил ударом самоуара по голове свою тещу, не то занимался контрабандою. Я нашел его в Бушире, где он чинил швейные машины и служил переводчиком у доктора Вернера; убедившись в знании им персидского языка, я взял его в переводчики к моему помощнику. Оказалось, что помощник мой возвратился уже в Бушир и ждал меня там, а своих людей послал обратно в Мохаммеру за жеребенком, которого ему подарил шейх. Люди ждали моего прибытия, так как шейх, у которого они жили в Фелиэ, его дворец верстах в трех выше Мохаммеры, сказал им, что с пароходом будет их господин. Шейх был в это время в Мохаммере, у английского вице-консула, и я послал ему с моим арабским переводчиком письмо от Куэйтского шейха, в котором тот рекомендовал меня в самых теплых выражениях. Шейх передал мне через переводчика, что он ждет меня к себе на другой день и что он на следующее утро прилетит за мною людей и лодки. Лодки эти – длинные ялики, или каюки, управляются не веслами, а шестами и ходят у самого берега. Арабы

называют их «беллам». Связав два таких беллама и укрепив между ними парус, я плыл из Басры в Фао и едва не утонул. Белламы так валки, что пассажиры лежат в них на дне, на продолговатых подушках, а лодочники, ловко перебегая по бортам, двигают лодки длинными бамбуковыми шестами. Так как Басра стоит на мелком длинном канале Ашаре, то белламы заменяют там извозчиков. Белые, узкие, с палаткой на середине, они быстро двигаются взад и вперед между берегами канала, заросшими пальмами, и придают этой месопотамской Венеции какую-то своеобразную восточную прелесть.

Я не пошел осматривать Мохаммеру, потому что этот городок не имеет никаких достопримечательностей, да и мой помощник должен был собрать о нем сведения. Меня интересовала личность шейха. На левом берегу реки, против пароходной пристани, среди высоких тростников стоит глинобитное здание таможни; выше по реке виднелись бурые домики с плоскими крышами, в которых живет пятидесятичное население этого арабского города. Мохаммера имеет значение как единственный водяной путь внутрь Персии, ибо Карун есть единственная судоходная река этой страны. Испуганные нашими успехами на севере Персии, англичане осенью 1888 года получили право плавания по этой реке, и компания Линча, сильно субсидируемая английским правительством, посылает один пароходик до Ахваза, на Каруне, в двухстах верстах от впадения его в Шатт-эль-Араб. Выше Ахваза река делается мелкой, и хотя по ней и можно добраться до Шустера, но путь этот столь неудобен, что водяному пути предпочитают караванный. Компания братьев Линч затратила много денег, чтобы устроить дорогу от Шустера до Испагани¹. На ней поставлены железные мосты, кое-где исправлены подъемы. Князья кочевого племени бахбаров, через земли которых идет эта дорога, получают от Линча субсидии за охрану караванов или, лучше, за воздержания от грабежа их. Но естественные затруднения так велики на этом пути, что ввоз в Мохаммеру за последний год не превышал 2.800.000 руб., а вся ее торговля выражалась в цифре 4 миллиона рублей, тогда как ввоз через Бушир равняется 13.6 миллионам руб.

Вся область от турецкой границы, которая проходит от Шатт-эль-Араба, на северо-западе к горам Пушти-Кух, верстах в пяти выше Мохаммеры, – до реки Джерахэ, впадающей в северо-западный угол Персидского залива, занята арабами племени Чаль, или Кааб – полукочевым, полугосподарским народом, управляемым своими наследственными князьями, которые считаются персидскими губернаторами, подчиненными генерал-губернатору в Шустере. Главный из них есть шейх Мохаммеры. Зависимость шейха от персидского правительства очень условна. Правда, персидское правительство имеет в Мохаммере своего политического агента, но там нет ни одного персидского солдата и таможня до последнего времени принадлежала шейху, который успокаивал подозрительность Тегерана крупными подарками, «пешкешами», саадраму (визирю) и министрам. Старший брат нынешнего шейха Мизаль, отличившийся умом и энергией, расширил свои пальмовые плантации, купил два парохода, построил крепкий дворец в Фелиэ, похожий на крепость, и был убит своим младшим братом, Хазалем, которого персидское правительство утвердило в титуле Муэз-эс-Салтанэ-Эмир-Туман (подкрепляющий царство повелитель десяти тысячного войска), который носил его брат.

¹ Испоган (Исфахан) – город в Иране, административный центр одноименной провинции.

Вечером на пароходе пришел английский вице-консул, Мак-Дуаль, которого я, по внешнему виду, принял за лавочника. Он оказался добрым малым и рассказал мне о тех русских, которые проезжали через Мохаммеру. Ему очень хотелось узнать о цели моего приезда. Я сказал ему, что ездил в Багдад, чтобы повидаться с моим другом, русским консулом, и что теперь возвращаюсь в Россию. Разумеется, Мак-Дуаль не по-

Из иллюстраций
к неопубликованному изданию
«Очерков Персидского залива»
С.Н. Сыромятникова

верил моим словам, но это не помешало нам провести вечер в веселой беседе.

На другой день, утром, из Фелиэ приехали лодки за мною и вещами, и наш маленький караван, состоявший из пяти человек, медленно поплыл вверх по реке у самого ее берега, из которого выдавались жилистые корни финиковых пальм. Скоро мы вошли в канал, впадающий в Шатт-эль-Араб с левой стороны, и остановились у довольно большого колесного парохода «Карун», который был отдан шейхом в мое распоряжение. Посланные шейха сказали мне, что в каюте этого парохода жили все европейские гости шейха, между ними и князь Дабижа, российский консул в Испагани. Осмотрев рубку, я нашел ее очень удобной для обитания и послал сказать шейху, что доволен помещением. Мой арабский переводчик объяснил мне, что шейх никому не дает приюта в дворце своем, так как боится за свою жизнь: значительная партия приверженцев убитого им брата ищет случая убить его и передать власть его племяннику.

Приведя себя в порядок и отыскав в чемодане скромные подарки шейху: эмалевую ендову¹ работы Овчинникова и хорошее издание Корана, я пошел во дворец в сопровождении людей моих. Перейдя набережную, мы вошли в двойные ворота, пространство между которыми было занято вооруженными людьми

ми шейха: рослыми бедуинами, в белых костюмах, арабами – в коричневых плащах и неграми с свирепыми лицами. Все они держали на плече ружья Генри Мартини.

¹ Ендова – низкий ковшеобразный сосуд с одной или двумя ручками для разливания жидкости.

На широком дворе, обнесенном высокой стеной, перерезанной бойницами, сидели группы арабов с библейскими посохами. Из этого двора ход шел налево, во внутренний двор с водоемами и кустами гранат. Отсюда, по узенькой лестнице, между шпалерами стражи, я поднялся в маленькую прихожую; пройдя ее, вошел в приемную, в дверях которой меня встретил шейх. Это был высокий, полный брюнет, с черными кудрями и маленькой бородкой. Голова его была покрыта белой чалмой, его халат был стянут широким золотым поясом, усеянным крупными алмазами. Его молодое красивое лицо – шейху было тогда 37 лет – дышало смесью добродушия, хитрости и ума, но иногда какие-то нехорошие тени пробегали по уголкам его рта и на гладком лбе образовывались глубокие морщины. В декабре 1897 года он убил своего брата, и он чувствовал, что среди его телохранителей есть люди, которые отмстят за убитого.

После обычных приветствий, я поблагодарил Хазаля за гостеприимство, оказанное им моему помощнику; сказал, что мне давно хотелось познакомиться с умным и знаменитым шейхом; что драгоман французского консульства в Бушире, Мирза Хусейн, рассказывал мне о нем много хорошего. Я говорил по-французски, а мой переводчик Иса Геду, воспитанник багдадских кармелитов¹, переводил мои слова на арабский со всеми цветами восточного красноречия. Рядом с шейхом стоял его секретарь, персианин Абдул-Меджид, учившийся в Калькутте и хорошо говорящий по-английски. Мы сидели в креслах, в большой комнате окнами в сад, за которым протекал Шатт-эль-Араб. Стены и потолок этой комнаты были выложены зеркалами, между которыми были вставлены раскрашенные литографии парижских красавиц mil huit cent trente². В этом смешении героинь Бальзака с персидским зеркальным потолком и суровыми, загорелыми лицами арабов, которые пристально на меня глядели, было что-то очень странное; но, несмотря на нелепость обстановки, аудиенция шла в таком серьезном тоне, точно я был не в Фелиэ на Шатт-эль-Арабе, а в дипломатических приемных на Quai d'Orsay³ или на Downing Street. Шейх сказал мне, что я первый русский, которого он видит у себя. В прошлом году был у него русский

Из иллюстраций
к неопубликованному изданию
«Очерков Персидского залива»
С.Н. Сыромятникова

¹ Кармелиты – члены католического нищенствующего монашеского ордена, основанного во 2-й половине XII в. в Палестине.

² Имеется в виду мода времен Июльской монархии во Франции (1830–1848).

³ Quai d'Orsay – набережная р. Сены в Париже, где находится здание французского МИДа.

консул из Испагани, а в марте – командир и офицеры канонерки «Гиляк», которых он принимал в этой же приемной. «Мой друг, валий басрский Муксин-паша», – сказал он мне с горечью, – «получил от русского правительства орден за прием русских офицеров. Я принимал их не хуже валия и ничего не получил». И он приказал принести свои персидские ордена. Это были портрет покойного шаха, усыпанный алмазами, и звезда Льва и Солнца первой степени с алмазами и изумрудами. Как я узнал потом, ордена эти были пожалованы его покойному брату Мизалю, который заплатил за портрет шаха 250.000 кран (50 000 руб.), причем алмазы на портрете стоили 14.000 руб., а шейх Хазаль получил от шаха только вышеназванный титул султана и генерала.

В середине беседы шейх спросил меня, доверяю ли я своим людям. Я ответил ему, что доверяю. «А я так никому не доверяю, кроме самого себя, – сказал он с грустной улыбкой. – Наверное и русские продают интересы своего государя», – прибавил он, пристально смотря мне в глаза. Я не ответил, а вынул свою записную книжку, в которой была карта России, и сказал: «Вот какой Россия была в 1500 году, вот такой – в 1600, такой – в 1700, такой – в 1800, такой она является теперь. Если бы русские люди продавали интересы своего государя, Россия не увеличивалась бы, а уменьшалась». Шейх на это, улыбаясь, заметил: «Оттого арабы и любят русских, что русские – честные и доблестные люди». Зная цену восточным любезностям, я холодно ответил шейху.

Во время нашей беседы кафеджи¹ наливал нам кофе в маленькие чашечки, а потом шейх пригласил меня в столовую обедать, извинившись, что он не может есть вместе со мной, так как постится в этот день. На самом деле он ест только у себя в гареме, состоящем из двенадцати жен, где ему готовит пищу мать его единственного сына, так как он боится отравы. Шейх сидел за столом и угощал меня. Рядом с ним сидел приземистый шейх Сульман-ибн-Мансур, дед которого был братом деда шейха. Мне говорили, что его считают самым храбрым человеком в Фелиэ. Он оказывал мне много мелких услуг, часто приходил ко мне на пароход и толковал со мною о политике, что, по-видимому, не нравилось Хазалю. Видно было, что Сульман нуждался в поддержке для выполнения какого-то плана, и этот план едва ли был благоприятен Хазалю. Но чувствовалось, что его храбрость значительно превосходила его ум и сметливость. Наш завтрак состоял из пилава и разных соусов из «бамии», длинных стручков, которые англичане называют ladies' fingers. В плетеных корзинах стояли свежие финики (тамур хелауи), на лепешках хлеба лежала халва из Маската. Шейх предложил мне уиски, но я отказался от этого напитка и пил сладковатый индейский шербет.

После завтрака я ушел к себе на пароход, так как жара сделалась нестерпимой и арабы улеглись спать до трех часов, когда жара начинает спадать. Часовые у ворот дворца спали, опершись на ружья. Я отпивался гранатным соком. В это время ко мне пришел секретарь шейха и завел тонкий разговор по-английски о намерениях России в Заливе и в Персии. «Шейх хочет послать меня на богомолье в Мешхед, – сказал он, – а оттуда близко и до России. Он хотел бы послать со мной коней вашему Государю. У шейха превосходная конюшня. Не хотите ли осмотреть ее? Ее осматривают все иностранцы». Я отказался, сказав, что не люблю лошадей. На самом деле мне не

хотелось делать у шейха то, что делают все иностранцы, и мне было неприятно, что мой помощник, не предупредив меня, принял от него жеребенка и не отдал шейху равноценным подарком. Несмотря на то, что мы были частными людьми в Заливе, мы все-таки представляли там Россию и должны были своими поступками внушать уважение к ней среди местных жителей.

Секретарь шейха жаловался на то, что арабы очень невежественны: говорил, что ему приходится доказывать, что арифметика не противоречит Корану. Он интересовался моими инструментами, спрашивал, как снимают планы, и был в восторге, когда я подарил ему буссоль¹ Шмалькальдера и объяснил ее употребление. Он говорил мне, что шейх Хазаль – человек жаждущий просвещения; что он очень начитан в арабской литературе, сочиняет стихи и хотел бы завести школы на своей земле; что он очень тяготеет персидскими порядками и мечтает о новой Аравии, разрозненные и взаимно враждующие племена которой могли бы, объединившись, образовать сильное государство. Я ответил на это, что шейх мне очень понравился, что я считаю его по первому впечатлению за способного человека, но что объединение Аравии едва ли возможно в настоящее время, так как глубокие религиозные различия разобщают племена ее. «Как вы соедините ваххабита с суннитом, шейха Куэйти с эмиром Неджда?» – спросил я его. Чтобы познакомиться с секретарем поближе, я завел с ним разговор об англичанах. «Шейх не любит их, – сказал мне секретарь, – но поневоле должен дружить с ними. Ему не на кого опереться, кроме них и саадразама². Но они причинили немало зла шейху и его покойному брату. Вот этот пароход был куплен покойным шейхом для плавания по Каруну. А Линч потребовал от шаха, чтобы тот воспретил шейху Мизалю посылать свой пароход в плавание, так как пароход Линча в этом случае не получил бы груза. И вот шах запретил шейху, своему губернатору, то, что разрешил англичанину!»

Когда стемнело, шейх прислал ко мне секретаря просить меня к себе. Я шел по темным переходам дворца, секретарь освещал мне дорогу. На каждой площадке сидели и лежали вооруженные люди. Мы поднимались по каким-то узким лестницам без перил, проходили по площадкам и, наконец, поднялись на самую верхнюю террасу дворца, которая возвышалась над рекой. Но реки не было видно, так как ее закрывала каменная стенка в человеческий рост. Видно было, что и на такой высоте шейх не считал себя безопасным от выстрелов.

На широкой террасе, ограниченной стенкой только с наружной стороны и обрывающейся в темные дворы без всяких перил, был поставлен стол, освещенный свечой в стеклянном колпаке, за которым сидел шейх. К его коленям прижимался маленький худенький мальчик лет 11, бледный, с большими умными, но какими-то страдальческими глазами. Рой мошек и бабочек бился о стеклянный колпак подсвечника. Крупные блестящие звезды глядели на террасу с глубокого, почти черного неба.

¹ Буссоль (франц. boussole) – геодезический инструмент для измерений горизонтальных углов между магнитным меридианом и направлением на какой-либо предмет, специальный вид компаса. В военном деле: прибор для управления артиллерийским огнем, представляющий собою соединение компаса с угломерным кругом и оптическим приспособлением.

² Саадразам (садразам) – титул высшего должностного лица в Османской империи (с XVI в.; равнозначен титулу «великий везир») и в Иране (с XIX в.). Упразднен в XX в.

¹ Кафеджи (тур.) – хозяин кофейни, постоялого двора.

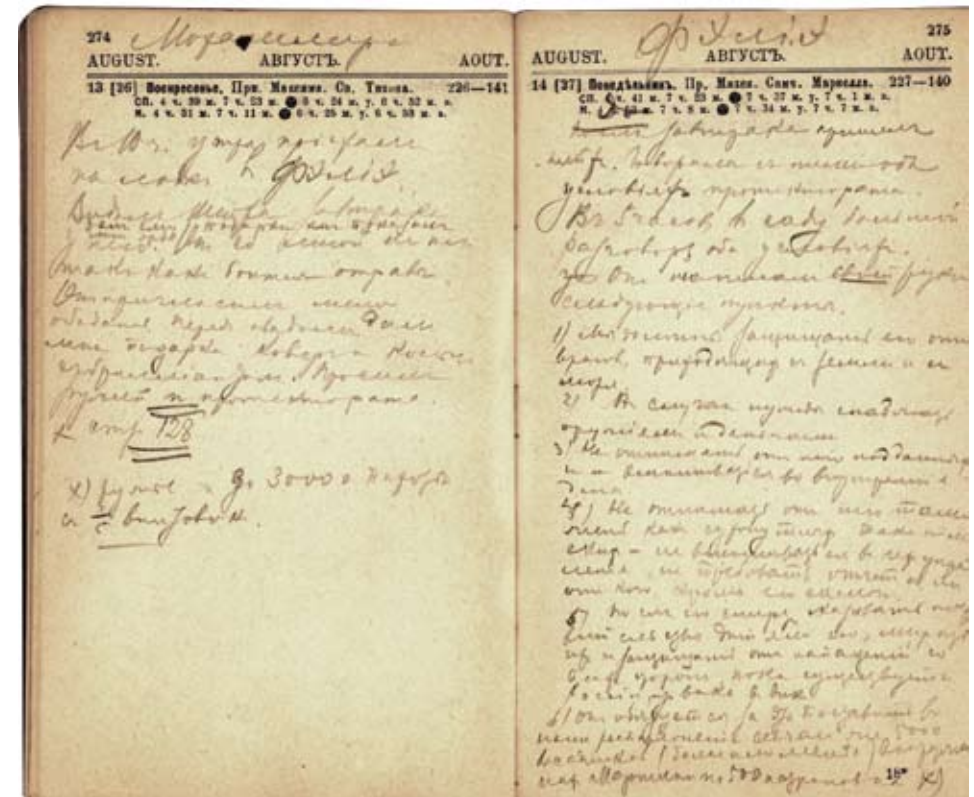
Шейх встал и сделал несколько шагов мне навстречу. Он осведомился, как я провел день, пожаловался на жару и сказал, указывая на мальчика: «Это мой сын. Может быть, ему предстоит тяжелая будущность. Могу ли я надеяться, что вы, русские, можете ему, когда меня не будет?» Я ответил, что буду рад оказать всякую помощь мальчику, но что скорее может статься, что мне придется просить у него помощи, чем ему у меня. Шейх задумчиво сказал «Иншалла» и замолчал на минуту.

Из стоявшего у стола ящика он вынул большой ковер, на котором изображен был персидский царь, приносящий жертву богу солнца, копия одного из барельефов на развалинах Персеполиса. «Я прошу вас взять на память этот ковер и это кольцо, – сказал он, протягивая мне маленькое кольцо с алмазом. – Вы ехали целые месяцы и привезли мне прекрасные подарки, а я отдариваю вас такими скромными вещами». Но так как подарки шейха были несравненно дороже тех, которые я ему подарил, то мне пришлось потом, из Бушира, послать ему еще несколько ценных вещей.

Шейх отослал своего секретаря и сына, и мы остались втроем, – он, я и мой переводчик. «Я довольно богат, – сказал шейх. – Вот этот остров с финиковыми плантациями принадлежит мне. Все земли по левому берегу реки, начиная от устья почти до Басры, или принадлежат моим арабам, или мне лично. Мои плантации стоят 400 000 турецких лир (3.5 миллиона руб.), они гораздо обширнее, чем плантации Куэйтского шейха. Я держу на службе 40 белуджей и имею право держать целый табур (полк) персидских солдат. У меня 40 000 подданных мужчин, я могу выставить в поле 5000 всадников, вооруженных ружьями Мартини, с 500 патронами на ружье, и до 80 000 пехоты. (Из других источников я узнал, что число пехоты надо убавить наполовину.) Я плачу моим людям 100 000 кран (20 000 руб.) жалованья в месяц и 1 200 000 кран в год (240 000 руб.) подарков персидскому правительству. Главный мой доход – финики и таможенные сборы, которые я трачу, чтобы собирать, объединять арабов. А теперь, говорят, Россия берет персидские таможни Залива себе и поставила управлять ими бельгийцев. На постройку дома мне понадобился недавно камень. Я послал за ним свое судно в Лингэ. Когда капитан нагрузил судно, начальник таможни потребовал с него 300 кран пошлины. Это для меня большая обида. Правда ли, что русские берут себе таможни Залива?»

Я ответил, что нет и что в договоре о займе, заключенном шахом с русским правительством оговорено, что в уплату по займу пойдут таможенные доходы Персии за исключением доходов с таможен Фарса (побережья залива).

– Я так и думал, что русские тут ни при чем, – продолжал шейх. – Мой главный враг – шейх Хуэза, живущий около Амары, в 8 часах пути от Ахваза. У него 20 000 всадников, вооруженных ружьями Мартини. У племени Хуэза пять шейхов. Мой брат, шейх Мизаль, подкупил четверых и победил в войне пятого. Но теперь идет кровавая месть между моими людьми и людьми Хуэза. Если я соберусь с деньгами, то я успокою людей Хуэза, и они придут ко мне и будут есть за моим столом, и имя мое будет велико. Но теперь мне средств не хватает на это. Есть шейх племени Бени-Торуф: он враг Персии. Персияне поручили мне наказать его. Но если я найду у кого-нибудь влиятельную поддержку, я приведу этого шейха в дом свой в качестве друга. Самые злые враги мои суть князья бахтиарские; но я стараюсь перессорить их между собою и покупаю у них земли, входя в товарищество с одними против других. Я купил земли у Сердар-ас-Ада и Сюнахдара, между Шустером и Испаганью, но у меня есть земли и в Раз-Гормузе, Акетиз и в Бендер-Риге, на заливе. Я ве-

рен персидскому правительству и все готов сделать для шаха; но я бы хотел, чтобы шах защищал меня от врагов, приходящих с земли и с моря, а шах не может этого. Мне нужен друг, который, в случае нужды, мог бы снабдить меня оружием и деньгами. Мне нужно, чтобы шах не отнимал у меня моих подданных и не вмешивался во внутренние дела мои. Мне нужно, чтобы шах не отнимал у меня таможен, как сухопутных, так и морских, не вмешивался в их управление и не требовал отчета о них ни от кого, кроме меня самого. После моей смерти мой друг должен оказывать покровительство детям моим, мирить их и защищать от нападений со всех сторон, и во все времена. За это я могу поставить в распоряжение друга 5000 всадников, вооруженных ружьями Мартини, с 500 патронами на ружье, и до 30 000 человек пехоты, из которых пятая часть вооружена винтовками».

Здесь, в этом выделенном мною выше фрагменте «публичного» очерка, Сергей Николаевич Сыромятников вынужденно «лукавит» – вот как в действительности, по записям в его секретном дневнике, шли разговоры (велись секретные переговоры!) между ним, представителем России, и шейхом:

«13 (26) августа 1900 г. Мохаммера. В 10 ч. утра приехал на лодке в Фэлиэ. Видел Шейха. Завтракал у него. Дал ему подарки... Он со мной не ел, так как боится отравы.

Он пригласил меня обедать. Перед обедом дали мне подарки: Ковер и кольцо с бриллиантомъ. Просил ружей и протектората...»

Шейх Хазаль просил (!) протектората России! Здесь это «и» дважды (!) подчеркнуто рукой Сергея Николаевича.

Переговоры, судя по дневнику, были непростыми. Пропуская, за недостатком места, некоторые их подробности, приведу «главную» об этих секретных переговорах страницу из «Записной книги» С.Н. Сыромятникова № 275 с записью от 14 августа, текст которой читателю будет интересно сравнить с выделенным выше фрагментом «путевых заметок» в «Русском Вестнике»:

«(14 (27) августа 1900 г.) Фэліз.

До завтрака пришел шейх. Говорили с ним об условиях протектората.

В 5 часов в саду большой разговор об условиях.

Он написал своей (подчеркнуто СНС) рукой следующие пункты:

– Мы должны защищать его от врагов, приходящих с земли и с моря.

– В случае нужды снабжать оружием и деньгами.

– Не отнимать от него подданных и не вмешиваться во внутренние дела.

– Не отнимать от него таможен как сухопутных, так и морских, и не вмешиваться в их управление, не требовать отчета ни от кого, кроме его самого.

– После его смерти оказывать покровительство детям его, мирить их и защищать от нападений со всех сторон, пока существует Россия, из века в век.

– Он обязуется за это поставить в наше распоряжение сейчас же 5000 всадников (более или менее) вооруженных Мартини по 500 патронов X).

Написав это (пункты договора с Россией о протекторате!) «своей рукой», на следующий день, действительно, «утром шейх поехал в Мохаммеру молиться»...

Теперь становится понятным, что Сергею Николаевичу Сыромятникову и его товарищам по экспедиции было что скрывать в своем багаже от «британской любознательности» при возвращении из Залива. И совсем не случайными выглядят ранения Сергея Николаевича, полученные им на этом обратном пути из Залива...

Вернемся, однако, к его «путевым заметкам»:

«Долго затем шейх рассказывал мне о своих делах и выражал глубокое желание, чтобы русские были представителями за него перед шахским правительством.

– Однако, – прервал я его в упор, – в марте 1900 года у вас был полковник Мид, английский генеральный консул в Бушире, и заключил с вами какой-то трактат. С точки зрения России – вы только губернатор Мохаммеры, подчиненный генерал-губернатору Шустера. Поэтому никакие договоры с вами третьих лиц не имеют международного значения. А говорят, что вы, по договору с Мидом, делаете какие-то послабления англичанам в таможене.

– Все это ложь, которую распускают про меня мои враги, – быстро сказал шейх, сдвинув брови. – Англичане предлагали мне союз, но я отказался...

Я поблагодарил шейха за интересную беседу и пошел по темным переходам и площадкам к себе на пароход, обдумывая слова шейха. Мне было жаль, что судьба сделала этого энергичного и талантливого человека вассалом разваливающейся Персии. Я бо-

ялся – что и случилось в этом году, – что он придет в столкновение с тегеранским правительством из-за таможи. В марте 1900 года персидское правительство передало управление таможенными бельгийцу Наусу, а он поручил заведование таможенными Персидского залива некоему Симе (Simais), который и начал отбирать таможи от местных властей, у которых они были на откупе. Чиновники Симе только прошлой зимой прибыли в Мохаммеру, но были встречены вооруженными арабами, так что единственное персидское военное судно «Persepolis», крейсирующее на Персидском заливе, должно было идти в Мохаммеру поддерживать распоряжение персидского правительства. Но я сознавал, что только одни англичане могут помочь шейху, несмотря на все его расположение к России. Наша политика всегда отличалась узостью, минутностью; мы никогда не подготавливали себе планы на будущее и не поддерживали ненужных, по-видимому, отношений, из которых в будущем могли бы однако создаться выгодные для нас комбинации. И потому и не удивлялся, когда мне сказали на другое утро, что шейх поехал молиться в Мохаммеру. Я понял, что молитва будет состоять в совещании с английским вице-консулом о тех же предметах, о которых шейх только что беседовал со мною.

Шейх Сульман, родственник Хазала, прислал ко мне спросить, не желаю ли я прокатиться верхом, и предложил мне своих лошадей и проводника. Я принял с благодарностью предложение Сульмана, так как его лошади считаются самыми лучшими в Мохаммере. Мы выехали втроем – проводник, переводчик и я – ранним утром из разбросанной в беспорядке Фелиэ, состоящей из глинобитных домиков цвета кофе со сливками, и проехали сначала в пальмовый лес, а потом в пустыню, покрытую высокими бурьянами и истоптанную бесчисленными тропинками. В то время, когда мы шли шагом и рысью – а арабы не любят этого аллюра и ездят или оригинальным галопом, или в карьер, – проводник рассказывал мне интересные подробности из истории Мохаммеры. Проводника звали Хаджи-Магомет-ибн-Ягуб. Он сказал мне очень спокойно, что убьет шейха, так как при покойном шейхе Мизале он был первым человеком, а при этом шейхе первым человеком (мажордомом) состоит Мирза-Хажаз, живущий в Басре и приезжающий в Фелиэ по ночам, чтобы избежать карантина. В Басре против Мохаммеры учрежден десятидневный карантин, применяемый только к иностранцам, так как туземцы спокойно ездят из Мохаммеры на противоположный турецкий берег в лодке или идут по берегу мимо карантина.

– Во время убийства шейха Мизала меня не было во дворце, – сказал мне Ягуб. – Я прибежал после и убил четырех из друзей Хазала. Но было уже поздно. Я стар, но племянник мой, Абдул-ибн-Иса, давно говорил мне: «Дядя, дай мне ружье на шейха Хазала, не успокоюсь, пока не убью его». Я бы посоветовал вам пожить у нас подольше, вы увидели бы большие дела. Зимой шейх поедет за данью в Ахвас, на коне, там мы его и убьем».

Я поблагодарил доброго араба за его милый совет и сказал, что хотя Хазаль и добыл себе власть преступлением, но что добрым и разумным управлением он может искупить грех свой, тем более что покойный брат его относился к нему очень дурно. «Мне же не следует вмешиваться в ваши домашние ссоры, – прибавил я, – потому что никто не судья между отцом и сыном, между государем и его народом».

Проскакав с час по пустыне, мы въехали в деревню Эрад, жители которой накануне подверглись нападению кочевых арабов. В лагере этих последних была назначена за это экзекуция: шейх Хазаль приказал отнять их скот и коней. Деревня состояла

из сотни глинобитных домиков, ничем не отличавшихся от домиков Фелиэ. Собаки бросались на нас с оглушительным лаем. Растрепанные, грязные женщины смотрели на меня удивленными глазами из-под черных пыльных покрывал. Мы заехали к старшине деревни и отдыхали у него на дворе, на коврах, разложенных под тенью от стены. Старшина угощал меня кофе и шербетом. Почти все мужское население деревни сошло смотреть на меня. В желтых плащах, с решетчатыми платками на голове, стянутыми веревкой из верблюжьего волоса, в кожаных сандалиях, в которые вдеты были их черные грязные ноги, с загнутыми посохами в руках, с их гортанной речью, они казались выходцами из Ветхого Завета. Старшина расспрашивал меня о моем путешествии, о России, о том, проведут ли русские железную дорогу через Персию в Бендер-Аббас, об англичанах и французах. Он говорил, что англичане пользуются худою славою, а что русские, бен-Асфар – «сыны русых» – завоюют Арабию, обратятся в ислам и тогда наступит светопреставление.

Простившись с гостеприимными хозяевами, мы поскакали через пустыню, и мелкие камешки летели из-под копыт наших коней. Мы ехали другой дорогой, мимо черных палаток кочевников. Когда мы подъехали к палаткам, ибн-Ягуб пустил свою лошадь шагом. – «Если араб подскакивает к палатке, – сказал он мне, – то хозяин имеет право стрелять в него. Только разбойники скачут до самых палаток». В палатке сидели и ткали ковры грязные женщины. Откуда-то вылетала тихая песня:

Я юмма аззи мухрати,
Тыкбар уэнэ хайалаха,
Уоши леха шеффан хамар,
Умджерросен юбралаха ...

(«О, матушка, поласкай мою кобылицу! Она растет, расту и я, ее наездник. Я куплю для нее красный чепрак и колокольчик, который идет к ней...»)

Взяв ванну из теплой и грязной воды канала, которая тем не менее казалась блаженством после скачки под палящими лучами солнца, я начал расспрашивать капитана парохода «Карун» о его службе у шейха. Капитан был христианин из Багдада (насрани), родственник моего переводчика, а потому он очень предупредительно относился ко мне и к моим людям. Он рассказал мне, что генерал-губернатор Шустера, начальник шейха, пользующийся титулом Айн-Эль-Дауда, приезжает ежегодно в Мохаммеру, чтобы передать шейху официальный «хелат» (халат), знак губернаторского звания, которое, как и все должности в Персии, дается только на один год. За это он получает от шейха подарок в 60 000 кран (12 000 руб.). Каждый обед на пароходе, во время пути, и во дворце шейха, ему кладут, кроме того, на тарелку по тысяче кран (200 руб.). Шейх дарит ему каждый раз еще двух лошадей и одного негра. Все три парохода шейха (два больших и один паровой катер) идут встречать персидского вельможу в Ахваз. От парохода до приемной шейха, на пути генерал-губернатора, режут баранов и он идет по их головам. Эта покорность представителю Персии и подарки, которые шейх Хазаль ему делает с такой щедростью, избавили шейха от присутствия тысячи персидских сарбазов (солдат), командиром которых номинально считается шейх. По мнению моего собеседника, у шейха в арсеналах было 10 000 ружей Мартини. Богатство шейха создавалось благодаря финикам и таможне. Она дает ему до 800 000 кран в год (60 000 руб.);

кроме того, каждая лавка, а их 189 в Мохаммере, платит шейху по 2 руб. в месяц, что составит около 4500 руб. в год. Десятина хлеба, собираемая шейхом с деревень по Каруну, дает ему 16 000 руб. в год, а пальмовые плантации Гуаба, против Фао, на устьи Шат-эль-Араба, дают 4000 кара фиников (680 000 пудов), т.е. самое меньшее полтора миллиона руб. в год. Таким образом, доход шейха равняется по крайней мере 1 580 000 руб. в год, не считая дохода с лошадей, которых он в большом количестве отправляет в Индию.

Богатство шейха было причиной одного неприятного для него разговора, который мы вели однажды, когда он сидел у меня на пароходе. Он спросил меня, сколько я получаю в год. Цифра, которую я назвал, показалась ему очень скромной.

– А сколько получают министры в России? – спросил он меня.

– Самое большее тысяч 50.

– Тогда Россия очень бедная страна?

– Нет, но в ней достоинство человека не определяется его доходами, а его доблестью, которая влечет за собой близость к Государю. У нас не продают орденов, как в Персии.

Шейх понял мой намек и перевел разговор на другой предмет.

Однажды вечером шейх пригласил меня проехаться с ним на лодке. В красивую шлюпку, убранную дорогими коврами, сели гребцы и стража с ружьями, а на корме, между ними, поместились мы с шейхом. Мы поехали вверх по течению и остановились на берегу, где на месте старой финиковой плантации шейх строил себе новый дворец. План его был составлен моим помощником, который вложил в него больше усердия, чем вкуса и знания. «Я уберу этот дворец европейской мебелью, – сказал мне шейх, – и выпишу себе новую жену – персиянку. Она здесь и будет жить». Подрядчик из Багдада рыл канавы для фундамента. Какие-то два бедных араба жаловались, что люди шейха вырубали их пальмы для очистки места. Шейх очень грубо ответил им, что земля принадлежит ему, а его охрана оттолкнула просителей. Те посмотрели на шейха такими глазами, что я мысленно не пожелал быть на его месте. «Вы приобрели двух врагов», – сказал я ему, когда мы садились в лодку.

– Это дурные арабы, – отвечал он мне. – Я им отведу землю в другом месте.

Из Шат-эль-Араба мы выехали в канал, которым идет граница Персии с Турцией по Эрзерумскому трактату, заключенному в 1847 г. при участии России и Англии. На северной стороне канала стоит турецкий карантинный пост. Офицер с пятью солдатами сделал фронт шейху. Тот добродушно сказал мне: «Они мне мешают, а я им плачу жалованье».

Несмотря на радушные упрашивания шейха, рано утром 20 августа, пробыв восемь дней его гостем, я выехал из Фелиэ в Мохаммеру, где стоял пароход «Ремба», шедший в Бушир. Шейх пришел проститься со мной на рассвете, и мы еще раз говорили о делах, которые интересовали шейха и о которых я должен умолчать¹. И когда моя лодка выходила из канала в реку, он закричал мне «Оданак» (до свидания). Здесь в Петербурге, я получил от него два длинных письма, где он описывал политические новости своей области и Куэйтa языком туманным и иносказательным. Теперь он в споре с персидским правительством, и я давно не имел от него известий.

¹ Подобные многозначительные намеки о «делах» в Заливе, о которых С.Н. Сыромятников «должен умалчивать», встречаются во многих его публикациях вплоть до 1916 года.

Внук Хаджи Юсуфа, шейха из племени Мухансена, который в 1812 году построил Мохаммеру, сын Хаджи Джабир Хана, умершего в 1881 году, шейх Хазаль с честью правит арабами племени Чааль (или Кааб), которые дали истории таких правителей, как Шейх Салман, владевший большим флотом в Персидском заливе и разбивший англичан в морском сражении при острове Харак в мае 1768 года. Шейх Хазаль умен, талантлив, храбр, и если принять во внимание, что братоубийство есть обычный способ вступления на престол в мусульманских странах, то и это пятно не омрачает особенно сильно его обаяние среди арабов. Арабов в Персии около 200 000 душ, и если персидское правительство не погубит наиболее талантливого из своих вассалов, то, может быть, исполнится заветная мечта шейха, и все эти арабы объединятся под его властью.

Русское правительство должно всячески оберегать Хазалья в Тегеране, так как он радушно относится к русским, а плавание под русским флагом по Каруну есть только вопрос времени. Я склонен думать, что ему следовало бы оставить управление его таможней, которое создает ему положение среди торгового населения Мохаммеры. Оба наши персидских займа исключают доходы с таможен Персидского залива из сумм, обеспечивающих уплату Персии России процентов и долга. Следовательно, нам безразлично, сколько получит Персия с мохаммерской таможни и собирает ли поступления бельгиец или араб. А иметь друга с сорокатысячным войском людей храбрых и воинственных, которые не бегут, как персиане, от первого выстрела, – иметь такого друга в нескольких часах хода от Куэйти и в центре английского пути из Залива в Испагань и Тегеран – дало бы нам такое политическое преимущество, ради которого стоит работать и в Тегеране, и в Басре... *С.Н. Сыромятников*».

КОММЕНТАРИИ СОСТАВИТЕЛЯ

И «С.Н. Сыромятников» продолжал «работать по Заливу»...

15 октября 1900 года, в Крыму, Сергей Николаевич делает одну из последних записей в своей «Записной Книге»: «... *...отчет*». «Отчет» занимает почти целый месяц, до отъезда в Москву 13 декабря 1900 года.

Но работа по материалам экспедиции не прекращается с установлением регулярной пароходной линии «Одесса – Бушер». В октябре 1901 года он «негласно» сопровождает российского императора, посетившего с официальным визитом Францию, и ведет «негласные» же переговоры о Персидском заливе и о Багдадской железной дороге с французским министром иностранных дел Делькассэ и президентом Франции Лубэ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СТАТЕЙ С.Н. СЫРОМЯТНИКОВА

Вот что он писал, недоговаривая и «умалчивая» в открытой печати, о переговорах с французским министром¹:

«Отставка Делькассэ и крушение во Франции политики “изоляции” Германии, направленной к тому, чтобы заставить ее мирным путем возратить Эльзас и Лотарингию, дает мне право вспомнить теперь мою беседу с этим наиболее прочным из французских министров иностранных дел, которую я вел в октябре 1901 года и о которой никогда не говорил в печати.

Мне пришлось не долго ждать в великолепной приемной Орсе́йского дворца, увешанной гобеленами. Ливрейный лакей ввел меня в большой кабинет, где, за огромным столом, сидел маленький француз в пенсне, с черными, низко зачесанными волосами. Он быстро встал при моем приближении, окинул меня острыми черными глазами и приветствовал меня с пиренейским акцентом, как собрата, так как сам был журналистом и только в 36 лет получил место генерального консула.

– Я пришел к вам, – сказал я ему, – чтобы передать вам, что русские люди, преданные союзу с Францией, чувствуют глубокое недоумение по поводу участия французских капиталистов в иностранной компании, испрашивающей у турецкого султана фирман на постройку железной дороги, направленной против России. (Дело шло о Багдадской железной дороге.)

– Но ведь фирман еще не выдан, и неизвестно, будет ли выдан, – возразил мне министр.

– Для нас важен не фирман, а участие Франции в предприятии, направленном против России.

– Я расскажу вам все дело, как я нашел его, когда вошел в этот кабинет. Еще до меня немецкая компания Анатолийской дороги построила дорогу до Конии. К этой дороге примкнула французская дорога из Смирны. Французская и немецкая компании вошли в соглашение относительно тарифов, а потом, когда составилась немецкий синдикат для испрошения согласия султана на постройку Багдадской железной дороги, группа французских капиталистов Смирненской дороги вошла в этот синдикат. Тогда только я и узнал об этом предприятии и в первый мой приезд говорил о нем Муравьеву. Что же я мог сде-

¹ Сыромятников С.Н. Заметки писателя. XXIX. СПб.: Слово, 1905, 02 июня, № 166. С. 1.

лать в этом вопросе? Только превратить немецкий синдикат в международный... Я это и сделал, – и теперь русские капиталисты могут войти в этот синдикат, скажем, тридцатью процентами, Франция тоже тридцатью, Германия – сорока. У нас с вами будет большинство голосов. Так как в Германии теперь денежные затруднения, то мы можем взять по сорока процентов, а германскому синдикату останется двадцать процентов.

– Но если бы немцы с вами составили синдикат для срытия кронштадтских укреплений, вы тоже бы предложили России взять его акции и сказали бы, что предлагаете нам выгодные условия?

– Ну так запретите туркам выдавать фирман. Можете вы сделать так, чтобы этой железной дороги не было?

– Не знаю, я ведь частный человек и не посвящен в намерения моего правительства. Но на каком языке будет говорить администрация дороги, стрелочники и машинисты? К какой нации будет принадлежать охрана ее? Я говорю об охране, потому что ходят слухи, что Германия намерена устроить охрану наподобие нашей охраны в Маньчжурии.

– Но раз синдикат будет международный, то язык будет немецкий, французский и русский, а персонал служащих будет пропорционален количеству акций у каждой страны.

– Из этого выйдет только вавилонское столпотворение. Взяв эти акции, Россия явится неминуемо покровительницей дела, направленного против ее интересов.

– Так что же я должен сделать? Чего же русские молчат? Пусть скажут – я сделаю.

– Вам известно, – сказал я министру, – что мы строим железную дорогу из Оренбурга в Ташкент?

– Я знаю, но она не будет кончена раньше трех лет.

– А Багдадская, вероятно, не будет начата раньше трех лет. Так вот, если эта дорога когда-нибудь будет продолжена к югу, – она явится конкурентом Багдадской, и французские капиталисты пострадают. Зачем же французы будут конкурировать с нами?

– Но что же, по-вашему, я должен делать?

– Как настоящий дипломат, вы должны тянуть, тянуть и тянуть время, сколько можно.

– Я и то их не понукаю, я не грешу поспешностью...»

В рассказе о своем посещении президента Франции в этом же, 1901 году¹, «писатель и путешественник» был еще более лаконичен, когда речь зашла о «Персидских делах»:

«В половине седьмого, 9 (22) октября, m-r Combarieu, начальник личной канцелярии президента республики, ввел меня в кабинет Эмиля Лубэ. Я не ожидал, что президент найдет свободную минуту принять меня: это был день открытия палат, и главе исполнительной власти было не до посетителей. Но президент хотел, по-видимому, оказать особое внимание русскому писателю. Когда я входил в кабинет, он положил номер «Temps», в котором был помещен уже отчет о происходившем в палате, и пожал мне руку со старой французской любезностью.

При свете лампы с зеленым абажуром, на фоне большого, темного гобелена, президент показался мне старше, чем его обыкновенно изображают. Невысокого роста, седой. С добрыми и умными голубыми глазами, с милой, чуть насмешливой улыбкой, он

¹ Сыромятников С.Н. У Президента Французской республики (Париж, 12(25) октября 1901 г.) (Корреспонденция «Нового Времени») // Новое Время, 1901, 18 октября, № 9204, с 3.

казался скорее старым ученым, чем главою одной из великих держав, и только большая красивая розетка «Почетного Легиона» говорила о его значении для Франции.

Он заговорил со мной о посещении Государем Франции, о том, как он счастлив был показать Государю французский флот и французскую армию. В его словах о Государе сказались старый друг франко-русского союза, чувств которого не смогли изменить тайные агенты Вильгельма, обещавшие Франции возврат Лотарингии за сближение с Германией и, разумеется, не имевшие намерения сдержать своего обещания.

– Вы были в Реймсе и в Бетени, – сказал президент, – и вы видели чувства французского народа к вашему Государю. Я знал, что такие именно чувства обнаружатся. Я опасался лишь того, что автомобили передавят народ. Войска было в Бретани 120 000 и, вероятно, не менее 250 000 зрителей. Я придумал устроить особую дорогу для автомобилей. Пускай себе они давят друг друга, – сказал я. Идея оказалась хорошей. Задавленных не было, и граф Потоцкий, с которым я охотился в Рамбулье, говорил мне, что он был в Бетени на автомобиле и что порядок был образцовый.

Узнав, что я только что приехал из Англии, президент сказал: «Этот великий народ переживает кризис, и война, которую он ведет, не может быть оправдана ни с точки зрения его собственных интересов, ни с точки зрения гуманности. В Англии нет больше войска, а английский флот, при всем превосходном составе офицеров, вряд ли лучше тех флотов, которые хорошо знакомы вам и мне. Судьба наказывает Англию...»

Мы говорили затем о Багдадской ж.д., о куэйтском вопросе, и президент, расспрашивая меня о шейхе Мубареке и о положении в Месопотамии, показал основательное знание вопросов иностранной политики. Ею и военными вопросами он занимается с особым вниманием. *Я не могу, к сожалению, передать здесь того, что было предметом нашей беседы.* Но я не могу не сказать, что, провожаемый добрыми пожеланиями президента, я вышел из его кабинета с чувством уважения к этому человеку...»

Затем, по возвращении из Франции в Петербург, 23 ноября 1901 года, С.Н. Сыромятников делает доклад («Сообщение»): «Мировое значение Персидского залива и Куэйти»¹. И не в Императорском Русском географическом обществе или на заседании Российского общества пароходства и торговли, как можно было бы предположить, прочитав его очерки в периодической печати, а в закрытом и весьма элитарном «Обществе ревнителей военных (!) знаний» при Зимнем дворце, в качестве «Члена-соревнователя» этого «Общества». И доклад этот «иллюстрировался туманными картинками» (слайдами), фотографии для которых были сделаны в Заливе экспедицией. Вот выдержки из тезисов этого доклада:

«Персидский залив, как путь в Индию. Его история. Его современное положение. Очерк его портов. Интересы России, Англии, Германии, Франции и Турции в Заливе. Куэйтская бухта. ...Значение Куэйти как будущего выходного пункта Багдадской железной дороги. История вопроса о дороге. Возможности ее проведения. Значение ее для России.»

Далее следуют карты-схемы, и: «Главнейшие географо-статистические данные по предмету сообщения...»

¹ Мировое значение Персидского залива и Куэйти. Сообщение 23 ноября 1901 г. (№ 52) Члена-Соревнователя Общества С.Н. Сыромятникова // В кн.: Об-во рев-лей военных знаний. Императорская. Библиотека. Тезисы сообщений. (Печатано на основании § 2 Устава Общества).

Бушир. гл. порт Персии. 29059`N и 50050`E. Место пребывания дарья-беги, генерал-губернатора Фарса. Один полк сарбазов. Несколько негодных пушек. Канонерка. От Ширази около 180 миль. Около 20 000 жит. Торговля в 1900 г.: вывоз – 6 712 656 руб., ввоз – 1 260 000 руб. Русский генеральный консул. Консулы германский и французский. Английский резидент. Английская угольная станция с 600 тонн. Климат Бушира:»

Далее автор приводит расстояния в милях (и верстах!) от Бушира до различных «пунктов» на море и суше. И, в аналогичной форме, – данные еще по 20 другим «пунктам» Залива. Приводит он и другие, включая карты-схемы, четкие и значимые для «Общества» с таким названием («Ревнителю военных знаний») данные «по предмету сообщения». По построению и содержанию это «Сообщение» вполне соответствует сообщениям других «ревнителей военных знаний» с академическим военным образованием. Можно сравнить это «Сообщение» с заметками в «Записной книге» об «угольных станциях», «удобных позициях», числе «вооруженных людей» и «годных пушек»... И становится понятным, чем еще, кроме ознакомления с историей, географией и торговлей Залива, занималась там русская экспедиция в 1900 году и насколько опасна была ее работа.

Но работу, начатую экспедицией, нужно было продолжать. Для этого С.Н. Сыромятников был срочно в октябре 1904 года отозван с фронта Русско-японской войны, где он вел дальнюю разведку «между японцами и хунхузами»¹. В письме из Харбина 24 октября 1904 года Сергей Николаевич пишет в Петербург:

«...Раньше я говорить об этом не мог, потому что мне сказали бы, что я дела не знаю. Теперь я имею право на это, так как я был в боях 27, 28 и 29-го сент. при Каушайцзы и Уюшина в корпусе ген. Иванова и видел, как все это делается...»

Наместник, как умный человек, вовремя добился освобождения от главнокомандующего. Балда-Куропаткин теперь исполняет обязанности дивизионного генерала и путается во все мелочи...

...Я еду в Персию – кончать порученную работу, а оттуда, если буду жив, поеду в Петербург... С. Сыромятников».

«Я еду в Персию – кончать порученную работу...» – это не о географии или торговле! Вспомнив содержание переговоров Сергея Николаевича в июле 1900 года «о необходимости для нас Бендер-Аббасъ, чтобы иметь базу для флота позади», можно предположить, что отзыв с фронта и очередная командировка в Персидский залив были связаны с обеспечением перехода Второй русской эскадры на Дальний Восток. (Цусима была еще впереди – май 1905 года еще не наступил).

«...А оттуда, если буду жив...» – это не в безопасный тыл направлялся в командировку Сергей Николаевич. И не как известный писатель и журналист «Сигма», а как «чиновник для особых поручений при Наместнике на Дальнем Востоке» – на Восток Ближний.

Можно добавить, что свою работу «по Персии» С.Н. Сыромятников «продолжал» даже после 1917 года, спасая от уничтожения бесценный «Персидский» архив расстрелянного «летучим отрядом ЧК» генерала В.А. Косаговского...

¹ Хунхузы (от кит. хунхуцзы, буквально – краснобородый) – название участников вооруженных разбойных банд, действовавших в Маньчжурии с середины XIX в. до образования КНР (1949).

² Сыромятников Сергей Николаевич (псевд. СИГМА), журналист. Письмо Николаю Матвеевичу, Соколову 24.10.1904 г. (Харбин) // ОР РНБ. Ф. № 1000. Собрание отдельных поступлений. Оп. 2, ед. хр. № 1333.

ПОЛНЫЙ ЧЕМОДАН КНИГ И МОНЕТА С ДЫРОЧКОЙ ИЗ МЕРОЭ

Ренат Беккин

Шейх Мухаммад ‘Али

О Судане я начал мечтать еще в 1998-м, когда мы с моим согруппником Колей Лукашиным нежданно-негаданно угодили в правление Общества дружбы с этим африканским государством. Заманил нас туда наш преподаватель Борис Васильевич Романов, или неофициально БарВас, читавший для всех желающих факультативный курс основ суданского диалекта арабского языка.

Пару раз мы появились на заседании Общества, где познакомилась с актрисой Любовью Соколовой, также почему-то оказавшейся среди членов правления. Очень скоро мы поняли, что участие в Обществе не дает нам ровным счетом ничего, кроме возможности практиковать время от времени арабский язык с его носителями. О нашей поездке в Судан речи не шло, и, чувствуя себя лишними на заседаниях Общества, мы с Колей вскоре перестали их посещать. Но желание съездить в Судан в нас не погубило.

Во время одного из приемов в посольстве мы познакомилась с культурным атташе по имени Усама. Я подарил ему сборник научных трудов членов руководимого мною Исламского клуба МГИМО, открывавшегося моей же статьей о нарушении прав человека в мусульманских странах, в том числе и в Судане. Усама долго благодарил меня за сборник, обещал помочь с поездкой в Судан «за счет приглашающей стороны», но потом куда-то пропал. Наверное, ознакомился с содержанием сборника. Или просто оказался необязательным, как многие африканцы.

Потребовалось всего каких-то десять лет, прежде чем у меня появилась реальная возможность отправиться в Судан.

Кто был на мусульманском Востоке, знает: ехать туда без рекомендации – дело бессмысленное и порою опасное. За два дня до поездки я позвонил своему знакомому, Мухаммаду. Он обещал что-нибудь придумать.

На следующий день мы созвонились. Мухаммад продиктовал мне длинный номер.

– Это телефон шейха Мухаммада ‘Али. Позвони ему и скажи что от меня. Он в курсе.

Я долго настраивался, прежде чем набрать номер шейха. Не столько потому, что мне всегда неудобно просить о чем-то совершенно незнакомого человека, сколько потому что я не ручался за свой слегка подзабытый арабский. Не стал рисковать – попросил коллегу из РГГУ. Она мило пообщалась с шейхом и подтвердила, что мои опасения напрасны: у шейха красивый литературный арабский. Он сказал, что сейчас находится в Мекке, но он даст мне номер телефона доктора Сиддика, который сделает для меня все, что я попрошу. Поначалу я расстроился. Типичное отфутболивание: я занят,

позвони тому-то, тот, в свою очередь, скажет, что тоже занят, попросит позвонить еще кому-нибудь. А у нас билеты и визы уже на руках, и обратного хода нет.

Погоревал пару часов, но все-таки решил позвонить доктору Сиддику. Тот и в самом деле был предупрежден шейхом о моем звонке: я даже услышал какую-то радость в его голосе. Доктор Сиддик попросил меня отправить факс с описанием круга интересующих нас вопросов. Нас – это меня и аспирантки Института Африки РАН Юлии, которую мне не без труда удалось уговорить отправиться в Судан. Договорились, что ее командировка продлится неделю, а моя – вдвое больше.

В конце разговора доктор Сиддик пообещал, что сделает программу нашей поездки насыщенной, и у нас будет много интересных и полезных встреч.

После такого я не мог не позвонить шейху Мухаммаду 'Али и не поблагодарить его. У него и в самом деле был неплохой литературный арабский. Мы условились встретиться в Судане.

Исламская экономика в отдельно взятой стране

Целью нашей научной экспедиции было изучение системы денежных переводов в Судане. Однако с моей стороны было бы непростительной глупостью оставить без внимания деятельность банков, страховых компаний и других финансовых институтов. Дело в том, что Судан – единственная в мире страна, где весь финансовый сектор функционирует в соответствии с требованиями шариата. Причем не вопреки всему остальному миру, а скорее благодаря ему. Первое время большую помощь Судану в деле развития исламских финансов оказала Саудовская Аравия, а потом подключился и МВФ – организация, которую сложно заподозрить в симпатиях к непроцентным методам финансирования.

Первые попытки полностью исламизировать финансовый сектор были предприняты президентом Джа'фаром Нимейри в первой половине 1980-х гг. Видя реальное усиление влияния сторонников реформ в духе ислама во главе с Хасаном ат-Тураби, Нимейри, находившийся у власти с 1969 г., решил опередить своих противников и ввести в стране шариатское законодательство как в уголовной сфере, так и в частно-правовой и финансовой. Всем банкам в одночасье было предписано перейти на исламские методы финансирования с 1983 г. В качестве объекта для подражания были выбраны Иран и Пакистан, где аналогичные реформы начались несколькими годами ранее.

Ошибкой Нимейри было то, что он в административном порядке решил исламизировать все стороны жизни людей, в том числе и финансовую. К 1983 г. только 4 суданских банка были исламскими. Остальные пока были не готовы работать в соответствии с принципами шариата. Но когда после свержения Нимейри в 1985 г. был поднят вопрос об отмене исламской банковской системы в стране, на ее защиту встали многие – и бизнесмены, и рядовые граждане. С конца 1980-х гг. с приходом к власти нынешнего президента аль-Башира реформы по исламизации финансового сектора продолжились.

В настоящее время в Судане могут работать только банки, использующие в своей работе исламские методы финансирования. То же можно сказать и о страховом секторе, где представлены только страховщики, работающие на основе исламских принципов. Однако полноценное функционирование исламского финансового сектора было

бы невозможно без структурируемых в соответствии с требованиями шариата ценных бумаг, котируемых на Хартумской фондовой бирже. Иными словами, в Судане уже к концу 1990-х была фактически создана исламская финансовая инфраструктура в виде исламских финансовых институтов и инструментов различного уровня.

Однако года полтора назад чистоту эксперимента по созданию и функционированию исламских финансов в Судане нарушило решение Банка Южного Судана запретить действующим на юге страны банкам применять исламские методы финансирования. Исламским банкам, работавшим на Юге, фактически был предъявлен ультиматум: либо преобразоваться в традиционные (неисламские) банки, либо закрыть свои отделения и покинуть этот беспокойный суданский регион. Исламские банки предпочли уйти, чем поступиться своими принципами. В итоге целостность исламской финансовой системы в Судане была нарушена, причем не по экономическим причинам, как в других странах, а по политическим.

К слову сказать, уход исламских банков – не единственная уступка Югу со стороны Севера в вопросах финансов: с января 2007 г. по настоянию южан название национальной валюты, суданского динара, было изменено на прежнее – фунт. Слово «динар» вызвало у властей Южного Судана нездоровые ассоциации с исламом. При этом никто почему-то не вспомнил, что динар – это не что иное как производное от римского *денария*. Даже руководство социалистической Югославии и государств, образовавшихся после ее распада включая православную Сербию, не смущало и не смущает, что ее национальная валюта зовется динаром.

Но, как известно, нет худа без добра, и не исключено, что решение властей Южного Судана принесет не только ущерб, но и пользу исламскому финансовому сектору и исламским банкам в частности. Почти 20 лет исламские банки в Судане работали, не испытывая конкуренции со стороны традиционных (неисламских) банков. Это привело к потере креативности: исламские банки перестали разрабатывать новые механизмы, которые позволили бы клиентам получать услуги лучшего качества за меньшие деньги.

Люди ждут от исламских банков чего-то большего, чем просто банковских услуг – особенно в такой религиозной стране, как Судан. Суданцы чрезвычайно набожны. Расхожее выражение о том, что ислам – это образ жизни, – это точно о Судане.

Жадный китаец

Мы поселились недалеко от гражданского аэропорта в районе аль-'Амарат. Говорят, есть такой вид бизнеса – фотографировать низко летящие самолеты и сбывать полученные снимки за большие деньги. В Хартуме этим можно заниматься, не покидая стен отеля. Когда поднимаешься на крышу высокого (по хартумским меркам) трехэтажного дома, кажется, что до пролетающего самолета можно легко дотянуться рукой, стоит лишь чуть приподняться на цыпочках.

Вообще, к фотографированию имеющих стратегическое значение объектов в Судане относятся крайне недоброжелательно. Но если делать это быстро и тихо, то проблем можно избежать. Например, в Хартуме запрещено фотографировать мосты и все, что около них, включая водную поверхность. Но нам удалось достаточно успешно

вести съемку из машины и с фелюги. Ради этого пришлось потратиться на небольшой круиз по Голубому Нилу до места его слияния с Белым Нилом.

Хартумские фелюги мало чем отличаются от каирских – разве что большей дешевизной. Поскольку туристов в Хартуме гораздо меньше, чем в Каире, то водный транспорт выполняет преимущественно функции маршрутного такси, доставляя пассажиров с материка на остров Тути и обратно. Остров Тути омывается водами Белого и Голубого Нила и гораздо приличнее смотрится с воздуха, когда летишь на самолете, чем с воды, когда плывешь на фелюге.

Из всех видов транспорта за неимением метро наиболее востребованным у иностранцев является моторикша, или в просторечии «тук-тук». Трехколесные драндулеты, окрашенные в желто-коричневые цвета, завозятся из Индии. Несмотря на все попытки властей суданской столицы искоренить этот архаичный вид транспорта, рикши демонстрируют свое бессмертие. На моих глазах полицейские тормозили везших меня рикш и отбирали права или вернее то, что называлось у них правами.

Рикшам в Хартуме запрещено переезжать на другой берег в города-спутники столицы: Омдурман и Северный Хартум. Поэтому некоторые экономные граждане доезжают на рикше до моста, затем переходят его пешком или пересекают на автобусе, а дальше вновь берут местного рикшу и продолжают путь.

Пожалуй, не стоит обвинять лишь рикш в нарушении правил дорожного движения. Этим грешат все: начиная от таксистов и заканчивая водителями мини-бусов – главных конкурентов рикш и рейсовых автобусов.

Однако в безвыходных случаях, когда было темно и все рикши уже спали дома, приходилось залезать в такси. Торговался с ними до последнего, за что один водила назвал меня «жадным китайцем».

Как и во многих африканских странах, не избалованных вниманием туристов, люди с другим цветом кожи делятся на две большие категории: американцев и китайцев. Поскольку с Америкой Судан давно на ножах, а с Китаем у страны давняя дружба, то в китайцы могут записать практически любого белого, даже голубоглазого блондина, особенно если дело происходит в глухой провинции. Еще в Сомали я привык к тому, что меня принимают за китайца, поэтому здесь, в Хартуме, я даже не пытался никого разубедить в этом. Китай был первой страной, которая стала сотрудничать с получившим в 1956 г. независимость Суданом. В современном Судане китайцев уважают, но, похоже, не сильно любят.

Ленин из Хартума

Не погрешу перед истиной, если скажу, что шейх Хасан ат-Тураби – один из самых известных мусульман в мире. В мире, но не в России. Об ат-Тураби я впервые услышал на лекциях профессора Хрусталева в МГИМО в середине 1990-х. Тогда нам, студентам-арабистам, показалась невероятно смешной «фамилия» ат-Тураби (мудреного слова *нисба* мы тогда еще не знали). Смешным в наших глазах выглядел и сам профессор Хрусталева, тучный, лысый, с большими ушами, похожий на индуистское божество Ганешу – разве что без хобота. Но поскольку в индуизме мы были не сильны, то за Хрусталевым очень скоро закрепилось прозвище Тураби, о котором он любил нам подолгу рассказы-

вать. Зато «фамилия» (а на самом деле *насаб*) Бин Ладена не показалась нам столь же забавной, и потому вскоре мы забыли об этом персонаже хрусталева лекций.

Почти шесть лет – с 1990 по 1996 г. – тогда еще не столь широко известный, как теперь, Бин Ладен гостил в Судане по личному приглашению ат-Тураби. Бин Ладен отблагодарил приютившую его страну: занялся финансированием строительства дорог. Перед ат-Тураби Бин Ладен также не остался в долгу: женился на одной из его племянниц. Когда американцы затребовали выдать Бин Ладена, гостеприимные суданцы наотрез отказались сделать это, и Судан мгновенно записали в террористические государства вопреки здравому смыслу, который нашептывал что гуммиарабик – основное сырье для производства колы – экспортируется в Штаты преимущественно из Судана. Тогда американцы в отместку разбомбили фармацевтическую фабрику, решив, что там производится бактериологическое оружие для террористов, а потом вынуждены были выплатить за нее компенсацию: политика политикой, а собственность неприкосновенна.

Слушая нашего «Тураби», мы понимали, что его суданский «однофамилец» – не такой уж простой человек, раз из-за него уничтожают целую фабрику.

Позднее, когда мусульманский Восток для многих из нас стал не только предметом исследования, но и местом работы, мы узнали, что историю современного Судана и арабского мира невозможно представить без этого смуглого поджарого старика в очках. Еще будучи студентом Хартумского университета, ат-Тураби был в числе учредителей съезда суданского филиала «Братьев-мусульман» в Судане в 1955 г. С самого начала ат-Тураби показал своим единомышленникам, что его беспокоят не только внутрисуданские проблемы. В 1956 г. Судан получил независимость, а ат-Тураби, который на тот момент учился на магистра права в Лондонском университете, был избран генеральным секретарем «Исламской лиги помощи в решении алжирских проблем».

Как известно из Новейшей истории, многие выдающиеся политики прошлого столетия (Ленин, Фидель Кастро и др.) были неудавшимися адвокатами. Не был исключением и ат-Тураби: несколько лет он имел адвокатскую практику в Швейцарии, но очень скоро понял, что роль адвоката в тихой европейской стране – не для него.

Вернувшись из-за границы, ат-Тураби активно включился в революционную борьбу и стал одним из участников октябрьской революции 1964 г., результатом которой стало свержение военного режима генерала Аббуда. Ат-Тураби становится генеральным секретарем ассоциации «Братьев-мусульман» в Судане.

В 1969 г. в Судане произошел очередной государственный переворот, который поставил крест на планах «Братьев-мусульман» о введении в стране законодательства, основанного на шариате. Ат-Тураби и другие активисты «Братьев-мусульман» были арестованы. На свободу ат-Тураби вышел только через шесть лет и сразу же был вынужден покинуть страну. Вернуться ему суждено было только в 1978 г., когда все еще пребывавший у власти Джа'фар Нимейри решил разыграть исламскую карту и ослабить позиции сторонников введения шариата. В 1979 г. ат-Тураби стал генеральным прокурором Судана. Это был первый в его жизни важный государственный пост. Таким образом, ат-Тураби была отведена роль одного из разработчиков шариатского законодательства в стране – то, о чем он мечтал долгие годы, еще будучи адвокатом в тихой Швейцарии.

Когда ат-Тураби согласился стать генеральным прокурором, некоторые члены «Братьев-мусульман» обвинили его в соглашательстве. Не все понимали, что для

ат-Тураби это был лишь тактический ход, имевший целью проникновение сторонников ассоциации в органы государственной власти. Но то, что не всегда понимали некоторые «однопартийцы» ат-Тураби, хорошо понимал президент Нимейри.

В 1985 г. ат-Тураби был вновь арестован. К счастью для ат-Тураби, в апреле того же года президент Нимейри был свергнут. Несмотря на то, что пришедшее к власти в результате последовавших затем выборов правительство аль-Махди выступало против шариатского правления, именно этот период стал одним из наиболее успешных в жизни ат-Тураби. Ему удалось создать Национальный исламский фронт (НИФ) и сделать невозможное: объединить разрозненные исламские политические силы в стране. Ат Тураби и его сторонники отстаивали шариатские законы, которые хотело отменить правительство. После того, как НИФ занял 3-е место на демократических парламентских выборах 1986 г., ат-Тураби занял пост министра юстиции и генерального прокурора в мае 1988 г., а в декабре того же года стал министром иностранных дел. В результате переворота 1989 г. ат-Тураби, занимавший к тому моменту пост вице-премьера, оказался в тюрьме, но вскоре был освобожден по распоряжению президента аль-Башира.

Пришедший к власти в результате переворота нынешний президент аль-Башир симпатизировал исламистам, но, как и его предшественники, видел в ат-Тураби реальную угрозу собственной власти. С другой стороны, аль-Башир понимал, что президент, пришедший к власти под исламскими лозунгами, не мог долго держать такого человека, как ат-Тураби, не у дел. В 1996 г. на прошедших президентских и парламентских выборах аль-Башир был избран президентом страны, а спикером парламента стал ат-Тураби.

Казалось бы, наконец ат-Тураби получил должность, которая позволит ему осуществить задуманное. Но два медведя не смогли долго уживаться в одной берлоге. В 1999 г. ат-Тураби снова попадает в тюрьму, откуда выходит только в 2003 г. Новый срок он получает уже в следующем, 2004 г. Со временем для президента аль-Башира отношения с ат-Тураби превратились в своеобразную игру под названием «посади ат-Тураби». В последний раз ат-Тураби оказался за решеткой после своего комментария на решение Международного уголовного суда в Гааге о выдаче ордера на арест президента аль-Башира. Ат-Тураби не удержался и сказал, что рекомендует президенту явиться с повинной в органы международной юстиции. Очередной арест ат-Тураби прошел пять месяцев спустя после нашей с ним встречи, которая могла бы и не состояться, если бы однажды из чистого любопытства я не задал вопрос Сиддику о том, как поживает ат-Тураби.

– А что, хотите встретиться с ним? – неожиданно спросил Сиддик и то ли от радости, то ли от чего-то другого поехал по встречной полосе. В Судане, как и во многих странах Востока, этим балуются не только рикши, но и обычные легковые авто. – Хорошо, я подумаю, когда лучше организовать вашу встречу. Вы, наверное, удивляетесь, что у нас в Судане можно запросто встретиться с такими людьми, как ат-Тураби, – с некоторым кокетством произнес Сиддик. – Но Судан – открытая страна, и люди здесь готовы к общению со всеми желающими.

– Здорово. Получается, что вы и с президентом аль-Баширом тоже можете организовать встречу? – начал наглеть я.

– Нет, с президентом не могу, – улыбнулся Сиддик. – Вот когда он станет бывшим президентом, тогда пожалуйста... Вот с Нимейри, например, можно было бы увидеться.

Я так и не понял, шутил Сиддик или говорил серьезно, но не стал переспрашивать. Через несколько дней, как обычно утром, Сиддик приехал за нами с Юлей.

– Куда едем? – спросил я.

– К Тураби-старшему...

Дело в том, что мы к тому времени уже успели познакомиться с племянником ат-Тураби, или ат-Тураби-младшим, – крупным бизнесменом, внесшим большой вклад в развитие исламской экономической модели в Судане.

Ат-Тураби-старший встретил нас в белоснежной одежде. Белозубая улыбка. Озорные глаза в модной оправе очков. Ухоженные руки. И это 76-летний старикан, за спиной которого более 11 лет тюрьмы.

– На каком языке вы предпочитаете общаться: на арабском, английском или французском? – начал беседу ат-Тураби, едва мы присели. – К сожалению, я не владею русским.

– Ну, все еще впереди.

– Да, я хочу изучить русский.

Накануне, лишив себя часа сна, я набросал список вопросов для интервью и уже приготовился задать их, как вдруг шейха ат-Тураби понесло. На протяжении полутора часов он не дал мне вставить хотя бы слово. Я улыбался, соглашался, пытался спорить... Позже, когда Сиддик вез нас в отель, я мучительно пытался вспомнить, о чем же шла речь в эмоциональном монологе ат-Тураби, но так ничего путного и не вспомнил. Поразительно, но такой же «провал» в памяти случился и у Юли.

Наверное, столь же невеселая судьба ждала бы и мое интервью, если бы я вовремя не включил диктофон.

Задать заготовленные вопросы мне удалось не сразу. Зазвучал азан, и я с тревогой уставился на ат-Тураби, но тот все говорил и говорил. Я умоляюще смотрел на него, глупо улыбался, понимая, что в любой момент наша встреча может быть прервана на молитву, а потом придет время покинуть этот гостеприимный дом, где угощают вкусным грейпфрутовым соком. И буду потом вечно корить себя за то, что не спросил самое главное, или, точнее, вообще ничего не спросил. Мне хотелось узнать о взглядах ат-Тураби на конкретные проблемы: исламскую экономическую систему в Судане, актуальность применения мусульманского уголовного права в современном мире, допустимость браков между мусульманкой и немусульманином и т.п.

Я с надеждой посмотрел на Сиддика. Он понял меня и обратился к ат-Тураби, когда тот на мгновение умолк.

– Доктор Тураби, Ренат хочет спросить вас о чем-то.

Воспользовавшись паузой, я затараторил свои вопросы.

Отделить в ответах ат-Тураби общее от конкретного было не легче, чем отделить воду Голубого Нила от вод Белого после того, как обе эти реки сливались в единый поток у острова со странным названием Тути.

Ат-Тураби сыпал метафорами, заразительно смеялся, словно обращаясь не ко мне лично, а к огромной аудитории. Видно было, что этому пророку из Хартума тесно в Судане: его душа хочет быть услышанной во всем мире. Как я ни старался спровоцировать ат-Тураби высказать суждение о ком-либо из политиков, он проявлял чудеса дипломатичности: ни о ком из ныне живущих или давно ушедших он не сказал ничего хорошего и ничего плохого...

В самом конце встречи я подарил ат-Тураби книгу Ефима Резвана «Коран Усмана». Это было подарочное издание на русском и английском языках с диском. Увидев на лице ат-Тураби любопытство, я понял, что не промахнулся с подарком.

Увидев мою визитную карточку, ат-Тураби нахмурил брови.

– У вас необычная фамилия.

– Да, вообще, она немецкая. Но есть мнение, что она происходит от древнего названия Мекки – Бекка.

– В самом деле?! Это замечательно! Вы счастливый.

– Не уверен, но все равно спасибо. Приезжайте в Россию.

– Я был бы рад...

Не будет преувеличением, если скажу, что в Судан стоило приехать ради одной только встречи с Хасаном ат-Тураби – Лениным из Хартума, как называли его то ли в шутку, то ли всерьез некоторые левые.

Теперь, после визита к ат-Тураби, даже встреча с шейхом Мухаммадом ‘Али не казалась мне уже столь нереальной, как прежде. Вечером того же дня я справился у Сиддика, когда же наконец приедет шейх. Он задумался и не вполне уверенно ответил, что пока не знает.

Мероэ – город четырех тысяч художников

О том, что в Судане имеются свои пирамиды, я узнал еще в Москве. Об этом писал замечательный востоковед Игорь Можейко, более известный российскому читателю как фантаст Кир Булычев. В пирамидах этих когда-то покоились останки местных царей, правивших с 592 г. до н.э. по 350 г. н.э. Долгое время историки старались не замечать цивилизацию, по многим параметрам не уступавшую древнеегипетской. Уже шесть тысяч лет назад черные обитатели долины Нила умели изготавливать неплохие горшки, а египтяне переняли их опыт лишь несколько столетий спустя. Говорят, имена кушитских правителей, царствовавших на юге, долгое время были вычеркнуты из истории благодаря египетским историкам, хотевшим, чтобы вся слава досталась Египту. Еще бы, сложно признавать, что ты приобщился к горшку позже другого. Египетские фараоны презрительно именовали кушитов «пожирателями песка». До наших дней дошли изображения жителей юга, сделанные египетскими художниками. Южане изображены там низколобыми губошлепами, преклонившими колени перед благородными египтянами.

Римский географ Плиний Старший не был столь пристрастен к кушитами, как египтяне. В своей знаменитой «Естественной истории» он пишет, что в период расцвета Мероэ мог выставить 250 000 воинов и давал пристанище 4000 художников.

Долгое время для египтян юг был источником золота (само древнеегипетское слово *нуб*, от которого произошло название исторической области Нубия, переводится как золото), живого товара и черного дерева. Египтяне использовали любую возможность напасть на соседей и вернуться с богатой добычей. Впрочем, и южане в долгу не оставались: в период Нового царства им удалось захватить Мемфис и Фивы и посадить на трон в Египте свою собственную династию «черных» фараонов, известную в истории под номером XXV.

Я долго подбивал своего приятеля Стаса, работавшего при ООН, ехать «на пирамиды», но тот отказывался, ссылаясь на то, что это далеко и он не знает дороги. Со мной нередко бывает так, что я долго уговариваю человека что-то сделать, потом забываю, а человек тем временем медленно «созревает». Так и произошло со Стасом.

– Помнишь, ты говорил, что хочешь поехать на пирамиды? – спросил он меня как-то во время совместного ужина.

– Ну, да.

– У меня есть знакомый, он тоже работает в ООН. Мы можем с ним поехать в Мероэ. Надо только ему заплатить. Немного.

«Немного» оказалось около 150 долларов на двоих. Я подумал и согласился.

Развалины древнего города Мероэ расположены примерно в 200 километрах к северо-востоку от Хартума. Добирались мы туда часа три. Благо в не только в Хартуме и Омдурмане, но и в окрестностях неплохие дороги. Не зря, видно, Бин Ладен ел суданский хлеб.

По дороге мы выпили всю воду. Закусывали расплывшимися на жару бананами, от которых в желудке становилось теплее, чем на улице. Поначалу при подъезде к кладбищу, где когда-то покоились тела правителей и знатных людей Куша, я принял за пирамиды горы шлака и принялся их усиленно фотографировать. Мероэ был центром производства железа, и свидетельства этому были видны повсюду. Вскоре показались и сами пирамиды, расположенные на небольших холмах, окружающих развалины древнего города.

Коричневого цвета, пирамиды Мероэ напоминали издали стершиеся от чрезмерного употребления мяса клыки какого-то хищника. Говорят, в период своего расцвета город Мероэ имел форму щита.

Пустыня, пирамиды и никаких вредных зрителей, как в египетской Гизе. Можно без труда вскарабкаться на любую из пирамид – жаль только низковато: с самой высокой из них не то что Хартума, ближайшей мечети не видать. Кругом только песок да местные жители на верблюдах, выстроенных в прямую линию, как перед боем, в ожидании туристов. Поскольку на тот момент у пирамид никого кроме нас со Стасом не было, избежать контакта с верблюдами и их хозяевами не представлялось возможным.

Те, кто был в Египте у пирамид, хорошо знают, как сильно меняется цена поездки на верблюде в зависимости от того, находишься ты на земле или на самом «корабле пустыни». Но нам со Стасом повезло: не избалованные туристами, суданские верблюжатники, наверное, и не представляли, что так можно поступать с гостями из далеких стран. После недолгих уговоров мы сдались и согласились за три доллара доехать от одной группы пирамид до другой.

Естественным образом возникающий страх, что ты вот-вот упадешь, не отпускал меня большую часть пути. Успокаивало лишь одно: кругом песок, и падать будет не так больно. Всю дорогу я решал для себя одну физическую задачу: если я начну падать, стоит ли держаться за деревянную, фаллической формы палку, прикрепленную к седлу верблюда, или лучше все бросить и получше сгруппироваться для прыжка? Если схвачусь за палку, не потяну ли я за собой верблюда, который повалится на меня и отдавит мне ноги?

Пока я думал над этим, мы приехали. И только тогда я понял, что нет ничего лучше прогулки на верблюде по древнему кладбищу.

На обратном пути нас со Стасом, пожалуй, совершенно незаслуженно успевших приобрести репутацию щедрых туристов, ждали продавцы сувениров. Мальчишки разных возрастов обступили нас, вихивая нам всякую ерунду: в основном вырезанные из песчаника модели пирамид.

Среди мальчишек возвышалась фигура одного худосочного старика. В руке он держал монету с дырочкой.

– Silver coin... Mahdi state... silver¹, – твердил старик.

– Ок, я куплю эту монету, но скажите правду: разве это серебро?

– Silver... Look!²

– Поклянись Аллахом!

Вместо ответа старик махнул рукой и поспешил прочь.

– Хорошо. Я покупаю ее.

После небольшого торга я купил «серебряную» монету за 10 динаров вместо требуемых 100.

ВЕРБЛЮЖЬЕ МОЛОКО

Я пристрастился к верблюжьему молоку несколько лет назад в Дубае. Там оно запросто продавалось в таких же упаковках, в которые в России разливают кефир. Прекрасно утолявшее жажду и восполнявшее запас утраченной энергии, оно казалось мне идеальным напитком для теплых стран.

Отправляясь в Судан, я мечтал, что буду каждое утро выпивать натошак стакан чуть теплого верблюжьего молока, а в конце дня после множества нужных и не очень нужных встреч неторопливо потягивать стаканчик холодного, от которого зуб на зуб не попадает.

В первый же день вечером мы отправились в крупнейший торговый центр «Аффра», где я помимо прочего рассчитывал отведать верблюжьего молока. Но там очень удивились, когда я спросил, где здесь лябан иблий?³ Пришлось довольствоваться свежавыжатым соком гуаявы, растекавшимся по пищеводу подобно ленивому объевшемуся удаву.

– Наверное, молоко подают в кафе с национальной кухней, – решил я, еще не представляя, что в Хартуме заведения с несуданской кухней – большая редкость.

Но куда бы мы ни заявлялись с Сиддиком, среди предлагаемых напитков были неизменный каркаде, свежавыжатые соки и, конечно же, пепси-кола и сестра ее «Миринда».

– Как вы можете пить эту гадость, когда у вас есть верблюжье молоко? – спрашивал я суданских коллег, употреблявших в гигантских количествах американскую газировку.

В ответ те лишь усмехались. Наконец Аллах услышал мои мольбы, и не помню, в каком по счету банке, где мы с Юлей интервьюировали руководство на предмет исламских финансов, нас в очередной раз спросили: что будете пить: колу, каркаде или... верблюжье молоко?

¹ Серебряная монета... Государство Махди... Серебряная (англ.).

² Серебряная... Смотрите! (англ.).

³ Верблюжье молоко (араб.).

Я не поверил своим ушам.

– Простите, что вы сказали?

– Верблюжье молоко.

Когда принесли длинные стаканы с мутной белой жидкостью, я забыл обо всем...

До отъезда оставалось несколько дней, и я бы себе никогда не простил, если бы уехал из Судана, вдоволь не напившись верблюжьего молока. Я решил совместить приятное с полезным и снарядил экспедицию на так называемый Верблюжий рынок, располагающийся в северо-западной части Омдурмана – города-спутника Хартума. В состав экспедиции помимо меня вошли мой друг и дальний родственник Дамир – вертолетчик из Уфы, работавший по контракту в Дарфуре, и Стас – в качестве нашего водителя.

Отыскать рынок оказалось не так просто: половина опрашиваемых мною местных жителей не могла понять, чего я хочу, другая половина так объясняла дорогу, что лучше бы я их ни о чем не спрашивал. Главным ориентиром для нас была небольшая карта в моем путеводителе по Африке «Lonely Planet». Наконец мы достигли какого-то рынка. Ехать дальше было невыносимо, и мы побрели пешком до ближайших мясных рядов.

Многочисленные посетители рынка и продавцы смотрели на нас с подозрением. Так смотрят на маленького мальчика, случайно забредшего в баню в женский день. В отличие от Омдурманского рынка, где помимо собственно продуктов питания, продавались сувениры для туристов, товары на Верблюьем рынке предназначались для удовлетворения внутреннего спроса, выражаясь экономическим языком.

Вместо ответа на вопрос о том, где здесь продается верблюжье молоко, мы встречали растерянные улыбки. С трудом нам удалось выведать местоположение мясных рядов, что вселяло определенную надежду: где мясо, там и молоко. Это правило я усвоил, посещая продуктовые рынки в России.

Но верблюжатиной в мясных рядах в буквальном смысле и не пахло: лишь говядину да баранину. Продавцы хором принялись хвалить свой товар, но я только отмахивался: нам верблюду нужен. Понимаешь? Верблюду.

– Нет, верблюжатины вы здесь не найдете.

– Но ведь это же Верблюжий рынок!

– Да здесь по воскресеньям проходит шоу верблюдов, но мясо...

– Нам на самом деле не нужно шоу, и верблюжатины мы тоже не хотим. Мы молока хотим. Верблюжьего.

На наше счастье, один из мясников вспомнил, что где-то поблизости в одной лавке продают молоко в розлив.

Никаких вывесок. Обычная торговая палатка, в которой молодой молочник разливал большим половником молоко в пластиковые бутылки из-под лимонада.

– Вам сколько?

– Полтора, – решил я, – на всю компанию.

Найти дорогу обратно было не легче, чем добираться до рынка. К тому же на обратном пути с машиной что-то случилось: ехали в буквальном смысле по приборам. Намеченная прогулка по ночному Хартуму отменялась. Машина довезла нас до дома Стаса и испустила дух. Больше она не заводилась. Когда мы стали выгружаться, бутылка с молоком оказалась немногим холоднее поверхности машины.

Никому не хотелось пить теплое молоко сомнительного происхождения, и его решили от греха подальше убрать в холодильник. За чаепитием и воспоминаниями о нашем сегодняшнем путешествии, мы вскоре забыли о виновнике наших злоключений – молоке. В итоге Дамир поехал к себе в отель, Стас углубился в Интернет, и мне пришлось употребить молоко самому. Все полтора литра. Я решил не рисковать и, вопреки страстному желанию попробовать холоденького молочка, с любезного разрешения Стаса прокипятил содержимое бутылки. Когда все было готово, предложил ему стаканчик, но тот, сделав испуганное лицо, отказался. Пришлось разбираться с молоком самому. Несмотря на горчинку, свидетельствующую о том, что молоко прокисло, первый стакан прошел на «ура». Вторым я уже пил спокойно, без фанатизма. Третий прикончил немного погодя, зажевав парой бананов. Четвертый и пятый пить уже не хотелось ни в какую, но я сделал это, памятуя, сколько страданий нам пришлось вынести ради этого молока, которое так предательски подвело нас и прокисло...

Уже по дороге в отель мне стало не по себе. Вся ночь и следующий день были для меня безнадежно испорчены. Было тем более обидно, что это был последний день моей командировки.

Я пришел в себя только к вечеру, когда настало время ехать в аэропорт. Желающих проводить меня оказалось предостаточно – начиная от Стаса и заканчивая представителем посольства. Все были наслышаны, что я набрал в Хартуме чемодан книг.

Сиддик тоже приехал проводить меня, да не один, а вместе с женой и дочкой. Все его семейство включая его самого было облачено в национальную одежду. В руке Сиддик держал мешок лаймов, которые я так полюбил в Судане.

Обнимая Сиддика, я шепотом спросил: «Вернулся ли шейх Мухаммад 'Али?»

Сиддик улыбнулся: «Еще нет, но, думаю, он будет доволен тем, как я вас принял».

– Несомненно, – улыбнулся я в ответ. – Передавайте ему наш большой салам.

Слоняясь по залу ожидания в аэропорту, я подумал: «Может и в самом деле не существует никакого шейха Мухамада 'Али? Но с кем же я тогда говорил по телефону?..» Решил по приезде позвонить ему, но так и не решился. Надо сначала подтянуть арабский...

Ниша света

ПЕРВЫЙ – НЕ ЗНАЧИТ ЛУЧШИЙ

Анжелика Победоносцева*

Образ мусульманина в романе Валентина Пикуля «Баязет»

Город Баязет известен еще со времен Урартского царства. За время своего существования город завоевывался римлянами, персами, арабами и византийцами, а его расположение на пересечении стратегических интересов Османской империи, России и Персии явилось ареной многих событий. Свое название город получил благодаря турецкому военачальнику Делайырлы Шехзаде Байазыт-хану, заказавшему очередную перестройку городской крепости. С Баязетом связывают имя османского султана Баязета I. После завоевательного похода в Индию, покорения стран Закавказья и вторжения в Сирию, войска среднеазиатского эмира Тимура обрушились на Турцию. Султан недооценил силы противника и переоценил свои собственные. 28 июля 1402 г. обе армии сошлись под Анкарой, где турецкая армия была наголову разбита, а сам султан и два его сына попали в плен, после чего Тимур двинул свои войска на юг – в район Коньи и на запад – к Бурсе. В 1403 г. Баязет I скончался в плену. При содействии представителя османской администрации правителя Исхак-паши в 1776–1798 гг. был построен изящный дворец, в котором происходят основные события романа Валентина Пикуля.

Несмотря на популярную тему патриотизма и возросший интерес к истории царской России, дебютный роман В. Пикуля и снятый по нему одноименный сериал были старательно обруганы и охаяны критиками. В самом деле, это произведение можно без зазрения совести назвать исторической фантастикой, своеобразной «клюквой», так как многие детали повествования, мягко говоря, не соответствуют действительности. Желая во что бы то ни стало «связать прошлое с настоящим», писатель отстранился от изложения реальных событий, увлекшись описанием личностных характеристик героев романа. То же можно сказать и о соотношении правды и вымысла в созданных автором образах героев-мусульман и описании их религиозной практики. В. Пикуля не смущает доброе имя Исмаил-хана Нахичеванского и, несмотря на исторически достоверные заслуги реального персонажа и соотечественника, автор, вооруженный весьма поверхностным знанием осо-

бенностей образа жизни мусульман и неумной фантазией, погружается в пучину нелепостей. В фильме показан расчетливый, двуличный, явно симпатизирующий туркам подполковник Исмаил-хан, находившийся в крепости с первых дней существования гарнизона. На самом же деле этот 58-летний офицер, отец 9 детей, почти всю свою долгую службу находившийся в подчинении главнокомандующего Кавказской армией и имевший шестнадцатилетний стаж службы в чине полковника, был отважным и честнейшим офицером. Исмаил-хан смотрел на создавшееся осадное положение глазами реалиста и впоследствии разъяснял: «Я, конечно, не отрицал возможности подобного конца, но всегда повторял при этом, что я никогда не соглашусь на сдачу Баязета еще и потому, что я – мусульманин. Я знаю, что именно этому обстоятельству припишут сдачу, если бы на нее побудили даже тысячи других причин».

Естественно, учитывая систему национальных предпочтений и антипатий писателя, объективной оценки иноверцев от него ожидать не приходится, хотя, надо признать, присущее ему чувство юмора располагает к занятому чтению.

ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ЗНАНИЕ ПРЕДМЕТА

Аглая ушла, а Ключеная, когда затихли женские шаги, спустился в мечеть. Обойдя стены, он остановился перед мусульманской кобылой, обращенной в сторону Мекки. Сказочник и романтик умер в нем – родился снова трезвый инженер, ответственный за судьбу крепости. Прапорщик отшивырнул в сторону разбухшие, непомерно толстые кирпичи рукописных Коранов.

Простой читатель и не догадается, что под кобылой, невесть откуда взявшейся в мечети, скрывается кибла, т.е. определенное направление в сторону Каабы в Мекке, для определения которой в стене мечети сооружается особая ниша – михраб.

Выбирая термин *мухур* для иллюстрации сюжета, Пикуль возможно и не знал, что за подделку *тугры* в Османской империи полагалась смертная казнь, так как именно *тугры*, являясь персональным знаком правителя (султана, халифа или хана) и содержавшие его имя и титул, использовались в подобных целях: *В конце рапорта вместо подписи стоял мухур – фамильная печать, в овале которой было оттиснуто по-арабски и по-русски: «Да текут дни по желанию моему!»*

Мухур действительно означает печать. *Тугра* – это личная подпись, в первую очередь царственных особ, которая наделялась мистическим значением, сверхъестественной природой. Сам процесс написания нередко сопровождался молитвами. *Тугра* составлялась таким образом, чтобы ее невозможно было подделать. Именно по этой причине подписи сложно читать, а иногда буквы настолько переплетены и каллиграфически модифицированы, что прочитать их в состоянии только настоящий эксперт. Оформляется в виде орнаментально украшенной арабской вязи (текст мог быть не только на арабском языке, но и на персидском, тюркских и др.). Такая же печать получила распространение в России, и вплоть до Петра I русские цари имели в дипломатическом арсенале именно *тугры* для закрепления грамот и посланий владыкам мусульманского Востока.

* Анжелика Победоносцева (р. 1981). Выпускница Санкт-Петербургского государственного политехнического университета и Санкт-Петербургского государственного университета. Соискатель на кафедре истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Сам же текст мухура вызывает недоумение, так как из всего вышесказанного читатель уже понял, что Исмаил-хан был соблюдающим мусульманином и признавал власть и могущество Всевышнего над всем живым и неживым, а стало быть, он не мог допустить кощунственную вольность в виде подобной надписи.

Другой случай проявления своеобразных представлений писателя о принципах мусульманской догматики представлен следующим образом: *Действительно, следуя совету Мусы-паши Кундухова, подполковник Исмаил-хан Нахичеванский велел денщику побрить свой сиятельный череп. Он еще вчера объявил Пацевичу, что давно не молился, и теперь притворяясь дервишем, распевал премудрые «зикры».*

Опять же, по отношению к соблюдающему мусульманину слова «давно не молился» выглядят более чем странно. *Зикр* – как многократное произнесение имен Всевышнего – не является отличительной чертой только странствующих суфиев (дервишей), он доступен и рядовым мусульманам. Вот если бы Исмаил-хан приступил к суфийским обрядам и кружил денно и ночью во дворе цитадели, то тогда он бы мог притвориться дервишем. Или же, например, раздать свои вещи окружающим, так как отличительной особенностью дервиша является отсутствие собственности. Например, дервишу не добавляет говорить «моя обувь», у него не должно быть собственности, поскольку все принадлежит Богу. Исмаил-хан мог бы, например, демонстративно разгуливать босиком.

«МУСУЛЬМАНСКИЕ» ОБРЯДЫ

Особое место В. Пикуль уделит процедурам гигиены: *Накануне выхода на рекогносцировку Исмаил-хан исполнил сложный обряд согласно заповедям шариата: выщипал на своем теле волосы, обрезал ногти и, завязав все эти отходы в узелок, велел денщику утопить узелок в реке.* Как вариант, автор мог решить судьбу узелка иначе, например ритуально сжечь на костре.

Согласно шариату, любой мусульманин должен стремиться к опрятности и чистоте нравственной и физической, оберегая собственные помыслы и внешний вид. Вот как отображен этот постулат в произведении В. Пикуля: *Нищие на майдане оставили азартную ловлю паразитов на своих лохмотьях (которую предусмотрительный Аллах предписал правоверным наряду с омовением) и тоже согнулись в поклоне. Совершенно неясно, зачем такое простое действие описывать так выпендрено, не иначе, автор испытывал тайное восхищение старательным соблюдением правил.*

Интересный призыв и совет встречается в письме доброжелателя генерала Муса-паши Кундухова: *«...Нам нужна святая война – газават: готовьте себя к ней постом и покаянием. Побрейте, наконец, свою голову, как и подобает мусульманину: когда Фаик-паша или Казим-Магома ворвутся в Баязет, Вас узнают по обритой голове – и Вы сохраните свою жизнь».* Если учесть, что в цитадели присутствовали пленные турки и курды с похожей на предлагаемую Исмаил-хану прической, то совершенно необязательно было прислушиваться к провокационному «как подобает мусульманину». Помимо нескольких хадисов, посвященных бритью головы, по этому поводу есть высказывание Абу Хамида ал-Газали: «Нет ничего плохого в сбривании волос головы тем, кто желает [таким образом] поддерживать ее в чистоте, и нет ничего плохого в отращивании волос на голове тем, кто умащает их и причесывает».

Писатель продолжает дополнять образ дервиша-суфия Исмаил-хана не вполне ясными деталями: *Тем временем Пацевич, как бы ненароком, заглянул в обвешанную саджатами клетушку Исмаил-хана, который в этот момент брил волосатые ноги.*

Зачем понадобилась брить именно эту часть тела – тоже не ясно. Через несколько страниц *«денщик намывливал ему волосатые ноги, иначе хану не натянуть щеголеватые сапожки без подошв».* Ноги Исмаил-хана могли бы остаться в изначальном оформлении, так как несмотря на то, что в исламе существуют предписания определенного контроля за волосатым покровом на теле человека, ног как раз они не касаются. Неоднократный акцент автора на этой детали вызывает недоумение. Неясен вопрос с сапожками, так как притворяющийся дервишем Исмаил-хан «распевал зикры», отвергая все мирское. Интерьер комнаты полковника не менее своеобразен. *Саджат* – означает молитвенный коврик (от араб. *суджуд* – земной поклон). Почему коврики в таком количестве висели (!) в апартаментах мусульманина, когда *киблу* можно обозначить одним предметом коврового искусства, рассказчик, к сожалению, умалчивает.

Продолжая совершенствовать образ злостного предателя Исмаил-хана, В. Пикуль не потрудился заглянуть в Коран: *Исмаил-хан отпустил Ключену и вспомнил: девяносто первый стих пятой главы Корана очищал человека от предательства, если он накормит десять нищих, выкупит из тюрьмы невольника или будет поститься три дня подряд.*

Девяносто первый стих Корана в тафсире Э. Кулиева выглядит следующим образом: (5:91) *Воистину, сатана при помощи опьяняющих напитков и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и намаза. Неужели вы не прекратите?*

О кормлении нищих говорится в девяносто пятом, правда не уточняется в каком количестве: (5:95) *О те, которые уверовали! Не убивайте охотничью добычу, находясь в ихраме. Если кто-нибудь из вас убьет ее преднамеренно, то воздаянием за это будет скотина, подобная той, что он убил. Выносят решение о ней (о жертвенной скотине) двое справедливых мужей из вас, и эта жертва должна достичь Каабы. Или же для искупления этого следует накормить бедняков или соблюсти равноценный пост, дабы он вкусил пагубность своего поступка. Аллах простил то, что было прежде, но если кто-нибудь вернется к этому, то Аллах отомстит ему. Аллах – Могущественный, Способный на возмездие.* К тому же для реализации изложенного в Священной Книге Исмаил-хан должен был бы находиться в состоянии *ихрама*, т.е. в особом состоянии духовной чистоты паломника, совершающего хаджж.

Вырисовывается образ странствующего суфия, совершающего хаджж в окруженной противником цитадели, босого и всесторонне побритого.

СТЕРЕОТИПЫ – НИКУДА ОТ НИХ НЕ ДЕНЕШЬСЯ

Роль женщины в мусульманском обществе – настолько избитая тема, что не приходится удивляться новому витку воображения и познания повествователя: *Выход рекогносцировочного отряда был назначен в канун «Джума-гюню», под пятницу – самый счастливый день для всех начинаний мусульманина; уступив Исмаил-хану в этом,*

Хвоцинский разрешил милиции отправиться в путь ночью, чтобы Исмаил-хан не мог встретить женщины, приносящей несчастье.

Подобное утверждение так напоминает русскую примету о печальных последствиях встречи женщины с пустым ведром, что, кажется, автор просто, увлекшись, не дописал пару слов.

И еще: *Я так и сказал ему – глупости! Но он был настойчив. Он видел дальше меня... Вы, барон, понимаете: здесь ее опоганят и продадут. Как мешок орехов. У них так и написано в Коране: женщина – как мешок орехов. Столь четко выраженный размер платы за женщину уже заставляет усомниться: а есть ли слово «орех» в Коране?*

И как венец образа Исмаил-хана, порожденного совокупными познаниями В. Пикюля относительно наиболее значимых аспектов ислама можно привести следующий отрывок: *– Аза-ам... аза-ам, – кричали муэдзины, и под эти вопли Исмаил-хан перебирал, молясь, четки из кости. Зерен было всего девяносто – ровно столько, сколько имел душевных и телесных качеств пророк.*

Писатель дал волю воображению, изобразив призыв на обязательную молитву повторением названия самого призыва – *азан*, в котором, как известно, упоминают совсем другое – *Бог Велик! Свидетельствую, что нет божества, кроме Единого Бога. Свидетельствую, что Мухаммад – посланник Бога. Спешите на молитву, спешите к спасению. Бог Велик! Свидетельствую, что нет божества, кроме Единого Бога.*

Четки, состоящие ровно из 99 бусин, каждая из которых соответствует одному из 99 имен Аллаха, явленных в Коране, мусульмане используют для совершения безмолвной молитвы и благочестивых размышлений.

Некоторые авторы пытаются объяснить основы мусульманского вероучения через призму христианской традиции. Потому не скоро будет преодолена путаница, происходящая из разницы понятий о поклонении Создателю и почитании Пророка.

Как признается сам Валентин Пикюль в предисловии к роману «Баязет», «первый – не значит лучший». Что верно, то верно. А вот то, что «в этом романе отражены подлинные события, но имена некоторых героев заменены вымышленными», вызывает некоторые сомнения. Данный роман, учитывая приведенные характеристики «реальных героев с вымышленными именами», заслуживает статуса скорее псевдоисторического романа с вольной интерпретацией деталей, недоступных пониманию автора.

КТО НАПИСАЛ КОРАН?

Гумер Исаев*

Записки преподавателя

Преподавательская деятельность дает серьезную пищу для размышлений, особенно когда есть возможность пообщаться со студентами, узнать, как они усвоили предмет и какое мнение имеют по поводу того или иного вопроса. Обычно возможность пообщаться случается во время зачетов и экзаменов в период сессии. И здесь можно услышать много нового, неизвестного как тебе самому, так и всему научному сообществу. Одна из моих уважаемых коллег даже вела специальную тетрадку, куда записывала курьезные ответы студентов во время зачетов и экзаменов, а потом зачитывала их другим курсам в назидание. Было очень смешно, но в то же время и грустно из-за глупости некоторых ответов. Поэтому я думаю, что мне тоже стоит описать несколько примеров из своей практики – в назидание другим учащимся.

В университете я преподаю несколько дисциплин, которые так или иначе связаны с исламом, Ближним Востоком, арабским миром. Некоторым студентам эти темы совершенно неизвестны по причине европоцентристской направленности российской науки и соответствующего освещения этой проблематики СМИ. Поэтому часто мне приходится разрушать какие-то стереотипные заблуждения – фактически «открывать» студентам Восток. Действительно приятно видеть удивленные (а иногда и восторженные) глаза студентов, внимательно слушающих преподавателя. Но как только приходит время сессии, получаешь возможность узнать, насколько хорошо был усвоен материал...

Передо мной студент третьего курса, который не часто приходил на занятия. Я задаю ему несколько вопросов из сферы «занимательной географии», предполагая, что если он и не усвоил курс, то хотя бы школьная база ему поможет. Пытаясь ответить на непростой вопрос «Где находится Ливия?», он морщится. Напрягаются извилины – и рождается блистательный ответ: «Внизу». Я едва не присвистнул: «Как это внизу? Внизу – первый этаж, столовая, а еще ниже подвальные помещения университета... Ливии там нет!» Он поясняет «Внизу карты». «А как еще называют “низ карты”?» – спрашиваю я, не надеясь получить ответ. Следует тихая подсказка из глубины аудитории, и ответчик спасен: «На юге!» Гениально. Мы выяснили, что низ карты – это ЮГ!

* Гумер Галиевич Исаев (р. 1979). В 1996 г. поступил на Восточный ф-т СПбГУ, окончил в 2001 г. с дипломом историка-арабиста. В 2005 г. защитил кандидатскую диссертацию. Работал в Египте, Ливии, Сирии, Ливане. Преподает на ф-те политологии, восточном ф-те, Смольном институте СПбГУ. Главный редактор информационно-аналитического портала meast.ru, посвященного актуальным проблемам современного Ближнего Востока.

Человек стал немного образованнее. В общем, ради этого стоило в течение полугода читать курс о современном Ближнем Востоке и Северной Африке. Чтобы студент знал, что Ливия находится где-то «внизу» и «на юге». Понимая, что вопрос относительно континентов, а также относительно понятий «север» – «юг», окончательно собьет с толку несчастного студента, задаю ему другой вопрос: «Как выглядит ливийский флаг?» Тишина. Снова помощь аудитории, сзади шепот: «Цвета доски». Наш мученик смотрит на зеленую доску и с надеждой произносит «Коричневый?...» Незачет. Занавес.

Другая история – забавная и грустная одновременно. Передо мной молодой человек, с мусульманскими именем и фамилией, сдающий экзамен по курсу «Культура ислама». Полагая, что ему будет проще сдать экзамен по курсу, имеющему отношение к его вероисповеданию, задаю несколько сложных вопросов. Предлагаю назвать имена четырех праведных халифов. (Насколько этот вопрос можно считать сложным, если речь идет о курсе «Культура ислама»?) Он молчит. Наконец выдавливает: «Осман». И все. Имена других халифов ему неизвестны. «Хорошо – точнее, плохо. Что вы скажете о халифе Османе?» Он продолжает молчать. Я пытаюсь его устыдить, но бесполезно – если знаний нет, то стыд не поможет им появиться. «Что произошло с Кораном при халифе Османе?» – задаю я наводящий вопрос, пытаюсь «разбудить» студента, все еще наивно полагая, что его молчание вызвано волнением. Он снова молчит. «Ну что же халиф Осман сделал с Кораном?!» – спрашиваю я почти в отчаянии. Позади слышу движение – какой-то сердобольный студент беззвучно подсказывает, сводит ладони, собирая в единое целое воображаемый Коран – то, что и было сделано при халифе Османе. Но отвечающий решает идти до конца и полностью доказать свою профнепригодность. «Халиф Осман ЗАКРЫЛ Коран», – торжественно говорит он, а я вдруг испытываю прилив искреннего сожаления о том, что палочные наказания в учебных заведениях давно запрещены.

Пытаясь вытянуть хоть что-то из безнадежного студента, я задаю ему вопрос о Коране – я и не подозревал, что услышу в ответ, иначе я бы его не задал! Вроде бы бедняга знает, что Коран является Священной Книгой мусульман, состоит из сур и аятов. Но вот задаю вопрос «Кто автор Корана, с точки зрения правоверного мусульманина?» И слышу ответ, от которого столбенею, а из аудитории слышатся изумленные вздохи и лица студентов-мусульман багровеют от гнева и стыда за своего необразованного товарища: «Коран написали два человека... но я не помню их имен». Хорошо, что не все студенты обнаруживают такую степень невежества... Но это является слабым утешением после таких вот «кадров».

Действительно, то, что происходит в вузах и – еще раньше – в школах, является ярким показателем той реальной ситуации, которая сложилась в нашем отечестве на сегодняшний день. Молодой выпускник университета станет специалистом в какой-то области, устроится на работу. Но не будет знать простейших вещей об исламе и мусульманском мире. Да что я говорю – у многих отсутствуют элементарные знания о странах, народах, культурах. Может быть, эти знания человеку в его основной профессии и не понадобятся. Наша новая система образования подразумевает концентрацию знаний в профильной сфере – остальное не так важно. Занимаешься своим делом – а то, что рядом с тобой может работать человек с другим культурно-религиозным базисом, не так важно. Я обо всем этом говорю с горькой иронией, со всем не разделяя такой подход.

Мне часто доводилось слышать от российских мусульман, что их немусульманские соотечественники многого не знают об исламе, что это незнание порождает проблемы взаимопонимания. Но куда более острая проблема заключается в том, что сами мусульмане зачастую имеют весьма смутные представления о своей религии. Решит ли эту проблему введение специальных курсов в школьном и университетском образовании? Помогут ли новые учебные программы и финансовая поддержка медресе и религиозных вузов? Вопрос остается открытым. Мне кажется, что в этом вопросе мало надежды на министерства и ведомства. Следует помнить, что первейшую роль в образовании любого человека выполняют семья и общество. И если молодой мусульманин, доучившись до последних курсов университета, не может ответить на простые вопросы об исламе, то можно ли вообще говорить о значимой роли ислама в России? Часто наши религиозные деятели поднимаются на борьбу с мельницами мнимых угроз, говорят о «задачах» российской уммы, о ее численном росте и перспективах развития. Но видят ли они реальные проблемы в мусульманском обществе? Понимают ли, что в мусульманском образовании зияют страшные дыры? Повышая уровень мусульманского сознания в России, они забыли о том, что необходимо параллельно повышать общий уровень образования. Иначе бед не избежать. Очевидно, что сегодня религиозные деятели должны сосредоточить свое внимание не на дележе власти над паствой, борьбе друг с другом, а на культурно-просветительской деятельности. Потому что необразованный мусульманин сегодня – самый главный враг ислама.

Язык невидимого

ТАТАРСКИЙ ШАМАИЛЬ

Игорь Алексеев*

Весной 2009 г. в Государственном музее Востока в Москве впервые прошла выставка «Татарский шамаиль: слово и образ». На ней были представлены произведения этого уникального для мусульманского мира жанра каллиграфического и изобразительного искусства, являющегося неотъемлемой частью традиционной культуры мусульман Центральной России.

Шамаиль – это не только радующие глаз хитросплетения арабской вязи, но самобытная форма изобразительного искусства, которая получила развитие среди поволжских татар во второй половине XIX века.

Шамаиль часто сравнивают то с иконой, то с народным лубком, хотя он не является на самом деле ни тем, ни другим. В традиционном татарском доме он занял место картины, но, в отличие от станковой живописи, не столько украшал внутреннее пространство жилища, сколько освящал и оберегал его. Тексты из Корана, нравоучения, символические изображения, вплетенные в орнаментальные композиции, виды святых мест паломничества, к которым стремится душа мусульманина, – все это составляло содержание шамаиля, чаще всего висевшего над дверью и ежечасно напоминавшего о красоте Божественного промысла.

Шамаили – это сохранившиеся памятники мусульманской городской цивилизации России, возродившейся во второй половине XVIII века и в значительной степени утраченной за минувшее столетие. Они дают важнейший ключ к пониманию внутреннего мира татар-горожан столетней давности, так как на них в сконцентрированном виде воссоздана реальность, затрагивавшая души и умы людей той эпохи. Это не икона и не оберег, не картина и не текст для заучивания. В шамаилях собраны образы мусульманского мира, близкие и понятные татарам начала XX века.

В этом номере мы предлагаем читателю подборку печатных шамаилей рубежа XIX–XX вв. из коллекции Фонда Марджани. Часть из них экспонировалась на выставке и вошла в ее научный каталог¹, другие же еще ожидают более подробного исследования.

* Игорь Алексеев (р. 1975) – историк-арабист, исламовед, кандидат исторических наук. Руководитель научных программ Фонда Марджани, доцент РГГУ.

¹ Татарский шамаиль: слово и образ: каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2009.

Ковчег обитателей Пещеры с шахадой-тугрой

Корабль или ковчег веры и спасения, части, снасти и весла которого образованы из имен верующих юношей (Йамлих (يَمْلِيح), Максилмин (مَكْسَلْمِين), Маслин (مَثَلِين), Марнуш (مَرْنُوْش), Дабарнуш (دَبَارْنُوْش), Шазнуш (شَازْنُوْش) и Кефаштатиуш (كَفْشَطَطِيُوْش), укрывшихся от своих гонителей в пещере (асхаб ал-кахф, Коран 18:9-22), и их собаки Китмир. Флаг и парус корабля образуют две части шахады с благопожеланием Пророку («Нет божества, кроме Бога» и «Мухаммад, да благословит его Господь и ниспошлет ему мир, – Божий посланник»)

«Воистину, Мы даровали тебе явную победу»

Золотая вязь на черном фоне:

«Воистину, Мы даровали тебе явную победу» (Коран 48:1).

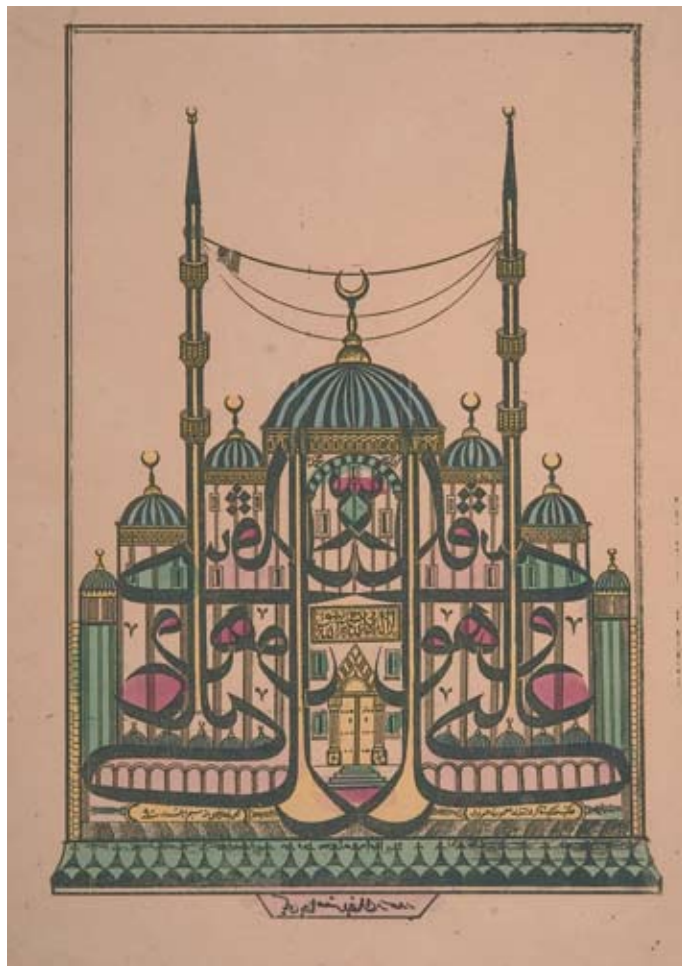
ЧУДЕСА ТЕХНИКИ В ЭДИРНЕ

Шамаиль издан наследницами Шамсадина Хусайнова. Типолитография В. Еремеева и А. Шишмарева. Бумага, печать. 52x72 см. Шамаиль на старотатарском языке с панорамой Эдирны и изображением недавних чудес техники начала XX в.: летающих машин (اوچقچ ماشينه سي), воздушных шаров (هوا شاري), воздушного флота (هوا فلوطي), аэростатов, пароходов (پراحوت) и железной дороги. Рядом с каждым – пояснительные надписи на старотатарском языке. Кроме того, на панораме надписаны названия улиц и достопримечательностей города, главным образом мечетей, включая построенную знаменитым Синаном в 1569–1575 гг. мечеть Селимие (سلطان سليم), Иски Джамии, мечеть султана Баязида.

«КТО СТРЕМИТСЯ К ЗНАНИЯМ, К ТОМУ СТРЕМИТСЯ РАЙ»

Известный хадис, поощряющий ученые занятия.

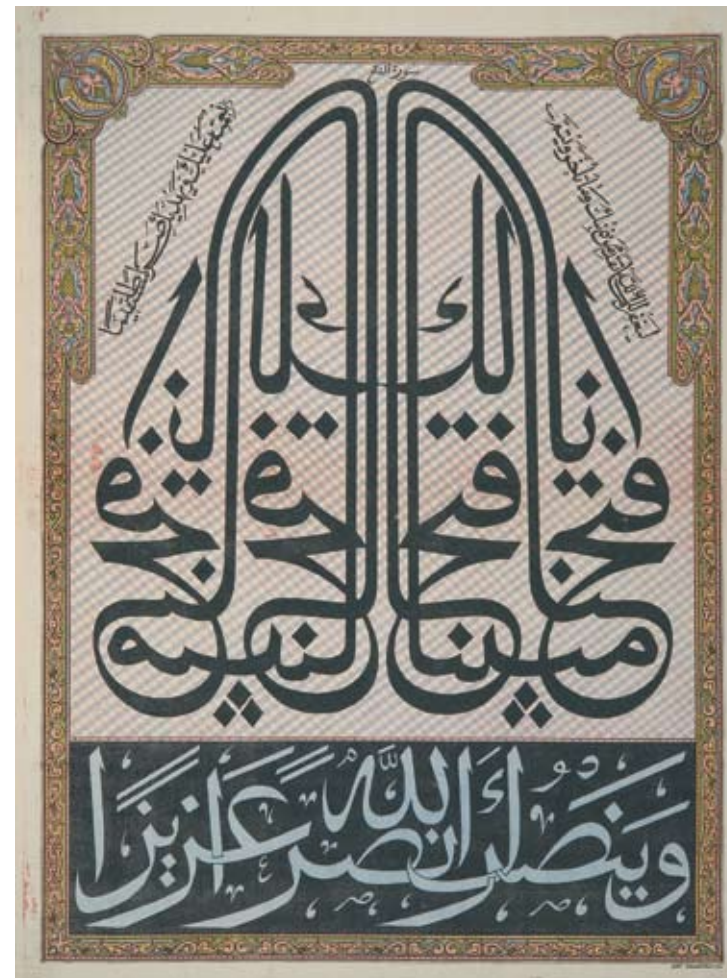
«И Он властен над всем сущим»

Конец первого айата суры «Власть»:

تَبَارَكَ الَّذِي بِيَدِهِ الْمُلْكُ وَهُوَ عَلَى كُلِّ شَيْءٍ قَدِيرٌ

Благословен Тот, в чьих руках власть, Кто властен над всем сущим» (67:1)

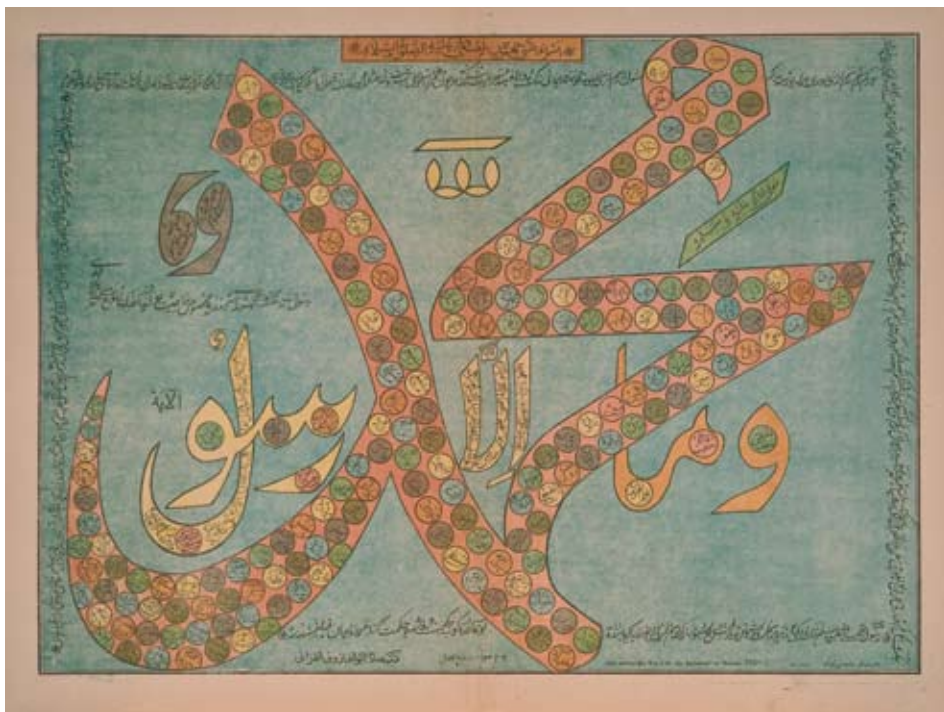
Зеркально выписанный текст образует в центральном прямоугольнике шамаили здание мечети с двумя минаретами и семью куполами.

Начало суры «Победа» (ал-Фатх):

«(1) Воистину, Мы даровали тебе явную победу, (2) дабы простил тебе Бог грехи, которые случились прежде и которые будут впоследствии, дабы Он завершил Свою милость к тебе, дабы наставил тебя на прямой путь (3) и дабы оказал тебе Бог великую помощь» (Коран, 48: 1-3).

Первый айат: إِنَّا فَتَحْنَا لَكَ فَتْحًا مُّبِينًا выписан в центральной части композиции в зеркальной форме.

«Мухаммад лишь только Посланник»

Начало аята 3:144: وَمَا مُحَمَّدٌ إِلَّا رَسُولٌ. Надпись составлена из кружочков с именами и почетными прозваниями Пророка.

«Господь Всевышний»

Имя Всевышнего («Аллах та'аля») выписано в форме масляного светильника. Аллюзия на 35-й аят 24-й суры «Свет» (ан-Нур): «Бог – свет небес и земли. Его свет – словно ниша, в которой – светильник, заключенный в стекло, подобное жемчужной звезде. Возжигается светильник от благословенного оливкового дерева, которое растет не на востоке и не на западе. Масло от его [плодов] загорается почти что без соприкосновения с огнем. Свет к свету! Бог направляет к Своему свету того, кого пожелает, и приводит Господь притчи людям. Ведает Он о всем сущем».

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МАРДЖАНИ ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ В 2009 г. СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПЕРЕВОДАХ

А.В. САГАДЕЕВА: В 3 т. Т. 1. Ал-Кинди. Т. 2. Бахманйар. Т. 3. Ибн-Баджжа. 2-е изд., доп. М., 2009.

В представленной работе даны переводы сочинений известных арабо-мусульманских философов эпохи Средневековья, осуществленные профессором А.В. Сагадеевым, который известен не только как крупный историк-философ, но и как авторитетнейший переводчик. Изучению проблем арабо-мусульманской философии он посвятил около 50 лет своей творческой жизни, и все это наиболее широко и полно представлено в данной работе. Данные книги будут полезны не только специалистам в области арабо-мусульманской философии, но и всем интересующимся историей восточной мысли. Составитель и автор вступительной статьи – доктор философских наук, профессор Н.С. Кирабаев.

МЕЙСАМ МУХАММЕД АЛЬ-ДЖАНАБИ. ТЕОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ АЛ-ГАЗАЛИ.

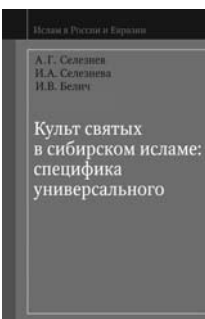
2-е изд. М., 2009.

Труды Абу Хамида ал-Газали (1058–1111), которого благодарные современники называли «оживителем веры» и «доводом ислама», представляют собой не только неотъемлемую часть духовного наследия мира ислама, но и одну из основ, один из источников самосознания человечества. В процессе эволюции личности ал-Газали и его идей отразились не только достижения культуры халифата, но и судьба античной интеллектуальной традиции, итоги ее осмысления за те пять веков, которые предшествовали созданной им всеохватной идейной системе. Автор предлагаемого читателю исследования удачно совмещает в своей работе академическую фундированность и погруженность в изучаемую им культурную традицию.

А.Г. СЕЛЕЗНЕВ И ДР. КУЛЬТ СВЯТЫХ В СИБИРСКОМ ИСЛАМЕ: СПЕЦИФИКА

УНИВЕРСАЛЬНОГО. М., 2009.

В работе как объект этнологического изучения рассматривается культ святых в сибирском исламе, прежде всего у тоболо-иртышских татар. Проанализированы основные составляющие данного культа: почитание святых исламских подвижников, институт мусульманских святынь, представления об общеисламских персонажах, органично включенных в локальную религиозную традицию. Выявляются общие и особенные черты в функционировании культа, диалектическое взаимодействие универсальных и регионально-специфических его элементов. Прослеживается влияние суфизма на формирование религиозного комплекса сибирских мусульман. В научный оборот вводится полевой этнографический и фольклорный материал. Книга рассчитана на историков, этнографов, культурологов, религиоведов и всех интересующихся данной проблематикой.

ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ

А.В. САГАДЕЕВ. ВОСТОЧНЫЙ ПЕРИПАТЕТИЗМ.

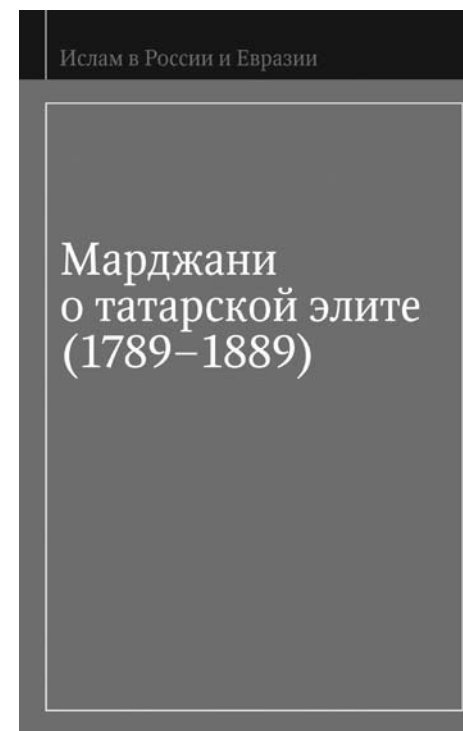
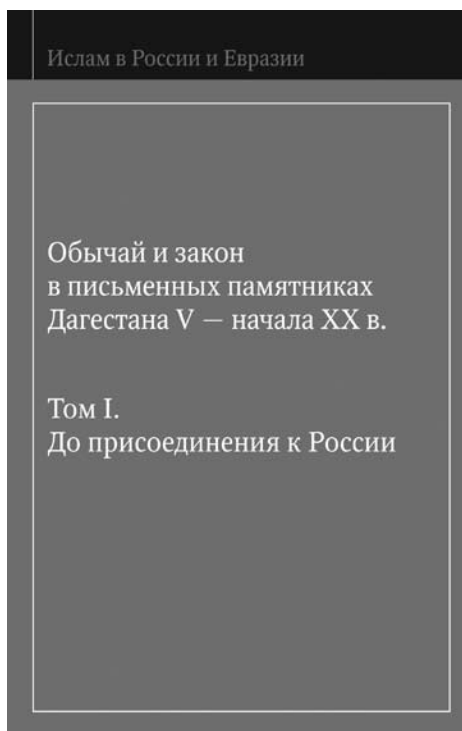
М.: Изд. дом Марджани, 2009.

Читателю предлагается фундаментальное исследование выдающегося российского арабиста, философа и историка Артура Владимировича Сагадеева (1931–1996). Эта работа стала итогом многолетних авторских изысканий в области средневековой арабской философии (фалсафа). Перед читателем открывается многоплановая, четко детализированная картина взаимодействия различных культур Средиземноморья и Ближнего Востока — арабской, иранской, эллинистической, древневосточных культур. Ислам смог объединить все эти культуры, не уничтожая их самобытности. Он открыл широкие возможности не только для собственно религиозного спекулятивного философствования, но и для рационалистической философии, представленной прежде всего именами ал-Кинди, ал-Фараби, Ибн Сины, Ибн Рушда и прочими менее известными авторами. Именно это направление восприняло колоссальное наследие древнегреческой философии и науки, обогатило и углубило их, трансформировало в условиях новой эпохи, радикально отличной не только от Античности, но и от современных ей западноевропейской и византийской традиций.

ОБЫЧАЙ И ЗАКОН В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ДАГЕСТАНА V – НАЧАЛА XX в.: В 2 т. / сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. дом Марджани, 2009.

МАРДЖАНИ О ТАТАРСКОЙ ЭЛИТЕ (1789–1889)
/ пред. и вступ. ст. доктора философских наук А.Н. Юзеева.
Пер. А.Н. Юзеева, И.Ф. Гимадеева. М.: Изд. дом Марджани, 2009.

Книга представляет сборник переводов с арабского, тюркских и кавказских языков памятников обычного права Дагестана. Она подготовлена востоковедами и этнографами из Махачкалы и Москвы. В 2 томах собраны договоры, нормативные тексты и этнографические описания, рисующие средневековую новую и новейшую историю адата в регионе. Среди них каноны царя Кавказской Албании Вачагана Благочестивого (488), «Завещание Андуника» (1485), соглашения и судебники XVII–XIX вв. общин и конфедераций горцев Гидатля, Андалал, Джара, Келеба, Цекоба, кодексы Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства, «Адаты кумыков» Маня Алибекова. Все переводы, включая работы классика дагестанской арабистики М.Д. Саидова, приводятся в уточненном и дополненном виде, снабжены историко-этнографическими комментариями. Публикацию источников предваряет теоретический раздел с исследованиями по истории правового обычая в Дагестане. Книга содержит факсимиле оригиналов важнейших восточных источников, карты и аннотированную библиографию по дагестанскому адату.

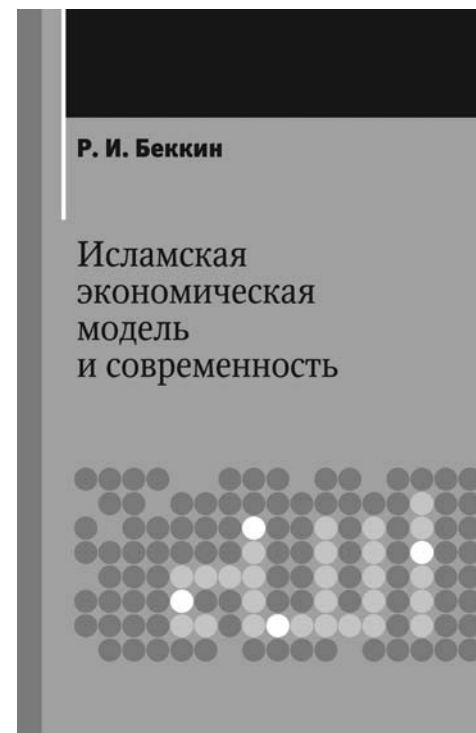
Издание включает научную биографию известного татарского мыслителя Шихабалдина Марджани (1818–1889), подборку переводов из его сочинения «Мустафад ал-ахбар» (автобиография Марджани, биографии первых татарских муфтиев, кади Оренбургского духовного собрания мусульман, глав Казанской татарской ратуши) и перевод «Рихлат ал-Марджани» — путевых заметок о хадже Марджани. Книга адресована историкам, востоковедам и широкому кругу читателей, всем кто интересуется вопросами истории и культуры российских мусульман.

Ислам в Европе и в России / сост. и отв. ред. Е.Б. Деминцева. М.: Изд. дом Марджани, 2009.

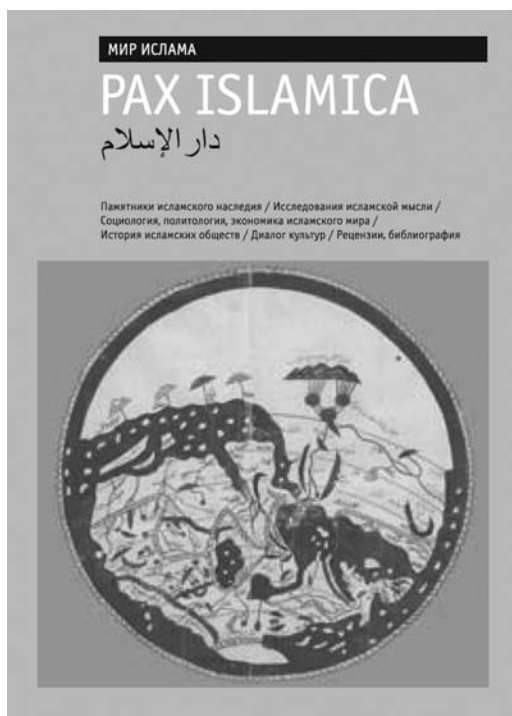
Исследования, посвященные появлению, распространению и сегодняшнему состоянию ислама как на территории стран Западной Европы, так и на всем пространстве России, представляют интерес не только для специалистов, занимающихся данной тематикой, но и для всех тех, кто интересуется политическими, социальными, культурологическими процессами, происходящими в мире на сегодняшний день. Несмотря на разницу подходов европейских и российских авторов к представленной теме, сборник отвечает поставленной задаче – с разных ракурсов осветить процессы, связанные с мусульманскими сообществами, происходящие в странах, где проживает немусульманское большинство. Статьи, составляющие эту книгу, знакомят читателя не только с проблемами мусульманских сообществ, актуальными на сегодняшний день, но и с теми научными методами, которые используют авторы при их анализе.

Р.И. Беккин. Исламская экономическая модель и современность. М.: Изд. дом Марджани, 2009.

Фундаментальный труд российского исламоведа Р.И. Беккина посвящен теоретическим и практическим аспектам исламской экономической модели. Книга вносит серьезные коррективы в представления о том, что существующей мировой финансовой системе нет альтернативы. В монографии представлен детальный анализ исламской экономики и ее отдельных институтов на современном этапе. Книга адресована ученым, преподавателям, студентам, представителям бизнес-сообщества, а также всем, кто интересуется экономической проблематикой.

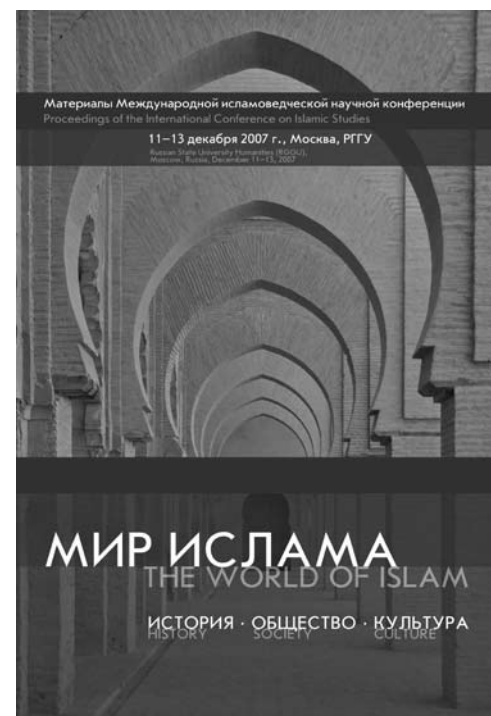
НАУЧНЫЙ ИСЛАМОВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ PAX ISLAMICA – МИР ИСЛАМА

Альманах выходит 2 раза в год.
 Главный редактор – А.Ю. Хабутдинов.
 Электронный адрес журнала:
www.paxislamica.ru

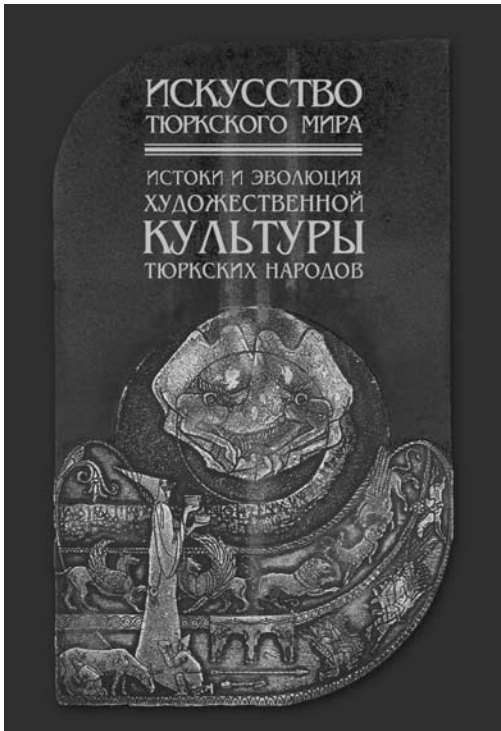
Первый в России опыт независимого научного издания, посвященного проблемам изучения ислама, истории и культуры мусульманских обществ. Важно, что попытка такого издания предпринята не официальными академическими или университетскими кругами, а группой свободных исследователей, объединившихся вокруг Фонда Марджани — некоммерческой благотворительной организации, осуществляющей поддержку научных исследований и культурно-просветительских проектов, связанных с изучением и популяризацией историко-культурного наследия исламской цивилизации. Альманах направлен в равной степени на изучение «классического» и современного ислама. Особое внимание уделяется изучению ислама в России. Pax Islamica на латыни означает «исламский мир». По аналогии с Pax Romana этот термин первоначально использовался исламоведами для характеристики мусульманского мира в эпоху его наивысшего культурного расцвета. Сегодня, подобно политологическому Pax Americana, обозначающему американский «новый мировой порядок», Pax Islamica представляет собой метафору исламской цивилизации как таковой в ее историческом, культурном, социальном и политическом аспектах.

МИР ИСЛАМА: ИСТОРИЯ, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА:
 материалы Международной исламоведческой научной конференции
 11–13 декабря 2007 г., Москва, РГГУ. М.: Изд. дом Марджани, 2009.

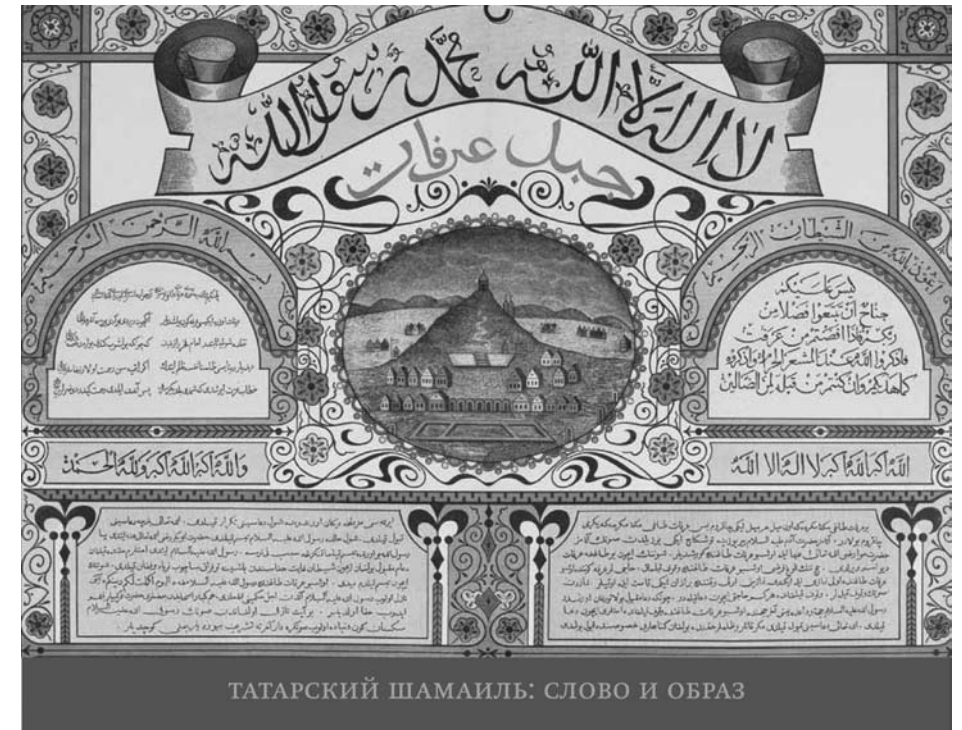
Сборник включает в себя материалы докладов международной конференции «Мир ислама: история, общество, культура» (Москва, 11–13 декабря 2007 г.). Тематика статей охватывает широкий круг проблем, связанных с различными аспектами истории, культуры и современного социально-политического развития мусульманских обществ. Издание адресовано специалистам — историкам, этнографам, политологам, востоковедам, а также широкому кругу читателей, интересующихся исламом, прошлым и настоящим мусульманского мира.

Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов:
серия «Искусство тюркского мира». Вып. 1. Казань: Заман, 2009.

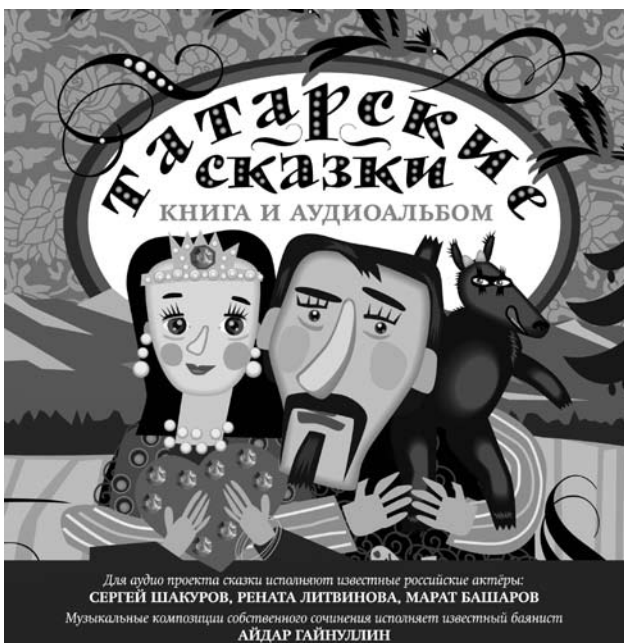

В сборник «Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов», который открывает серию «Искусство тюркского мира», вошли материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (1858–1918), которая стала первым научным форумом по проблемам искусствознания в тюркском мире на современном этапе. Конференция была проведена 17–18 апреля 2008 г. в Казани Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. В материалах рассмотрены следующие аспекты художественной культуры тюрков: образительное и декоративно-прикладное искусство, архитектура, театрално-музыкальное искусство, перспективы художественного образования и эстетического воспитания.

Татарский шамаиль: слово и образ:
Каталог выставки. М.: Изд. дом Марджани, 2009.

Аннотированный каталог к выставке «Татарский шамаиль: Слово и образ. Искусство каллиграфии» (Москва, 24 апреля – 15 июня 2009) представляет основные вехи истории искусства татарского шамаиля. Он включает старинные шамаили, выполненные на оборотной стороне стекла, печатные шамаили, получившие распространение в Казани на рубеже XIX–XX вв., а также работы профессиональных художников, обратившихся к этому традиционному искусству в наши дни. Каталог сопровождается статьями, посвященными происхождению, типологии, символике и месту этого вида искусства в культуре народов Поволжья. Представляет интерес как для искусствоведов, так и для широкого круга читателей.

Проект реализован «Издательским домом Марджани» при поддержке «Фонда Марджани с целью сохранения культурного наследия народов Евразии, развития сотрудничества в области науки, образования и культуры, укрепления дружбы и взаимопонимания между разными народами. Перевод с татарского: Алена Каримова, режиссер-постановщик: Максим Осипов, композитор: Айдар Гайнуллин, художественный руководитель проекта: Петр Банков.

**Альбом и книгу можно приобрести в сети магазинов
ОАО «МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ» по адресам:**

- Ул. Новый Арбат, дом 8 (м. Арбатская)
Телефон: (495) 789-35-91;
- «Дом книги в Бескудниково»: Бескудниковский бул., 29/1
Телефон: (495) 488-25-02;
- «Дом книги на Ленинградке»: Ленинградское ш., 40
Телефон: (495) 159-78-74;
- «Дом книги на Ленинском»: Ленинский пр-т, 86
Телефон: (499) 138-00-67;
- «Дом книги в Отрадном»: Алтуфьевское ш., 34-а
Телефон: (495) 401-39-55;
- «Дом книги на Соколе»: Ленинградский пр-т, 78/1
Телефон: (495) 152-45-11;
- «Дом книги на Сретенке»: ул. Сретенка, 9
Телефон: (495) 625-71-51
- И в интернет-магазине на сайте: www.mdk-arbat.ru

Подписка на журнал «Чётки»

Оформите подписку в редакции журнала.

Стоимость подписки в редакции (включая стоимость доставки):
за один номер – 150 р.
годовая подписка – 600 р.

Оплатив квитанцию (находится на обороте), необходимо выслать ее в редакцию удобным для Вас способом вместе с заполненным купоном. Оплаченная квитанция является документом о подписке.

Подписной купон журнала «Чётки» на № 1 2007 г., № 1 2008 г., №№ 1–4 2009 г.					
Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____ Желаю подписаться на получение: В количестве _____ экз.			Мой адрес: Индекс: _____ Страна: _____ Город: _____ Область: _____ Улица: _____ Дом: _____ корп. _____ кв. _____ (Заполните печатными буквами)		
1 (2007 г.)	1 (2008 г.)	1 (2009 г.)	2 (2009 г.)	3 (2009 г.)	4 (2009 г.)
Номера(ов) журнала (выбранные зачеркнуть)					

	Получатель: Форма № пд-4 ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629 В филиале «Гостиный Двор» КБ «Рублевский». г. Москва, БИК 044552218 Расчетный счет № 40702810700000003047 Кор. счет № 30101 8104000000000218	
	Фамилия И.О., адрес плательщика	
	Вид платежа	Дата
Оплата подписки на журнал «Чётки»		
ИЗВЕЩЕНИЕ	Получатель: ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629 В филиале «Гостиный Двор» КБ «Рублевский». г. Москва, БИК 044552218 Расчетный счет № 40702810700000003047 Кор. счет № 30101 8104000000000218	
	Фамилия И.О., адрес плательщика	
	Вид платежа	Дата
Оплата подписки на журнал «Чётки»		